ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

ВЫПУСКЪ 1-й. и 2-й

Изслѣдованіе И. И. ДУБАСОВА.

МОСКВА.
Типографія Елисаветы Гербекъ, уголъ Петровки и Газетнаго пер., д. Хомяковыхъ.
1883.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Занимаясь въ теченіе 9 лѣтъ изученіемъ Тамбовскихъ архивовъ, почти не тронутыхъ еще историческою наукою, пишущій это въ разныя времена случайно встрѣчался тамъ съ весьма любопытными документами, болѣе или менѣе обстоятельно изображающими прошлую жизнь мѣстнаго края. Результаты этихъ изысканій своевременно помѣщались въ нѣкоторыхъ историко-литературныхъ изданіяхъ и въ губернскихъ органахъ печати. Наконецъ, съ накопленіемъ матеріаловъ, намъ пришла мысль составить болѣе обширный и цѣлостный историческій трудъ и издать его особо. Въ этомъ случаѣ мы поступали по совѣту нѣкоторыхъ образованныхъ любителей мѣстной старины, въ особенности—недавно скончавшагося В. Н. Чичерина, но болѣе всего—по своей любви къ родному краю, прошлыя судьбы котораго такъ мало еще извѣстны. А между тѣмъ наша обширная родина въ массѣ русскихъ областей занимаетъ выдающееся культурно-экономическое положеніе.

Въ первомъ выпускѣ своего историческаго опыта мы излагаемъ факты мѣстной исторіи на основаніи однихъ Тамбовскихъ архивныхъ документовъ. А въ приготовляемомъ къ печати второмъ выпускѣ будутъ помѣщены статьи по матеріаламъ Московскихъ архивовъ, усиленное изученіе которыхъ нами уже предпринято.

Трудъ нашъ представляетъ рядъ самостоятельныхъ очерковъ, связанныхъ общею идеею уясненія прошлой жизни Тамбовскаго края съ разныхъ сторонъ нашего отжившаго быта.

Изображая мѣстную прошлую жизнь исключительно по архивнымъ источникамъ, мы, разумѣется, не думаемъ, что они совершенно исчерпываютъ предметъ нашего изслѣдованія. Есть и еще много общеизвѣстныхъ историческихъ памятниковъ....

Изученію архивовъ мы посвятили себя именно потому, что эти историческіе источники, несомнѣнно, представляютъ главный, наиболѣе разнообразный и достовѣрный историческій матеріалъ.

Къ сожалѣнію, архивныя хранилища даютъ намъ факты отжившей жизни по преимуществу отрицательнаго характера....

ТАМБОВЪ.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

Русская историческая наука представляетъ намъ значительное количество своихъ авторитетовъ, немало и честно потрудившихся въ области своей научной спеціальности и, вслѣдствіе этого, могущественно содѣйствовавшихъ развитію нашего народнаго самосознанія. Но ихъ работа далеко не кончена. Массы историческихъ матеріаловъ ждутъ еще своихъ изслѣдователей. Ждетъ научнаго изслѣдованія въ особенности наша безграничная провинція, составляющая сущность народной жизни и всячески питающая всероссійское отечество. Пока наши первокласные ученые историки во всей широтѣ и подробностяхъ не овладѣютъ провинціальными архивными и иными источниками, до тѣхъ поръ ихъ задача не будетъ исполнена. Но провинціальные архивы мало извѣстны ученому сословію и ихъ изученіе соединено съ величайшими затрудненіями, для одолѣнія которыхъ требуется самая безрасчетная энергія, мотивомъ для которой можетъ быть только безкорыстная преданность отечественной наукѣ. Тѣмъ тщательнѣе должны мы пользоваться всякими случайными открытіями въ провинціальныхъ архивахъ и при этомъ не пренебрегать и кажущимися мелочами.

Много лѣтъ работая въ Тамбовскихъ архивахъ, авторъ предлагаемыхъ очерковъ рѣдко встрѣчался съ крупными историческими матеріалами, обстоятельно развивающими и освѣщающими факты нашей государственно-общественной жизни. Причинъ на это много. Главныя изъ нихъ—централизація важнѣйшихъ провинціальныхъ источниковъ въ столицахъ, удаленность Тамбовскаго края отъ всѣхъ важнѣйшихъ сферъ національно-исторической жизни и, наконецъ, провинціальный архивный безпорядокъ. Тѣмъ не менѣе и при этихъ условіяхъ мы встрѣчались съ мѣстными архивными документами, достойными общаго вниманія. Пренебрегать этими историческими данными мы сочли себя не въ правѣ, иначе они могутъ погибнуть безслѣдно, и вотъ мы предлагаемъ вниманію читателей рядъ очерковъ, извлеченныхъ нами исключительно изъ Тамбовскихъ архивовъ и только отчасти провѣренныхъ и дополненныхъ Московскими документами министерствъ юстиціи и иностранныхъ дѣлъ.

1.

ТАМБОВСКІЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Подъ этимъ заглавіемъ въ Тамбовѣ сохранилось краткое лѣтописное сказаніе неизвѣстнаго автора объ основаніи нашего города и о судьбахъ его до 1708 года. «Лѣта 7144-го (1636 г.),—начинаетъ словоохотливый лѣтописецъ,—по указу богоизбраннаго и святымъ елеемъ помазаннаго крѣпкаго хранителя и поборника святыя православныя вѣры) благовѣрнаго и Богомъ почтеннаго и превознесеннаго и благочестіемъ всея вселенныя въ концѣхъ возсіявшаго царя и великаго князя Михаила Феодоровича, создася градъ Тамбовъ на рѣкѣ Цнѣ. А строилъ тотъ городъ стольникъ Романъ Федоровичъ Бобарыкинъ и былъ воеводою три лѣта».

Городъ Тамбовъ, заложенный 17 Апрѣля, *совершенъ былъ* 1-го октября 7145 года. Почти все первоначальное населеніе его было военное, стрѣлецкое и казацкое, и только къ югу отъ крѣпости въ Покровской пригородной слободѣ поселены были тяглые крестьяне.

Цѣль построенія нашего города заключалась въ оборонѣ отъ Татаръ всей Московской юго-восточной украйны. Это видно изъ слѣдующихъ словъ дошедшей до насъ грамоты царя Михаила Θеодоровича отъ 1637 года: «въ прошлыхъ годѣхъ въ Шацкія и иныя Мещерскія мѣста Татарскіе и Ногайскіе воровскія люди прихаживали изгономъ и тѣ всѣ мѣста воевали, людей побивали и въ полонъ имали, и села и деревни многія пожгли и до конца разорили и отъ тое великія войны многія села и деревни запустѣли, а служилые люди оскудѣли и учинилися безлюдны и безлошадны и безоружейны. И мы то слыша, указали поставить городъ Тамбовъ.» Поэтому первые годы существованія новой крѣпости отличались военными тревогами по поводу ежегодныхъ Татарскихъ и Ногайскихъ нападеній. Уже въ самый годъ открытія крѣпости къ Тамбову приходили *Татарскіе воинскіе люди партіею въ 100 человѣкъ,* но были отбиты и была за ними погоня.

«И зашли тѣхъ Татаръ,—говоритъ Тамбовской лѣтописецъ,—лучшіе служилые люди 400 человѣкъ на степи и отбили у нихъ всѣхъ коней, а въ Тамбовъ полону привели 63 человѣка.»

Въ 7152 году, при воеводѣ Самуйлѣ Ивановичѣ Бискинѣ, на Тамбовъ было новое Татарское нападеніе. «Приходили къ намъ, сказано въ лѣтописи, воинскіе люди и побрали служилыхъ людей человѣкъ съ двадцать. И послана была за ними погоня въ 500 человѣкъ съ головою Иваномъ Кородыкинымъ и дошли ихъ въ степи и ничего имъ Татарамъ наши служилые люди не учинили, только нашихъ 30 человѣкъ порубили, а иныхъ въ полонъ взяли мѣсяца апрѣля въ 23 день.»

Въ 7156 году присланъ былъ въ Тамбовъ князь И. И. Ромодановскій *для великаго землянаго строенія, и того лѣта построенъ валъ отъ рѣки Цны до рѣки Челновой на 20 верстахъ, а строенъ тотъ валъ седміютю городами.*

Въ 7163 году началось христіанское просвѣщеніе Тамбовской Мордвы и Мещеры. Просвѣтителемъ края явился Рязанскій архіепископъ Мисаилъ, который приводилъ инородцевъ къ богопознанію, *обвеселяя ихъ царскою милостію и жалованною дачею, а суровѣйшихъ изъ нихъ претя казію.* Впослѣдствіи, какъ извѣстно, этотъ миссіонеръ погибъ мученическою смертію отъ Мордвы въ окрестностяхъ Шацкаго села Конобеева. Лѣтопись сохранила намъ имя убійцы рязанскаго владыки. Это былъ мордвинъ Гаречишка, *навожденіемъ сатанинскимъ устрѣлившій вѣрнѣйшаго служителя Божія.* Окровавленная мантія архіепископа Мисаила и теперь еще хранится въ Рязанскомъ кафедральномъ соборѣ.

Въ слѣдующемъ 7164-мъ году къ Тамбову подошли Татары изъ подъ Азова. Судя по лѣтописному сказанію, это нашествіе было особенно грозное. «Азовскіе Татары,—говоритъ нашъ лѣтописецъ,—подъ Тамбовомъ на поляхъ многую шкоду народу Россійскому сотвориша, въ плѣнъ мужеска и женска полу многочисленно побраша и во своя отведоша.»

Черезъ три года на Тамбовъ напали Крымскіе Татары. Воевода Иванъ Михайловичъ Короваевъ вышелъ противъ нихъ *со стрѣльцами и казаками и со всякимъ оружіемъ,* потерялъ въ бою 90 человѣкъ и поспѣшно скрылся за городскими земляными валами и деревянными частоколами. Тѣ пушки, которыми воевода Короваевъ отстрѣливался во время Татарскихъ приступовъ, и теперь еще цѣлы и украшаютъ собою нѣкоторые мосты и площади города Тамбова. Всѣ они—чугунныя и маленькія и едва-ли особенно вредили степной ордѣ.

Между тѣмъ, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича началось извѣстное казацкое и крестьянское

движенiе на Волгѣ, коснувшееся и нашего края. «Божiимъ попущенiемъ,—повѣствуетъ Тамбовскiй лѣтописецъ,—воровскiе казаки измѣнника Стеньки Разина приходили къ намъ отъ града Шацкаго и обступили крѣпость мѣсяца ноемврiя въ 9-й день и стояли тутъ до мѣсяца февраля и въ то время пало служилыхъ людей и измѣнниковъ многое число»).

Воровскихъ людей было подъ Тамбовомъ 5,000 человѣкъ и они до того стѣснили нашъ городъ, что у ратныхъ служилыхъ людей не стало вина. «А безъ того вина,—писалъ въ Москву Тамбовскiй воевода Яковъ Хитрово,—намъ быть не мочно».

Въ концѣ декабря 1670 года къ осажденной крѣпости подошли отряды полковниковъ *драгунскаго строя* Гробова, Ульфа и Хрущова. Тогда мятежная шайка разбѣжалась по частямъ и временно утвердилась въ селахъ: Бокинѣ, Кузьминой гати, Лысыхъ горахъ и Челнавскомъ острожкѣ. Близъ послѣдняго *воровъ* переловилъ полковникъ Хрущовъ, главный мѣстный герой даннаго смутнаго перiода.

Между тѣмъ Яковъ Хитрово, обезсиленный дряхлостiю и боевыми тревогами, оставилъ воеводство и переѣхалъ въ Москву. На его мѣсто въ Тамбовъ назначенъ былъ Иванъ Бутурлинъ. При немъ-то въ 1671 году и совершилось окончательное умиротворенiе нашего края.

Въ смутную Разинскую эпоху всей Тамбовской области особенныя услуги оказаны были Чернiевымъ монастыремъ, который *царскимъ воинскимъ людямъ платилъ жалованье*. Бѣдный Шацкiй монастырь истратилъ на этотъ предметъ 980 рублей и такимъ образомъ роль его въ данномъ случаѣ напоминаетъ намъ извѣстные патрiотическiе подвиги Троицкой Лавры*)....

*) Подробныя свѣденiя о Разинскомъ мятежѣ въ предѣлахъ Тамб. и Шацкой провинцiй, на основанiи Моск. арх. документовъ, представлены будутъ нами во второй книгѣ, приготовляемой къ печати.

Послѣдняя страница Тамбовской лѣтописи посвящена описанію Булавинскаго нашествія. Въ 1708 году мѣстнымъ воеводою былъ Василій Васильевичъ Даниловъ. Тогда же стоялъ въ Тамбовѣ съ своимъ отрядомъ полковникъ князь Григорій Ивановичъ Волконскій. Въ это время вторглись въ наши предѣлы съ рѣки Хопра шайки Кондратія Булавина. Лѣтопись говоритъ объ этомъ такъ:» «приходилъ къ намъ отъ Кондрашки Булавина воровскій атаманъ Лушка Хармичъ и, пріѣхавъ ко дворцу государеву за Кузьминою гатью, государевыхъ лошадей побралъ многое число; да отъ нихъ же казаковъ шкода учинилась великая въ селахъ и деревняхъ, а градскіе люди были въ осадѣ болѣе десятихъ дней».

Булавинскую осаду снялъ съ города Тамбова драгунскій полковникъ Ефимъ Андреевичъ Гульцъ. Но, съ его отбытіемъ, Тамбовскій край посѣтила новая бѣда. «Грѣхъ ради нашихъ,—повѣствуетъ лѣтописецъ,—на новоселенныя села и деревни Тамбовскаго уѣзда пришли воровскіе калмыки и многихъ мужеска полу и женскаго людей въ полонъ побрали, и малыхъ ребятъ, и всякій скотъ смерти предавали, а иныхъ за рѣку Волгу отведоша и великую шкоду роду христіанскому учиниша.»

Дальнѣйшія событія изъ исторіи Тамбовскаго края довольно подробно выясняются документами Шацкаго провинціальнаго архива и разныхъ Тамбовскихъ присутственныхъ мѣстъ. Съ особенною ясностію, хотя и отрывочно, представляется намъ эпоха Петра Великаго.

Въ концѣ XVII столѣтія вся сѣверная часть нынѣшней Тамбовской губерніи была сплошь покрыта дремучими лѣсами-хвоей и чернолѣсьемъ. Въ этихъ дѣвственныхъ лѣсахъ на всей своей волѣ проживали Мордовскія и Мещерскія племена, укрываясь въ темныхъ трущобахъ отъ зоркихъ Московскихъ бояръ и воеводъ, и въ нихъ же свободно рыскали хищные звѣри, всячески донимая лѣсныхъ обитателей. То было время, когда многіе Спасскіе, Темниковскіе, Елатомскіе и Шацкіе лѣса, по всей

справедливости, именовались *гоголевыми борами и бобровыми гонами.* Сѣверная Тамбовская глушь изрѣдка только нарушалась *бутами, майданами, станами и починками,* населеніе которыхъ, по указамъ приказа Казанскаго дворца, занималось гонкою смолы и поташа. Съ этою цѣлію выжигались сотни и тысячи десятинъ превосходнаго корабельнаго лѣса. И жгли этотъ лѣсъ Тамбовскіе аборигены безъ пощады, точно конца-краю не было ему.

Нерасчетливое истребленіе сѣверныхъ Тамбовскихъ лѣсовъ замѣчено было царемъ Петромъ—этимъ безпримѣрнымъ печальникомъ русской земли, отъ хозяйскаго глаза котораго едва ли укрывалось хоть одно какое нибудь глухое мѣсто въ его обширномъ царствѣ. Поэтому въ 90-хъ годахъ XVII столѣтія присланъ былъ изъ Москвы въ Спасскъ и Темниковъ стольникъ Власовъ съ царскимъ наказомъ, *дабы лѣса по Мокшѣ, Ваду, Парцѣ и инымъ впадающимъ въ нихъ рѣкамъ были во всякомъ береженьи.* Съ тѣхъ поръ надолго, до самой смерти великаго императора, прекратилось у насъ лѣсное хищеніе и тогда же началось относительно правильная гражданская жизнь въ нашемъ Мордовско-Мещерскомъ захолустьи.

Всѣмъ извѣстно, что царь Петръ Алексѣевичъ слишкомъ занятъ былъ государственными дѣлами. Однако, это не мѣшало ему обстоятельно и дѣятельно слѣдить и за нашимъ Тамбовскимъ краемъ и могущественно втягивать его въ общіе интересы государства. Не легко было Шацкому народонаселенію нести тяготу государственную, но за то всѣми русскими силами сильнѣе и скорѣе созидалась Россійская имперія, теперь уже окрѣпшая физически и ожидающая своего нравственнаго обновленія и развитія.

Петръ Великій велъ довольно частую переписку съ Шацкими и Тамбовскими воеводами, а также съ Воронежскимъ вице-губернаторомъ Степаномъ Андреевичемъ Колычовымъ, который послѣ Азовскаго губер-

натора графа Апраксина былъ главнымъ начальникомъ Шацкой и Тамбовской провинцій.

3-го ноября 1715 года царь Петръ написалъ Колычову слѣдующій рескриптъ: «господинъ вице-губернаторъ! Посланъ къ вамъ указъ для дѣланія юфтей, которое дѣло публикуй и смотри, по изшествіи двухъ лѣтъ, чтобы сей указъ былъ весьма исправленъ. Петръ.»

При этомъ рескриптѣ присланы были въ нашъ край извѣстные царскіе печатные указы *всѣмъ промышленникамъ, которые видаютъ юфть* «Понеже юфть, которая употребляется на обуви,—читали приказные во всѣхъ волостяхъ Тамбовской и Шацкой провинцій,—весьма негодна есть къ ношенію и, когда мокрота хватитъ, расползается и вода проходитъ; того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланъ изъ Ревеля мастеръ къ Москвѣ для обученія того дѣла.. И ежели кто будетъ дѣлать юфти старые, такой будетъ въ жестокомъ наказаніи и посланъ будетъ на каторгу и лишонъ своего имѣнія. И то Шацкій фискалъ Негоновскій смотрѣлъ бы накрѣпко.»

Выше мы сказали, что нелегко жилось Тамбовско-Шацкому краю во времена Петра Великаго. Прежнія украинныя льготы исчезли навсегда. Всюду обнаруживался зоркій правительственный глазъ и ни одинъ обыватель не могъ уклониться отъ сложныхъ государственныхъ повинностей. Жители Тамбовской и Шацкой провинцій принимали дѣятельное участіе въ построеніи Петербурга и Кронштадта. Съ этою цѣлію у насъ набирали *работныхъ людей* по одному съ 16 дворовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ производились денежные сборы на Петербургскихъ работниковъ. Въ 1715 году на этотъ предметъ со всей Азовской губерніи собрано было 7785 рублей. А также отдѣлили съ городовъ и селъ Шацкой и Тамбовской провинцій 6% выборныхъ ямщиковъ и съ женами и дѣтьми отправили ихъ на *вѣчное житье* въ С.-Петербургъ. Въ 1714 году усиленно собирали

Тамбовскихъ и Шацкихъ недорослей *для государева дѣла.* Иныхъ отвозили въ школы, другихъ сдавали въ солдаты и матросы, но *оные дворяне,*—говорятъ мѣстные документы,— *къ государеву дѣлу были несклонны и въ томъ учинялись противны.* Тогда ихъ начали забирать посредствомъ военныхъ командъ.

Въ концѣ 90-хъ годовъ XVII столѣтія городъ Тамбовъ былъ однимъ изъ сборныхъ пунктовъ русскихъ полковъ, предназначенныхъ для Азовскаго похода. Въ то время маленькій нашъ городъ сдѣлался шумнымъ и веселымъ. Почти всѣ *птенцы Петровы* собрались тогда у насъ, не доставало только самого орла-царя Петра Алексѣевича. За то часто и по долгу проживалъ великій императоръ въ Липецкѣ, гдѣ онъ приказалъ даже выстроить себѣ дворецъ. *Липецкій дворецъ* состоялъ изъ трехъ *покоевъ,* внутреннія стѣны которыхъ были обмазаны глиною, перемѣшанною съ соломою. Весь домъ былъ деревянный и окруженъ былъ необходимыми службами. Кругомъ усадьбы выведена была рѣшетчатая ограда. Царь Петръ обращалъ на Липецкъ особенное вниманіе: онъ основалъ въ немъ чугунно-литейный заводъ, на которомъ иногда самъ работалъ, и открылъ извѣстныя Липецкія минеральныя воды, для пользованія которыми имъ же составлены собственноручно гигіеническія и медицинскія правила.

Къ сожалѣнію, драгоцѣнный Липецкій памятникъ не былъ сохраненъ нашими предками, а Липецкія минеральныя воды, по смерти Петра, надолго были забыты и заброшены. *Дворецъ* Петра Великаго, съ открытіемъ Тамбовскаго намѣстничества, въ 1779 году оставленъ былъ безъ призора и въ концѣ прошлаго столѣтія представлялъ собою слѣдующую картину запустѣнія. Ставни на дворцовыхъ окнахъ были оторваны, или же висѣли вдоль стѣнъ, дворцовыя печи разваливались, потолки отъ сгнившихъ балокъ выпятились, стѣны клонились на бокъ, ограда и надворныя постройки со-

всѣмъ разрушились.... Уже въ 1803 году вспомнили наконецъ про Липецкія воды и кстати обратили вниманіе и на царскій дворецъ, сдѣлавшійся постоялымъ дворомъ для бѣдныхъ пріѣзжихъ. Въ 1804 году его реставрировали. Любители родной старины настойчиво предлагали правительству *сдѣлать для царскихъ покоевъ каменный футляръ.* Но экономическія соображенія помѣшали осуществленію этого патріотическаго и научнаго дѣла. Вслѣдствіе этого реставрированный дворецъ остался, какъ говорится, на юру и въ 1807 году сгорѣлъ до тла.

Эпоха Петра Великаго ознаменована между прочимъ улучшеніемъ полеваго хозяйства въ предѣлахъ Тамбовской и Шацкой провинцій. Царь Петръ ввелъ у насъ косы съ граблями и присылалъ къ намъ съ культурными цѣлями нѣмецкихъ мастеровъ—земледѣльцевъ. Въ Тамбовскомъ губернскомъ правленіи и теперь виситъ на стѣнѣ копія съ одного изъ писемъ Петра Великаго къ Шацкому воеводѣ Ляпунову по этому предмету. Въ свое время Петровское письмо было обнародовано нами въ «Древней и Новой Россіи» и потому мы не приводимъ его въ полномъ текстѣ, а ограничиваемся лишь краткимъ изложеніемъ его содержанія. Петръ Великій посылаетъ въ Шацкую провинцію нѣмецкихъ мастеровъ и повелѣваетъ имъ научить Шацкое крестьянство нѣмецкимъ способамъ земледѣлія.

До конца XVII столѣтія заботы Московскаго правительства относительно Тамбовско-Шацкаго края по извѣстнымъ причинамъ выражались въ его укрѣпленіи засѣками и деревянными оборонными городками. Это видно изъ слѣдующаго указа царя Ѳеодора Алексѣевича отъ 25 Іюля 1680 года: «въ которыхъ Шацкихъ засѣкахъ на проѣзжихъ дорогахъ городки и острожки и башни и всякія засѣчныя крѣпости погнили и обвалились и рвы засыпаны, и тѣ всякія крѣпости сдѣлать противъ прежняго». Съ началомъ же XVIII вѣка край нашъ уже не боялся Татарско-Ногайскихъ набѣговъ и потому

въ немъ началась усиленная русская колонизація. Шли къ намъ многочисленные переселенцы самаго разнообразнаго этнографическаго состава, увлекаясь извѣстнымъ плодородіемъ Тамбовско-Шацкой почвы; проникали въ наши дремучіе лѣса и дикія степи такъ называемые *утеклецы*, укрываясь отъ самаго свѣту Божьяго, терпѣли они голодъ и холодъ и кормились чѣмъ Богъ послалъ; усиленно добивались нашихъ полевыхъ, сѣнныхъ и лѣсныхъ угодій многочисленные служилые люди и сталъ нашъ край владѣльческимъ краемъ.... Съ тѣхъ поръ Тамбовскую и Шацкую провинціи стали называть *разбойнымъ краемъ. Разбойники ходили у насъ по селамъ и деревнямъ нарядным дѣломъ и чинили разбои и огнемъ людей жгли и было отъ нихъ огненное хоромное запаленіе.* Особенно много было *воровскихъ людей* около Морши, Пичаева, Кадома и въ Шацкомъ залѣсскомъ стану. Отсюда они выѣзжали иногда на добычу подводахъ на 70. Лѣсные обитатели копали себѣ въ лѣсныхъ дебряхъ обширныя пещеры и строили земляные городки. Тамъ они отдыхали отъ своей темной работы и дѣлили *полонъ* и тамъ же въ крайности отчаянно боролись съ военными командами. Нѣкоторые городки и пещеры и теперь еще цѣлы въ бывшей Шацкой провинціи и своимъ существованіемъ поддерживаютъ въ простомъ народѣ массу легендарныхъ сказаній о былой жизни отщепенцевъ русскаго народа.

Съ особенною энергіею Тамбовско-Шацкіе разбои искоренялись при Петрѣ 1-мъ. Онъ посылалъ многочисленныя военныя команды противъ нашихъ *воровскихъ людей* и организовалъ въ Тамбовской и Шацкой провинціяхъ общественную охрану, между дѣятелями которой особенно выдается староста села Карамышъ — Степановъ. Съ крестьянами односельцами углублялся онъ въ лѣсныя трущобы и каждый разъ приводилъ оттуда домой *невѣдомыхъ людей* и сдавалъ ихъ въ провинціальную канцелярію.

Со смертію Петра Великаго разомъ прекратилась эпоха кипучей правительственной дѣятельности. Некому было позаботиться о всероссійской провинціи, о ея неурядицахъ и стремленіяхъ; всѣ наши захолустья представлялись высшимъ властямъ только съ одной точки зрѣнія, съ чисто фискальной. Поэтому исторія Тамбовско-Шацкаго края, въ теченіе почти всего XVIII вѣка, есть рядъ фактовъ самаго отрицательнаго свойства. Въ обѣихъ провинціяхъ господствовалъ самый дикій и безсознательный произволъ мелкихъ властей. Представленія относительно общественнаго блага утратились совершенно. Высшій чинъ давилъ низшаго и въ этомъ видѣлъ непогрѣшимую прерогативу своего званія. Губернія побивала провинціи, провинція гнула воеводскіе округи. Такія начальственныя отношенія очень ясно видны изъ слѣдующаго приказа Шацкой провинціальной канцеляріи солдату Григорію Ермакову: «взять тебѣ одну обывательскую подводу и ѣхать въ городъ Касимовъ, а по пріѣздѣ подать указъ въ воеводскую канцелярію и отъ господъ присутствующихъ неотступно требовать дѣла и наряды о состоящей на городовомъ магистратѣ съ 1730-го года по 1745 годъ доимкѣ. И пока тѣ дѣла и наряды не будутъ отданы—присутствующихъ и секретаря держать тебѣ въ канцеляріи безъ выпуску и быть на ихъ коштѣ.»

Этотъ замѣчательный указъ Шацкой провинціальной канцеляріи, отдававшій подъ начало простаго солдата всю воеводскую канцелярію, составленъ былъ Шацкими властями въ 1746 году.

Сохранившіеся мѣстные архивные документы изображаютъ Тамбовскую и Шацкую внутреннюю жизнь за весь XVIII-й вѣкъ въ самомъ неприглядномъ видѣ. Въ Шацкихъ и Тамбовскихъ селахъ собирали недоимки, накопившіяся съ 1718 года. Невольныхъ неплательщиковъ содержали подъ карауломъ *безъ выпуску* и нещадно били. Все ихъ имущество продавали и всетаки край

нашъ, богатый по природѣ, но поразительно бѣдный по условіямъ экономическаго быта, былъ въ неоплатныхъ казенныхъ долгахъ. Не легки были для Тамбовско-Шацкаго народонаселенія и прежніе подвиги Петербургской тайной канцеляріи. Безсиленъ былъ Петербургскій режимъ для поднятія культурнаго уровня нашихъ провинцій, за то, къ нашему несчастью, силенъ онъ былъ въ дѣлѣ *всякихъ изнуреній*. Сыщики брали нашихъ предковъ въ застѣнки за всякую малость: *за непригожія слова,* за имѣніе монетъ съ изображеніемъ Іоанна VI-го, за какую нибудь описку въ оффиціальной бумагѣ, а иногда просто по недоразумѣнію.... Иная страшная бѣда нашего края въ прошломъ столѣтіи была слѣдующая. Въ царствованіе Анны Іоанновны собирали у насъ съ 18 душъ по одной съ подводами и всѣмъ провіантомъ въ *судовую Донскую экспедицію* для постройки и доставки судовъ въ крѣпость св. Анны къ Азову. Эта повинность совершалась подъ *страхомъ жесточайшаго истязанія и въ самокрайней скорости.* Въ работу брали даже стариковъ, больныхъ и увѣчныхъ, провожали ихъ до мѣста военныя команды и часто *изнуряли голодомъ и побоями.* Работниковъ высылали къ Азовскому морю *денно и нощно съ великимъ поспѣшеніемъ,* партіями человѣкъ въ 1000 и болѣе и шли съ ними суровые начальники: комисары, счетчики и подъячіе.

Но ужаснѣе всего для населенія была рекрутчина. Новобранцевъ обыкновенно заковывали въ кандалы и держали за крѣпкимъ карауломъ. Протестъ противъ этого лишенія свободы нерѣдко выражался въ открытомъ сопротивленіи рекрутскаго контингента властямъ. Многіе отчаянно ножами, вилами и рогатинами бились съ вербовщиками и уходили въ дремучіе лѣса. Менѣе рѣшительные бросали семьи и уходили въ степи. Третьи уродовали себя и шли за это подъ судъ, подъ кнутъ и плети. Стонъ стоялъ тогда надъ бѣдною русскою землею и некому было пожалѣть русскаго стра-

дальца. Лишь матери рекрутскія да жены своимъ безсильнымъ и надрывающимъ душу воплемъ смущали всѣхъ....

Въ царствованіе Анны Іоанновны во всѣхъ Тамбовскихъ и Шацкихъ уѣздахъ проживало множество недорослей, укрывавшихся отъ ученія и службы. Всѣ они были болѣе или менѣе грубые и избалованные люди и широко пользовались въ своихъ захолустьяхъ своими владѣльческими привиллегіями. Правительство стремилось ихъ эксплоатировать въ государственныхъ интересахъ, но постоянно встрѣчало при этомъ рѣшительное противодѣйствіе. Тогда составили особую экспедицію для поимки недорослей и было ихъ поймано въ Тамбовскихъ и Шацкихъ дебряхъ не мало. Почти всѣ недоросли были неграмотные и уже не молодые, отъ 35 до 50 лѣтъ. Грамотѣ пришлось имъ учиться въ Семеновскомъ полку, куда всѣхъ ихъ опредѣлили въ солдаты.

Всѣ города Тамбовской и Шацкой провинцій отличались въ прошломъ вѣкѣ замѣчательною убогостію. Можно сказать, что у насъ не было тогда ни одного города, хоть сколько нибудь достойнаго своего имени. Главные города провинцій: Тамбовъ и Шацкъ были въ такомъ состояніи, что даже воеводскіе дворы были въ нихъ *весьма ветхи и сгнили и жить въ нихъ было невозможно.* При этомъ нищета присутственныхъ мѣстъ доходила до того, что въ нихъ не доставало дровъ, свѣчъ, чернилъ, бумаги и сургуча. А приказные чины не получали жалованья и питались *отъ приказныхъ трудовъ.* Въ 1729 году провинціальные подъячіе жаловались Воронежской губернской канцеляріи, что *отъ неусыпнаго письменнаго затрудненія претерпѣваютъ они немалую нужду и помираютъ и домишки ихъ развалились,* но губернскія власти не обратили вниманія на эту жалобу и такимъ образомъ послужили косвенною причиною развитія отжившихъ приказныхъ порядковъ. Поэтому

на канцелярскую службу шли самые сомнительные люди и многіе изъ нихъ были крайне подозрительны даже относительно грамотности. Канцелярская безграмотность иногда обнаруживалась съ совершенною ясностію и тогда неудачныхъ канцеляристовъ назначали на должности сторожей.

Въ 1738 году, во время извѣстной Турецкой войны, велѣно было для предосторожности отъ Крымскихъ татаръ исправить и перевооружить крѣпость Тамбовъ. Земляныя и деревянныя работы должны были совершить обыватели *по наряду*. Затѣмъ на остальные расходы по вооруженію крѣпости ассигновано было 200 рублей. Въ концѣ года въ Тамбовѣ оказалась слѣдующая чугунная артиллерія: 12-ти фунтовая пушка—1; 8-ми фунтовыхъ—3; 6-ти фунтовыхъ—5; 4-хъ фунтовыхъ—2, да затинныхъ пушекъ 10. Поправлялъ крѣпость и орудія штыкъ-юнкеръ Ашанинъ. Пушкарей наскоро набрали изъ обывателей, преимущественно изъ подъяческихъ дѣтей, обучалъ ихъ сержантъ Мигатинъ. При крѣпостныхъ работахъ въ Тамбовѣ было только 2 плотника и одинъ лафетный ученикъ. Слѣдовательно работы шли крайне вяло.

Въ тоже время были вооружаемы и другіе наши города, но тамъ вооруженіе было еще хуже нашего. Въ Краснослободскѣ, напримѣръ, оказалось слѣдующее оружіе: одинъ негодный бердышъ, негодныхъ желѣзныхъ пищалей—3, стволинъ мушкетныхъ—3, тесаковъ негодныхъ—5 и фузей негодныхъ 5....

Въ 1741 году, при императорѣ Іоаннѣ VI, въ городѣ Тамбовѣ зимовало Персидское посольство Надиръ-Шаха. Посломъ былъ Хуссейнъ-Ханъ. Такъ какъ городъ нашъ былъ тогда крайне бѣдный, то, подъ страхомъ *немалаго штрафа и жесточайшаго отвѣта*, велѣно было заготовить для Персіянъ цѣлый провіантный складъ, напримѣръ, сахару 157 пудовъ 20 фунтовъ, сальныхъ свѣчъ 45 пудовъ и вина 105 ведеръ. Все это было уничтожено

многочисленными Персіянами къ началу весны, когда посольство отправилось въ Петербургъ, и въ нашемъ городѣ снова потекла обычная захолустная жизнь. Всѣ припасы собраны были для Персидскаго посольства съ обывателей Тамбовской и Шацкой провинцій, а платили имъ за все квитанціями*)....

Въ 1758 году Тамбовъ снова сталъ епархіальнымъ городомъ и встрѣчалъ своего епископа Пахомія, прославившагося жестокостью и любовью къ звучнымъ колоколамъ.**) А въ 1771 и 1775 годахъ нашъ край посѣтили двѣ бѣды: чума и пугачевщина. Первая бѣда съ особенною ростію разразилась надъ городомъ Козловомъ, а вторая чувствительно коснулась обѣихъ провинцій: Тамбовской и Шацкой. Въ обоихъ случаяхъ была у насъ масса погибшихъ обывателей, но объ этомъ рѣчь послѣ, во второй книгѣ. Здѣсь мы скажемъ только то, что самого Пугачева въ нашей провинціи не было, вмѣсто его *орудовали* многочисленные пугачи, изъ которыхъ одинъ шелъ уже къ Тамбову, но въ с. Разсказовѣ былъ разбитъ Тулиновскими фабрикантами.

Въ 1779 году было открытіе Тамбовскаго намѣстничества. Это торжество совершилось очень просто. Не было при этомъ торжественныхъ рѣчей, потому что всѣ Тамбовскіе обыватели были люди не книжные, и не собирались деньги на учебныя стипендіи, потому что тогда въ Тамбовѣ не было еще ни одного училища, кромѣ гарнизонной школы, въ которой слабо обучали грамотѣ и болѣе энергично *барабанной наукѣ*. Губернское торжество выразилось только въ томъ, что у мѣстнаго эпархіальнаго архіерея Θеодосія былъ парадный обѣдъ, на который ассигнована была правительствомъ тысяча рублей. Въ числѣ почетнѣйшихъ гостей у епископа Θеодосія

---

*) Статья о пребываніи въ Тамбовѣ Персидскаго посольства войдетъ во вторую книгу нашего труда.

**) Съ 1682 года по 1699-й годъ въ Тамбовѣ было 3 епископа: Леонтій, Питиримъ и Игнатій. Съ удаленіемъ послѣдняго эпархія была надолго закрыта.

находились Тамбовскій и Владимірскій генералъ-губернаторъ графъ Р. И. Воронцовъ и правитель Тамбовскаго намѣстничества генералъ-маіоръ А. И. Салтыковъ.

4 Марта 1786 года въ Тамбовъ прибылъ, въ званіи правителя намѣстничества, извѣстный Г. Р. Державинъ. съ этого времени въ нашемъ краѣ начинается новая жизнь. Темная, захолустная сторона пробуждается. Въ общественныхъ дѣлахъ энергично выдвигается принципъ честности. Начинается понемногу просвѣщеніе неграмотнаго края.

Намъ приходилось не разъ читать похвальныя статьи о Державинѣ и вездѣ выдвигалась преимущественно его литературная дѣятельность. Между тѣмъ, на основаніи Тамбовскихъ архивныхъ источниковъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что лучшая эпоха жизни Г. Р. Державина—это его Тамбовское губернаторство. Державинъ былъ самымъ неутомимымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ своего времени и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ только одного современнаго ему соперника: извѣстнаго Новгородскаго губернатора Сиверса. Г. Р. Державинъ былъ человѣкъ неподкупной честности и потому его губернаторство отличалось систематическимъ и неумолимымъ преслѣдованіемъ казнокрадства. Это-то обстоятельство и было едва ли не главною причиною того озлобленія, съ какимъ напустились на него мѣстные губернскіе бюрократы и помѣщики, потому что честный начальникъ края, карая мелкихъ воровъ, не давалъ пощады и крупнымъ хищникамъ, напримѣръ, вице-губернатору Ушакову и богачу купцу Бородину. Державина скоро поняли Тамбовскіе обыватели и потому онъ пользовался совершеннымъ довѣріемъ всего мѣстнаго простонародья. Вслѣдствіе этого крестьяне, однодворцы, мѣщане, церковники и всѣ обездоленные люди, минуя присутственныя мѣста, съ просьбами своими относились большею частью къ нему лично и онъ уже отъ себя предлагалъ обывательскія прошенія разнымъ присутственнымъ мѣс-

тамъ, являясь такимъ образомъ ходатаемъ за всю Тамбовскую *голытьбу*.

Но ближе всего къ сердцу своему Г. Р. принималъ интересы народнаго образованія и въ этомъ главная его услуга, оказанная нашему краю. Самый домъ Державина былъ лучшею школою для взрослыхъ и малолѣтнихъ Тамбовскихъ обывателей. Въ извѣстные дни тамъ были уроки по разнымъ научнымъ предметамъ, танцовальные вечера и спектакли, при чемъ нерѣдко игрались піесы Тамбовскихъ авторовъ, напечатанныя въ основанной Державинымъ первой Тамбовской типографіи. Слѣдовательно, Г. Р. былъ не только основателемъ мѣстной школы, но и реформаторомъ мѣстной общественной жизни, грубыя формы которой не даромъ смущали лучшихъ представителей XVIII вѣка, напримѣръ, третьяго правителя Тамбовскаго намѣстничества П. П. Коновницына.

Открытіе главнаго Тамбовскаго училища послѣдовало, по иниціативѣ Державина, 22 сентября 1786 года. Утромъ этого памятнаго для насъ дня всѣ чиновники, дворянство и народъ собрались въ Казанской церкви. Обѣдню служилъ епископъ Ѳеодосій. Во время многолѣтія производилась пушечная пальба. По окончаніи молебствія церемонія началась въ училищномъ домѣ. Тогда при выходѣ преосвященнаго изъ залы собранія произошло неожиданное обстоятельство: у самой двери училища публика остановлена была рѣчью, которую произнесъ Козловскій однодворецъ Захарьинъ. Самый патетическій моментъ рѣчи былъ тотъ, когда Захарьинъ взялъ у жены своего маленькаго ребенка и отнесъ его въ училищную залу къ портрету Государыни. Многіе слушатели при этомъ заплакали и, по старинному русскому обычаю, поторопились выразить свое сочувствіе скромному оратору деньгами. Въ заключеніе торжества въ губернаторскомъ домѣ былъ парадный обѣдъ, а *народъ предъ намѣстническимъ правленіемъ довольствованъ былъ питіемъ и яствами отъ купца Матвѣя Бородина.*

Что открытіе Тамбовскаго училища было дѣломъ административнымъ, а не общественнымъ, это видно изъ того, что нѣсколько лѣтъ сряду мѣстные родители добровольно не хотѣли отдавать чадъ своихъ въ училищную науку. При такихъ обстоятельствахъ Г. Р. Державинъ принялъ на себя обязанности опекуна всей молодежи города Тамбова. По его распоряженію, крестьянскихъ и мѣщанскихъ мальчиковъ забирали въ классы насильно, чрезъ полицію. Вслѣдствіе этихъ чрезвычайныхъ мѣръ произошло то, что въ 1787 году училищныхъ воспитанниковъ во всей Тамбовской губерніи считалось около 400 человѣкъ.

За открытіемъ училищъ послѣдовало въ городѣ Тамбовѣ открытіе первой мѣстной типографіи, въ которой первоначально печатались сенатскіе указы, распоряженія губернскаго начальства, публикаціи, справочныя цѣны и разныя извѣстія. Такимъ образомъ Державину должно быть приписано первое изданіе Тамбовскихъ губернскихъ вѣдомостей, окончательно узаконенныхъ уже въ царствованіе императора Николая 1-го. Кромѣ оффиціальныхъ документовъ, въ Тамбовской типографіи стали печататься мѣстные литературные опыты, напримѣръ, прологъ на открытіе въ Тамбовѣ народнаго училища, ода Державина на взятіе Измаила и переводы мѣстныхъ писательницъ: Ниловой и княгини Голицыной. Первая напечатала «приключенія англичанина Эдуарда Вальсона», а вторая — «заблужденія отъ любви».

Городъ Тамбовъ во времена Державина представлялся въ самомъ непривлекательномъ видѣ. На двѣ тысячи домовъ-избъ въ немъ было только два просторныхъ дома со всѣми барскими угодіями; казенныя строенія походили на развалины; по улицамъ въ дождливое время не было проѣзда. И только обширный генералъ-губернаторскій деревянный дворецъ, на половину занятый многочисленными губернскими присутствіями, не много скрашивалъ скудную картину города-деревни... Во дворцѣ была

просторная тронная зала съ великолѣпнымъ императорскимъ трономъ.

Тѣмъ не менѣе знаменитый поэтъ очень доволенъ былъ Тамбовскою жизнью. Ему нравилась Тамбовская дешевизна жизни и выдающаяся его самого дѣятельность. Въ письмѣ къ Капнистамъ Державинъ однажды писалъ такъ: «Гаврилъ, Тамбовскій губернаторъ, и Екатерина, Тамбовская губернаторша, здравья вамъ желаютъ и нарочнаго курьера о здравьи вашемъ навѣдаться отправляютъ и о себѣ объявляютъ, что они весело и покойно поживаютъ и всю скуку позабываютъ и васъ къ себѣ въ гости приглашаютъ и балъ для васъ дѣлать обѣщаютъ». Игривый тонъ этого письма, безъ всякаго сомнѣнія, весьма ясно указываетъ на пріятное настроеніе нашего поэта.

Къ сожалѣнію, Державинъ былъ правителемъ Тамбовскаго намѣстничества недолго, до конца декабря 1788 года. Сломили его бюрократически-хищническія продѣлки. Дѣло было такъ. Въ 1788 году князь Потемкинъ отправилъ въ Тамбовскую губернію комиссіонера Гарденина съ предписаніемъ губернскому начальству о содѣйствіи въ покупкѣ и доставкѣ провіанта для арміи. Закупивши хлѣбъ, Гарденинъ явился въ казенную палату за деньгами, но не получилъ ихъ. Тогда Державинъ, опасаясь бѣдственныхъ для арміи послѣдствій отъ неисполненія операцій Гарденина, далъ предложеніе палатѣ удовлетворить комиссіонера. Однакожъ тогдашній вице-губернаторъ Ушаковъ наотрѣзъ отказалъ Гарденину и выѣхалъ изъ Тамбова для осмотра Кутлинскаго винокуреннаго завода. Такимъ образомъ Державинъ оказался въ довольно странномъ положеніи, но онъ былъ не изъ такихъ администраторовъ, чтобы кривить душою и ронять достоинство правителя намѣстничества. Онъ счелъ себя въ правѣ дѣйствовать на свой страхъ, чтобы *превозмочь упорство палаты и найти скрываемыя деньги*. Съ этою цѣлью онъ приказалъ коменданту Булдакову съ

совѣтникомъ и секретаремъ намѣстническаго правленія освидѣтельствовать палатскую казну. Неожиданная ревизія обнаружила въ казенной палатѣ 177, 600 рублей... Послѣ этого Державинъ приказалъ выдать Гарденину всю сумму въ размѣрѣ исполненнаго имъ подряда, *отнеся сію выдачу,*—писалъ онъ,—*на мой отвѣтъ.* Именно съ этого времени Г. Р. Державина возненавидѣли всѣ мѣстныя власти съ генералъ-губернаторомъ Гудовичемъ во главѣ. Тогда начали усиленно заботиться о его удаленіи изъ Тамбова. Къ бюрократамъ усердно примкнуло и большинство дворянства, которому не нравилась честная и безкорыстная служба нашего поэта, отличавшагося кромѣ того излишнею и рѣзкою откровенностью...

Въ это время положеніе Державина стало до того невыносимымъ, что онъ *намѣревался навсегда уѣхать изъ Россіи.* «Еслибъ не царствовала Екатерина II-я,—писалъ онъ впослѣдствіи императрицѣ,—то, какъ Богу, Вашему Величеству исповѣдую, долженъ бы я давно оставить мое отечество». Въ особенности Г. Р. Державину повредила по службѣ извѣстная скандальная исторія, произшедшая между супругою его Екатериною Яковлевной и женой предсѣдателя гражданской палаты В. П. Чичерина. Молва объ этой исторіи дошла до самой государыни и истолкована была не въ пользу Державиныхъ. Въ этомъ случаѣ больше всѣхъ постарался генералъ-прокуроръ князь Вяземскій.

Съ 1788 года много поколѣній смѣнилось въ нашемъ городѣ, но имя Державина и доселѣ хранится въ памяти мѣстнаго населенія. Цѣлы также до настоящаго времени казенныя постройки, исполненныя по распоряженію и подъ наблюденіемъ Гавріила Романовича. Слѣдовательно, Державинъ былъ администраторомъ безкорыстнымъ, что въ XVIII столѣтіи было далеко не заурядныимъ явленіемъ...

Въ старости незлобивый поэтъ простилъ всѣхъ своихъ Тамбовскихъ враговъ и въ 1810 году вотъ что писалъ онъ о злѣйшемъ изъ нихъ, вице-губернаторѣ

Ушаковѣ: «я исполнялъ мой долгъ по моимъ чувствованіямъ, а М. И. Ушаковъ по своимъ, или въ чью либо благоугодность, но когда все это прошло, какъ сонъ, то несправедливъ бы онъ былъ, ежели бы по сіе время злобился на сновидѣнія. Мы всѣ здѣсь на театрѣ, и когда съ него сойдемъ, то всѣмъ объяснится, кто какъ свои роли игралъ.» И дѣйствительно, высокая роль Державина, какъ Тамбовскаго губернатора, теперь объяснилась. Это былъ образцовый по честности, уму и трудолюбію администраторъ. Заключаемъ рѣчь о немъ его же собственными правдивыми словами: «къ службѣ я способенъ, неповиненъ руками и чистъ сердцемъ.»

Послѣ Державина Тамбовскіе губернаторы до 1815 года мѣнялись съ чрезвычайною быстротою. Вотъ ихъ фамиліи: Звѣревъ, Неклюдовъ, Лаптевъ, Ланской, Тейльсъ, Литвиновъ, Кудрявцевъ, Бахметевъ, Львовъ, Палицынъ, Кошелевъ, Ниловъ и Шишковъ. Всѣ они не оставили о себѣ въ Тамбовскомъ краѣ прочной памяти. А Неклюдовъ и Лаптевъ за разныя злоупотребленія по службѣ, выражавшіяся преимущественно въ превышеніи власти и хищеніи, безъ прошеній уволены были въ отставку съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы.

Въ 1802 году, при губернаторѣ Кошелевѣ, въ Тамбовской губерніи случилось одно происшествіе, о которомъ слѣдуетъ упомянуть. 14 октября этого года въ Липецкомъ и Лебедянскомъ уѣздахъ въ пяти селахъ было землетрясеніе. При этомъ всѣ избы, какъ доносилъ Тамбовскому прокурору Лебедянскій стряпчій, *качались въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и шумъ былъ подъ землею и нашелъ на всѣхъ великій страхъ.* Въ деревнѣ Мордовкѣ, по словамъ помѣщика Колобова, дѣло это происходило такъ: «во второмъ часу я съ гостями сѣлъ обѣдать. Вдругъ столъ нашъ зашатался и всѣ мы выбѣжали изъ столовой въ другія комнаты, полагая, что тронулись своды. Землетрясеніе продолжалось минутъ пять. Около господскаго дома стояла дворовая изба, въ которой

повѣшены были дѣтскія колыбели и всѣ они разомъ начали качаться. Въ каретномъ сараѣ бабы рубили капусту и корыта безъ всякой видимой причины стали подпрыгивать». Къ сожалѣнію, въ 1802 году въ Тамбовской губерніи не было людей, которые могли бы обратить должное вниманіе на это чрезвычайно рѣдкое явленіе, происшедшее, вѣроятно, вслѣдствіе осадковъ какихъ нибудь рыхлыхъ пластовъ Лебедянской и Липецкой почвы.

Къ тому же 1802 году относится открытіе въ Тамбовѣ дворянскаго училищнаго корпуса для бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей. Это былъ первый опытъ усердія Тамбовскаго дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія, вызванный *всенародною радостію* по поводу вступленія на престолъ императора Александра 1-го, смѣнившаго суровый режимъ Павловскаго царствованія.

Манифестъ о кончинѣ императора Павла Петровича и о возшествіи на престолъ Александра 1-го полученъ былъ въ Тамбовѣ ночью, 22 марта 1801 года, и уже въ 6 часовъ утра слѣдующаго дня почти весь городъ поспѣшилъ въ Казанскій монастырь для принятія присяги. Возшествіе на престолъ молодаго императора было привѣтствуемо всѣми, какъ *всерадостнѣйшее событіе*. Тамбовскій губернаторъ Бахметевъ по этому поводу писалъ извѣстному Беклешову, что чувства *неизъяснимаго народнаго восторга словесно не могутъ быть выражены.* Живѣе всѣхъ Тамбовскихъ сословій патріотическую радость чувствовали дворяне, по поводу подтвержденія жалованной грамоты дворянству; они-то и поспѣшили выразить свою радость добрымъ дѣломъ. Быстро составлена была скромная учебная программа дворянскаго корпуса примѣнительно къ тремъ классамъ съ русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками, съ исторіей и географіей, физикой, гражданской архитектурой и закономъ Божіимъ. Предположено было, чтобы окончившіе курсъ воспитанники Тамбовскаго училищнаго корпуса безъ экзамена поступали въ кадетскіе корпуса и университеты. Корпу-

сные ученики были раздѣлены на три группы: бѣднѣйшіе учились безплатно, нѣкоторые платили за право ученія по 50 рублей, а пансіонеры за все платили 150 рублей. Самыхъ бѣдныхъ мальчиковъ доставлено было изъ 12 уѣздовъ Тамбовской губерніи *по одному отроку*. Открытіе училища послѣдовало 22 іюня 1802 года въ домѣ Беклемишева, гдѣ теперь Екатерининскій Учительскій Институтъ. Усерднѣе всѣхъ Тамбовскихъ уѣздовъ къ училищу отнесся Кирсановскій уѣздъ, дворяне котораго внесли въ училищную кассу 1500 рублей. Между тѣмъ Темниковскіе дворяне *пожертвовали* на дѣло народнаго просвѣщенія только 15 рублей.

Учебно-воспитательная часть бывшаго дворянскаго училища, впослѣдствіи преобразованнаго въ кадетскій корпусъ, а теперь упраздненнаго, была далеко не въ блистательномъ положеніи. Это видно изъ слѣдующихъ фактовъ.

1 ноября 1805 года инспекторъ Веденяпинъ доносилъ училищному совѣту: «учитель французскаго языка Гессингъ замѣченъ мною въ безпечности и нерадѣніи къ своей должности, а наипаче въ поведеніи, крайне противоположномъ добронравію и качествамъ, приличнымъ званію наставника». Въ тоже время учитель исторіи Нащинскій, нуждаясь въ деньгахъ, вздумалъ доставать ихъ такъ: онъ являлся въ извѣстныя семейства, гдѣ были взрослыя дочери, и объявлялъ себя женихомъ. Дѣлалъ онъ это съ тою цѣлію, чтобы въ качествѣ будущаго зятя получить нѣсколько денегъ, послѣ чего остроумный педагогъ начиналъ искать другихъ довѣрчивыхъ и денежныхъ родителей... Понятно, что при подобныхъ педагогахъ Тамбовскіе дворянскіе воспитанники не могли получать удовлетворительнаго образованія и воспитанія. При этомъ самое зданіе училищнаго корпуса было такъ бѣдно, что въ классы проходилъ дождь, а нравы училищнаго начальства выражались между прочимъ въ публичной и грубой брани инспектора Зайцева, адрессованной ко всѣмъ преподавателямъ.

Всѣхъ дворянскихъ капиталовъ на Тамбовской училищный корпусъ поступило 60 тысячъ рублей, не считая суммъ фиктивныхъ, т. е. подписанныхъ и оставшихся въ вѣчной недоимкѣ... Во всякомъ случаѣ эта жертва была значительная, вызвавшая особенное вниманіе императора Александра 1-го, доказательствомъ чего служитъ слѣдующій императорскій рескриптъ на имя Тамбовскаго губернатора А. Л. Львова.

«Господинъ тайный совѣтникъ., Тамбовскій гражданскій губернаторъ Львовъ!

Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего подвигъ Тамбовскаго дворянства на заведеніе училищнаго корпуса, нахожу истинное удовольствіе отдать всю справедливость благонамѣреннымъ его видамъ и поручаю вамъ изъявить ему мою признательность. Относя начало этого предпріятія ко дню моей коронаціи, дворянство избрало самый лестный мнѣ знакъ своего усердія... Чѣмъ пріятнѣе мнѣ сіе его заключеніе, тѣмъ считаю я справедливѣе быть предупредительнымъ къ самому содержанію вашего рапорта, что сумма, опредѣленная на сіе заведеніе, не падаетъ на крестьянъ и не сдѣлаетъ новаго налога, но составится единственно изъ избытковъ собственныхъ дворянскихъ доходовъ, въ чемъ и не оставите кому слѣдуетъ сдѣлать внушеніе. Александръ.»

Однако, не смотря на нѣкоторое оживленіе Тамбовской жизни во времена Державина и отчасти въ началѣ Александровскаго царствованія, мѣстная культура пребывала въ самомъ жалкомъ состояніи. Это видно изъ слѣдующаго.

Въ 1803 году вышло правительственное распоряженіе, чтобы въ губернскихъ городахъ не было домовъ, крытыхъ соломою, и чтобы начальство приняло всѣ мѣры *къ искорененію такого безобразія, соединеннаго съ опасностію отъ пожаровъ*. И вотъ, въ видахъ осуществленія этого распоряженія, Тамбовскій губернаторъ Палицынъ приказалъ полиціи снять въ г. Тамбовѣ всѣ соломенныя

крыши. Тогда нашъ городъ, вслѣдствіе слишкомъ рьянаго полицейскаго усердія, внезапно представилъ картину почти полнаго разрушенія: точно ураганъ пронесся надъ Тамбовомъ и сорвалъ съ него чуть не всѣ крыши... По неволѣ пришлось, послѣ этого, дозволить снова крыть дома соломою, или дерномъ, даже на главныхъ улицахъ.

Въ то же время Тамбовъ отличался совершеннымъ отсутствіемъ каменныхъ мостовыхъ и тротуаровъ. Правда, на нѣкоторыхъ улицахъ дѣлали насыпи изъ глины, песку и мелкаго щебня, но отъ этого жителямъ не было лучше. Лишь только начинались осенніе дожди, какъ насыпи расползались врозь и превращались въ грязь, *непроходимую для пѣшеходовъ и затрудняющую проѣзжающихъ въ экипажахъ*. Съ наступленіемъ же лѣта на всѣхъ улицахъ показывались глубокія ямы, колеи и рвы, отъ которыхъ пѣшимъ и коннымъ было еще хуже, чѣмъ отъ грязи.

Первая попытка къ мощенію Тамбова сдѣлана была по распоряженію Г. Р. Державина. Съ Тамбовскихъ обывателей собрали 140.000 рублей и заготовили уже бутовый камень, но вслѣдствіе отставки Державина дѣло стало и камень пролежалъ безъ употребленія около 40 лѣтъ.

Освѣщеніе улицъ въ Тамбовѣ въ началѣ настоящаго столѣтія было такое же жалкое, какъ и состояніе путей сообщенія. Кое-гдѣ по улицамъ виднѣлись фонари съ разбитыми стеклами и на гнилыхъ столбахъ. Нѣкоторые изъ нихъ валялись на землѣ и никому не приходило въ голову поднять ихъ. Вслѣдствіе этого, при совершенной темнотѣ, наступавшей въ безлунныя ночи, открывался полный просторъ для воровства и разбоевъ.

Къ довершенію городскаго безобразія обыватели свободно вывозили со дворовъ навозъ къ собору и тутъ, въ центрѣ города, возвышались на берегу Цны цѣлыя смрадныя горы. А иные жители бросали навозъ прямо въ рѣку, которая и безъ того никогда не отличалась доброкачественностію воды.

Неудивительно послѣ этого, если Тамбовскія общественныя и казенныя зданія поражали Петербургскихъ правительственныхъ ревизоровъ своею крайнею неопрятностію и совершеннымъ безпорядкомъ. Это такъ шло къ общему характеру города Тамбова.

Въ 1805 году чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Віенъ ревизовалъ Тамбовскія заведенія приказа общественнаго призрѣнія и вотъ въ какихъ выраженіяхъ доносилъ онъ министру В. П. Кочубею о губернской тюрьмѣ: «тюремный острогъ въ Тамбовѣ находится въ самомъ дурномъ состояніи, ибо всѣ колодники помѣщены въ двухъ тѣсныхъ и сырыхъ казармахъ, гдѣ не только варятъ для нихъ пищу, но оставляютъ заразительныхъ больныхъ и женщинъ въ родахъ.»

«Смирительный и рабочій дома,—доносилъ тотъ же чиновникъ,—находятся въ одинаковомъ состояніи съ острогомъ и помѣщаются въ одной казармѣ. И замѣчательно, что о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ неоднократно губернскому начальству было доносимо безъ всякаго успѣха».

Жалкое состояніе зданій Тамбовскаго приказа общественнаго призрѣнія обратило на себя вниманіе Петербургскаго начальства. «Увидя,—писалъ по этому поводу министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей Тамбовскому губернатору Кошелеву,—съ величайшимъ удивленіемъ безпорядки, столько существенные въ заведеніяхъ, на пользу человѣчества устроенныхъ, необходимымъ почелъ я по долгу своему просить ваше превосходительство доставить мнѣ подробное объясненіе о причинахъ сихъ неустройствъ и о средствахъ къ немедленному ихъ исправленію».

Въ отвѣтъ на это Кошелевъ оправдывался тѣмъ, что, въ бытность г. Віена въ Тамбовѣ, онъ уѣзжалъ въ Липецкъ, *слѣдовательно безпорядки въ приказѣ общественнаго призрѣнія произошли помимо его.* Кромѣ того онъ сваливалъ свою вину на тогдашняго губернскаго прокурора, *человѣка весьма нерадиваго.*

Какъ бы то ни было, Петербургская ревизія осталась безъ всякихъ послѣдствій. Больные арестанты по прежнему лежали въ тюремныхъ казармахъ на голыхъ доскахъ, безъ подушекъ, и тутъ же по необходимости производили всѣ естественныя отправленія. Равно и внѣшнее благоустройство города долго не измѣнялось къ лучшему. Въ 1817 году Тамбовъ былъ посѣщенъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, при этомъ высокому гостю представили рапортъ о состояніи города, изъ котораго мы видимъ, что въ Тамбовѣ на 16 тысячъ жителей каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ было только 3. Когда великому князю понадобилось кое-что купить для стола, то въ городскихъ лавкахъ подходящаго товара не оказалось, такъ что чай, вино и разныя закуски выписали для великокняжескаго обихода по почтѣ изъ Москвы*).

Въ настоящее время городъ Тамбовъ, по количеству городскихъ доходовъ (болѣе 200,000 рублей), занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ имперіи. Еще большаго вниманія онъ заслуживаетъ по способу расходованія городскихъ суммъ. Тамбовъ тратитъ ежегодно на дѣло народнаго просвѣщенія около 60,000 рублей и такимъ образомъ по своему сочувствію къ народной школѣ представляется намъ не только единственнымъ во всемъ русскомъ царствѣ, но и весьма замѣтнымъ городомъ въ Европѣ. А это даетъ намъ основаніе предполагать, что со временемъ Тамбовская культура разовьется на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Между тѣмъ въ началѣ текущаго столѣтія всего менѣе можно было ожидать отъ нашего города существующаго развитія городской жизни. Въ

---

*) Въ описываемое нами время всѣхъ жителей въ Тамбовской губ. было 1,041,983 человѣка. Отъ озимыхъ яровыхъ посѣвовъ получено четвертей 8,742,609. Городской расходъ города Тамбова равнялся 10,000 рублей. Домовладѣльцы 1-го класса платили въ городскую казну съ сажени по 4 коп., 2-го—по 1 коп., 3-го—по двѣ четверти коп. Съ лавокъ 1-го класса брали по 25 коп., 2-го—по 15 коп., 3-го—по 10 копѣекъ.

1804 году въ Тамбовѣ всѣхъ городскихъ доходовъ было только 4680 рублей, которые главнымъ образомъ получались съ городской земли и съ торговыхъ свидѣтельствъ. При этомъ главные расходы шли на полицію, напримѣръ, одному полицмейстеру платили въ годъ по 500 рублей. Тѣмъ не менѣе Тамбовскій полицейскій институтъ въ 1804 году былъ до того неудовлетворителенъ, что въ полицейской службѣ *по наряду* принимали участіе даже мѣщане и однодворцы, которымъ городскія власти обыкновенно поручали охраненіе колодниковъ.

Городъ Тамбовъ подвергался частымъ и опустошительнымъ пожарамъ. Убогія Тамбовскія жилища горѣли отъ поджоговъ, издавна излюбленныхъ разными отверженцами нашей всенародной жизни, горѣли они отъ нашей неосторожности и было великое пожарное раздолье вслѣдствіе скученности и воспламенимости построекъ и почти совершеннаго отсутствія огнегасительныхъ снарядовъ. Въ 1804 году, по обыкновенію, значительная часть города Тамбова выгорѣла. На это обратилъ вниманіе самъ императоръ Александръ 1-й и пожертвовалъ въ пользу погорѣльцевъ 1440 рублей въ даръ и 13,355 рублей въ ссуду безъ процентовъ. Тогда городское управленіе приняло мѣры къ обезпеченію города отъ пожаровъ. Съ этою цѣлію сдѣланы были и теперь существующіе спуски къ рѣкѣ Цнѣ, противъ женскаго монастыря для регулированія рѣки Студенца устроена была мельница, и въ то же время позаботились о мѣстной пожарной командѣ, которая до того времени была по истинѣ въ ужасномъ положеніи. При трехъ Тамбовскихъ съѣзжихъ избахъ подрядчики держали по 4 лошади *для возки пожарнаго инструмента, т. е. бочекъ, багровъ, щитовъ и маленькой ручной трубы.* Этотъ пожарный инструментъ былъ въ полномъ разстройствѣ. «Пожарныя сани,—доносилъ одинъ частный приставъ своему начальству,—у насъ сломаны, щиты съ войлоками пришли въ ветхость, крышки у бочекъ требуютъ починки, телѣжныхъ колесъ подмазывать нечѣмъ» ...

Вѣроятно, городъ слишкомъ мало сдѣлалъ для улучшенія пожарнаго инструмента, потому что и послѣ 1804 года у насъ нерѣдко выгорали цѣлыя улицы и сотни семействъ подолгу оставались безъ всякаго крова. Особенно памятенъ въ этомъ отношеніи 1815-й годъ, когда губернаторъ А. М. Безобразовъ принужденъ былъ объявить Тамбовъ на военномъ положеніи. Кругомъ Тамбова день и ночь стояли тогда солдатскіе караулы, пути сообщенія были прерваны; производились мночисленные аресты и допросы поджигателей... То было время поголовной паники и особенно было жутко тогда воспитанникамъ военно-сиротскаго училища, которыхъ городскіе обыватели не безъ основанія обвиняли въ поджогахъ. Тогда же попалъ подъ судъ мѣстный Катилина, совѣтникъ казенной палаты Гороховскій *). Гороховскій, знаменитый взяточникъ и хищникъ своего времени, составилъ смѣлый планъ, къ осуществленію котораго привлекъ массу бѣдной учащейся молодежи. Цѣль его заключалась въ поджогѣ города и грабежѣ.. Странно это, конечно, но не невѣроятно, потому что лѣтописи русской исторіи представляютъ намъ не мало такихъ ужасныхъ типовъ, которые всю цѣль жизни своей поставляли въ одной наживѣ, преслѣдуя ее всѣми средствами. Видѣли эти темные отщепенцы русскаго народа истиннаго Бога въ одномъ *золотомъ тельцѣ* и ему одному всячески служили...

Между прочимъ Тамбовское городское управленіе озабочено было въ 1804 году исправленіемъ городскихъ путей сообщенія. Долгія и поперечныя улицы весною и осенью были тогда положительно непроѣздны. На одной изъ нихъ чуть не затонулъ архіерей Ѳеофилъ. Тогда начали дѣлать на этихъ улицахъ гати, но всѣ они болѣе или менѣе скоро потонули въ Тамбовской вязкой тинѣ. Въ особенности грязно было въ слободахъ, которыя въ 30-хъ годахъ были выселены изъ Тамбова и составили въ настоящее время такъ называемые выселки.

*) Древняя и Новая Россія, Февраль 1878 г.

на рѣкѣ Цнѣ и кто осмѣливался подплывать къ тому острову, тотъ уже не возвращался домой, а неизбѣжно тонулъ. Умеръ старый комендантъ необыкновеннымъ образомъ. Желая показать силу своей живой воды, онъ приказалъ своему лакею изрубить себя и потомъ вспрыснуть живою водою. Первое приказаніе немедленно было исполнено, а отъ исполненія втораго приказанія лакей воздержался и тайно похоронилъ своего господина на берегу рѣки Цны, гдѣ и теперь еще лежитъ огромный камень».

Та мѣстность, на которой жилъ Булдаковъ, до настоящаго времени называется *комендантомъ* и суевѣрные Тамбовскіе обыватели, напуганные разсказами своихъ дѣдовъ о грозномъ когда-то начальникѣ г. Тамбова, все еще боятся проходить ночью мимо бывшаго комендантскаго дома, въ которомъ мерещатся имъ разные страхи: то жалобный плачъ и стоны, то грозные окрики, то привидѣнія самаго стараго коменданта. Таковъ былъ Булдаковъ по мѣстному легендарному сказанію. Вотъ какимъ онъ представляется по свидѣтельству оффиціальныхъ архивныхъ актовъ.

Въ 1796 году Булдаковъ былъ уже дряхлъ и потому Тамбовская полиція была въ полномъ разстройствѣ. *Отъ сего,* —жаловались обыватели, — *вмѣсто соблюденія порядка отъ самыхъ блюстителей онаго происходитъ неустройство, безчиніе и дерзость.*

Въ это время почтенный градоначальникъ исключительно занялся матеріальнымъ обезпеченіемъ своего семейства. Съ этою цѣлію онъ отдавалъ казенныя деньги въ ростъ подъ росписки и векселя и такъ усовершенствовался въ этомъ родѣ дѣятельности, что однихъ солдатскихъ ремонтныхъ денегъ въ 1795 году роздано имъ было 11.000 рублей. Между прочимъ Булдакову поручено было охраненіе казеннаго имущества въ бывшемъ Тамбовскомъ генералъ-губернаторскомъ домѣ и почти все оно пропало безслѣдно. Императорскій тронъ

оказался впослѣдствіи *на погребицѣ.* Тарелки и вся домашняя утварь *были разбиты мышами.* Про генералъ-губернаторскіе ковры Булдаковъ отозвался такъ, что *они избиты и изорваны отъ долговременнаго лежанія.* Стулья и столы всѣ объявлены были *переломанными.* Между тѣмъ всѣ эти вещи всякій могъ видѣть въ домахъ самого Булдакова, губернатора Лаптева, губернскаго прокурора Замятина и въ *редутномъ домѣ...*

Въ ранніе годы своего служебнаго поприща полковникъ Булдаковъ отличался въ Тамбовѣ примѣрною распорядительностію и, къ несчастію, жестокостію. Еще и теперь Тамбовскіе сторожилы разсказываютъ о тѣхъ пыточныхъ инструментахъ, разныхъ кольяхъ и кобылахъ, батогахъ и нагайкахъ, которыми суровый комендантъ неудержимо и невозбранно смирялъ правыхъ и виновныхъ... Именно этимъ обстоятельствомъ и объясняется та продолжительная популярность, которою доселѣ пользуется въ Тамбовѣ имя этого бывшаго градоначальника.

По примѣру губернатора Неклюдова и коменданта Булдакова и всѣ остальныя губернскія власти поступали болѣе или менѣе безшабашно. Разсказывать объ ихъ позорныхъ дѣяніяхъ, отчасти сохранившихся въ мѣстныхъ архивныхъ документахъ, мы не имѣемъ никакого желанія, потому что это *всероссійская исторія.* Замѣтимъ только, что всѣ злоупотребленія Тамбовской администраціи совершались людьми весьма заурядными, необразованными и даже малограмотными. И все это нисколько не мѣшало ихъ олимпійско-бюрократическому величію.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ средѣ Тамбовской администраціи мы можемъ указать только на одну образованную, симпатичную и почтенную личность, именно на перваго директора Тамбовскихъ училищъ А. А. Жохова. Всецѣло преданный дѣлу народнаго просвѣщенія, директоръ Жоховъ между прочимъ горячо стоялъ всегда за интересы своихъ сослуживцевъ—учи-

телей и этимъ рѣзко выдѣлялся изъ толпы другихъ начальниковъ частей, которые преслѣдовали всегда только свои личныя выгоды, а подчиненныхъ всякими неправдами старались держать *въ черномъ тѣлѣ*. Къ сожалѣнію, А. А. Жоховъ не долго стоялъ во главѣ училищъ Тамбовскаго намѣстничества. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія мы встрѣчаемъ его уже въ должности совѣтника мѣстной уголовной палаты.

Въ грозную эпоху отечественной войны Тамбовская губернія была внѣ района военныхъ дѣйствій. Однако состояніе ея было весьма тревожное. Между обывателями Тамбовскихъ городовъ и селъ шли преувеличенные разговоры о чрезвычайныхъ непріятельскихъ успѣхахъ. По большимъ проселочнымъ дорогамъ ѣхали многочисленные Московскіе бѣглецы, направляясь на Пензу и Саратовъ. Начальство спѣшно и усиленно собирало ратниковъ, коней и воловъ. Губернская администрація, напуганная слухами о Французскихъ и Польскихъ шпіонахъ, изъ которыхъ нѣкоторые (графъ Плятеръ) дѣйствительно проникли и въ нашу глушь, распечатывала на почтѣ подозрительныя частныя письма, ловила на улицахъ и площадяхъ неосторожныхъ собесѣдниковъ, учреждала чрезвычайные военные и полицейскіе караулы и въ то же время была крайне смущена и въ сущности не знала, что дѣлать. Нѣкоторыя письма, обнаруженныя перлюстраціей, особенно тревожили городъ Тамбовъ таинственнымъ своимъ содержаніемъ. Таковы были письма, адрессованныя надворному совѣтнику Рубцу полякомъ Дробышевскимъ. «Градъ Могилевъ,-писалъ Дробышевскій,—засыпалъ и дальніе около него города, а нашего дождя не слышно. Надивиться тому не можно, что все сіе значитъ. Слышно, что ни чего дурнаго не дѣлаетъ, но много и много есть слуховъ дурныхъ.» Въ другомъ письмѣ тотъ же авторъ писалъ: «извѣстная туча разсыпала свои дожди уже около Борисова. День въ день идутъ обыватели чрезъ Оршу до

Смоленска. Мы еще ничего опаснаго не слышимъ. А жена моя не пишетъ отъ того, дабы въ этомъ мѣстѣ не было ничего русскаго.» Тогда за Рубцомъ стали наблюдать и противъ него оказались новыя улики. Однажды Рубецъ говорилъ въ своемъ домѣ предъ многочисленнымъ обществомъ: «Французы Вильну взяли и народъ встрѣчалъ Наполеона съ колѣнопреклоненіемъ и тотъ полководецъ Французскій обѣщалъ всѣмъ русскимъ крестьянамъ вольность.» Рубецъ, повидимому, былъ весьма дѣятельнымъ польскимъ агентомъ и велъ съ своими корреспондентами оживленную и нѣкоторымъ образомъ шифрованную переписку на польскомъ языкѣ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ письма, полученнаго имъ отъ сестры изъ Стародуба: «читаю твои письма очень внятно, а моихъ писемъ ты не понимаешь» *).

Тревога въ Тамбовской губерніи по поводу событій отечественной войны увеличилась еще болѣе потому, что мѣстныя власти долго ничего не знали объ участи русской арміи. Къ этому присоединились замѣшательства въ сосѣдней Пензенской губерніи. Такъ, въ Инзарѣ собраны были Пензенскіе ополченцы въ количествѣ 2400 человѣкъ, которыхъ почему-то долго не приводили къ присягѣ, тогда они сами потребовали присяжной церемоніи. Это принято было за бунтъ. Начались обычныя экзекуціи... Инзарское движеніе было настолько серьезно, что въ Пензенскую губернію вступилъ генералъ-лейтенантъ Толстой и оружіемъ усмирилъ волненіе. Вслѣдъ за тѣмъ Пензенскіе ополченцы двинуты были на Ромны чрезъ Тамбовъ. Здѣсь они присягали и успокоенныя двинулись далѣе.

Между тѣмъ Тамбовское народонаселеніе дѣятельно готовилось къ борьбѣ противъ Наполеона. Во всѣхъ мѣстныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ сформированы были денные и ночные караулы и конные разъѣзды.

*) Арх. Губер. Правл. № 77.

«Хитрость разбойниковъ,—писалъ въ одномъ изъ своихъ бюллетеней губернаторъ Ниловъ,—не позволяетъ предаваться дремотѣ и безпечности. Пока не будетъ истребленъ врагъ человѣчества и его злодѣйскія полчища, надлежитъ всемѣрно остерегаться. Надобно непремѣнно во всѣхъ селеніяхъ усилить караулы для поисковъ, не скрываются ли разбойники гдѣ либо въ лѣсахъ или оврагахъ и ловить ихъ, а въ случаѣ сопротивленія бить, какъ непріятелей». Воинственный духъ Тамбовскихъ земскихъ стражниковъ поддерживался печатными объявленіями относительно партизанскихъ подвиговъ, развивавшихся въ районѣ расположенія непріятельскихъ армій.

Впрочемъ, Тамбовскимъ стражникамъ не пришлось дѣйствовать противъ непріятеля оружіемъ. Тамбовская губернія выразила свое участіе въ трудахъ и подвигахъ отечественной войны сформированіемъ на свои средства мѣстнаго ополченія и Тамбовскаго пѣхотнаго полка. Кромѣ того Тамбовскіе обыватели доставили въ дѣйствующую армію массу всякаго провіанта. По всѣмъ городамъ и селамъ открыта была подписка для сбора денежныхъ и вещественныхъ приношеній, при чемъ нѣкоторые Тамбовскіе граждане, напримѣръ, генералъ Н. П. Архаровъ, жертвовали тысячами. Въ городѣ Елатьмѣ устроены были обширные военные лазареты. По этому поводу губернаторъ Ниловъ обратился ко всѣмъ Тамбовскимъ дамамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «къ вамъ я обращаюсь, почтенныя Россійскія болярыни, съ просьбою приготовить кто сколько можетъ бинтовъ и корпій. Ваше хозяйство ничего не потерпитъ, если вы нѣсколько часовъ удѣлите на заготовленіе испрашиваемыхъ мною потребностей, которыя зависятъ отъ вашей чувствительности. Помѣщицы Тамбовскихъ округъ! Вамъ особенно предоставлена честь успокоить русскихъ воиновъ и слезою умиленія облегчить ихъ боль, отъ нанесенныхъ злодѣями ранъ терпимую.»

Между тѣмъ событія отечественной войны шли своимъ путемъ. Начались неслыханныя бѣдствія великой арміи. Совершился Березинскій погромъ и театръ громадной войны, по волѣ императора Александра I-го, перенесенъ былъ на равнины Германіи и Франціи. Быстро передъ всѣмъ свѣтомъ промелькнули факты первостепенной важности: отреченіе Наполеона отъ престола, заточеніе его на Эльбѣ, сто дней, Ватерлоо... Вся Россія ликовала и всѣ жертвы ея пошли въ прокъ, въ особенности широко воспользовалась русскою кровію и русскою доблестію западная Европа... 24 іюня 1815 года въ Тамбовѣ было торжественное молебствіе по случаю побѣдъ, одержанныхъ *надъ всеобщимъ врагомъ*. Священнодѣйствовалъ епископъ Іона. Въ тотъ же день была открыта подписка между дворянствомъ и купечествомъ на памятникъ въ честь Александра I-го. Подписка эта не состоялась. За то Тамбовская губернія вмѣстѣ съ другими устроила своему побѣдоносному императору торжественную встрѣчу въ С.-Петербургѣ.*) Во главѣ Тамбовскихъ депутацій находились слѣдующія лица: губернскій предводитель Ознобишинъ, тайный совѣтникъ Лаптевъ, генералъ-маіоръ Адамовичъ и дворяне: Сабуровъ и Новосильцевъ.

Въ это время во главѣ Тамбовской губерніи находился недавно прибывшій (4 марта 1815 года) къ своему посту губернаторъ А. М. Безобразовъ. Съ его прибытіемъ во всѣхъ уѣздахъ губерніи начались новые, лучшіе порядки. Весь край разомъ почувствовалъ, что губернаторская власть находилась въ сильныхъ, умѣлыхъ и честныхъ рукахъ. Административная энергія А. М. Безобразова въ особенности обнаружилась по слѣдующему поводу. Въ маѣ 1815 года Тамбовъ былъ опустошаемъ сильными пожарами. Въ одинъ мѣсяцъ было 30 пожарныхъ случаевъ. Въ городѣ начали ходить не безосновательные слухи о

---

*) Тамб. Губер. вѣд. 1882 года, № 42.

поджогахъ и жители стали выбираться со всѣмъ имуществомъ на выгонъ и въ каменныя лавки гостиннаго двора. Тревога распространилась по всей губерніи. Губернаторъ Безобразовъ, бывшій въ то время въ городѣ Козловѣ, немедленно прибылъ въ Тамбовъ и принялъ самыя рѣшительныя мѣры противъ пожаровъ и поджигателей. Тамбовъ окружили сторожевою военною цѣпью, а между тѣмъ составлена была коммисія для открытія безпачпортныхъ и подозрительныхъ людей. Пока эта коммисія работала, самъ губернаторъ по ночамъ объѣзжалъ сторожевую цѣпь и городскіе кварталы. Въ началѣ іюня пожарная паника въ Тамбовѣ прекратилась. Жители вернулись домой. Всѣ они были увѣрены, что Тамбовъ спасенъ отъ истребленія А. М. Безобразовымъ и на этомъ основаніи поднесли ему благодарственный адрессъ съ многочисленными подписями (197 подписей). И Безобразовъ вполнѣ заслуживалъ этой общественной признательности. Въ теченіе трехъ недѣль пожарной паники, онъ почти безпрерывно, днемъ и ночью, находился въ хлопотахъ. Спалъ часа по два въ сутки. Результатомъ всего этого было то, что доблестный начальникъ края заболѣлъ: кровь пошла у него горломъ.

Затѣмъ дѣятельность А. М. Безобразова выражалась главнымъ образомъ въ устроеніи гражданскаго благоустройства губерніи. Такъ, онъ велѣлъ по всѣмъ Тамбовскимъ уѣздамъ привести въ порядокъ дороги, гати, мосты и перевозы. Кромѣ того онъ самъ былъ безукоризненно честнымъ чиновникомъ и вслѣдствіе этого съ неумолимою строгостію преслѣдовалъ разныя злоупотребленія по службѣ.

Лихоимственные поступки Лебедянскаго казначея Яковлева,--писалъ онъ однажды,—касаются болѣе нежели 1110 человѣкъ, посему я отдаю его подъ судъ уголовной палаты. «Тамбовская казенная палата, не смотря на губернаторскую резолюцію вздумала защищать казначея Яковлева и перевела его на ту же должность въ Коз-

ловъ. Но Безобразовъ настоялъ на своемъ и вовсе удалилъ проворовавшагося чиновника отъ службы.

Преслѣдуя губернскія злоупотребленія, А. М. Безобразовъ имѣлъ въ виду не однихъ мелкихъ чиновниковъ. И богатые помѣщики не ускользали отъ его вниманія. Въ 1817 году Тамбовскій богачъ бригадиръ Пашковъ выкурилъ на своемъ заводѣ 17,212 ведеръ спирта, неоплаченнаго акцизной пошлиной. Тогда губернаторъ въ интересахъ казны привлекъ его къ суду, не смотря на то, что у Пашкова были обширныя связи въ Петербургѣ, и взыскалъ съ него огромный штрафъ.

Съ энергіею дѣйствовалъ Безобразовъ также и противъ скопцовъ, которые обнаружились въ Тамбовской губерніи, въ селахъ Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ, еще въ 1775 году. Въ 1816 году въ указанныя нами села командированы были полицейскіе чиновники, бабки и врачи для освидѣтельствованія всѣхъ тамошнихъ жителей.

Губернаторъ А. М. Безобразовъ, несомнѣнно, былъ образованнымъ человѣкомъ. Это видно изъ того, что, по его инціативѣ и подъ его наблюденіемъ, составлено было первое историко-статистическое описаніе Тамбовской губерніи. Это описаніе, одинъ изъ рѣдкихъ экземпляровъ котораго хранится въ настоящее время въ возникающемъ Тамбовскомъ губернскомъ музеѣ, изложено весьма кратко, но въ то же время обстоятельно и толково. Изъ него между прочимъ видно, что въ 1818 году въ Тамбовской губерніи жителей обоего пола было 1,350,800 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время число ихъ значительно превышаетъ 2,300,000 *).

9 января 1819 года Безобразовъ произнесъ во время дворянскихъ выборовъ слѣдующую рѣчь въ мѣстномъ дворянскомъ собраніи: «Чѣмъ, говорилъ онъ,—превознесете вы себя въ глазахъ всѣхъ сословій—согражданъ

---

*) Въ 1719 году въ Тамбовскомъ краѣ всѣхъ жителей было только 250,000. А въ 1764 году число Тамбовскихъ жителей увеличилось до 870,000.

вашихъ? Чѣмъ совѣсть вашу успокоите, что по истинѣ вы сыны отечества, объ общемъ благѣ пекущіеся? Несомнѣнно тѣмъ, милостивые государи, когда вы сохраните въ памяти своей, что въ сей день предъ престоломъ Спасителя клялись вы, подъ страхомъ отчета въ будущности, быть въ выборѣ достойныхъ мужей безпристрастными, и злобу, вражду, месть, буде оныя гдѣ либо вкралися, истребить и изгнать изъ среды васъ. Избраніемъ представителей почтенныхъ, судей благоразумныхъ, исполнителей высочайшихъ указаній ревностныхъ и дѣятельныхъ, вы откроете путь въ огражденіе права слабаго отъ сильнаго и къ искорененію гнуснаго лихоимства, толико подавляющаго общее благосостояніе и нерѣдко проникающаго въ самую даже хижину мирнаго поселянина*).

Въ заключеніе нашего краткаго очерка административной дѣятельности А. М. Безобразова мы считаемъ нужнымъ сказать, что городъ Тамбовъ въ его времена былъ всетаки слишкомъ далекъ отъ такъ называемаго городскаго благоустройства. Это видно изъ слѣдующаго. 30 января 1815 года губернскій операторъ Стриневскій такъ доносилъ губернатору о состояніи богоугодныхъ заведеній: «у насъ въ больницѣ нѣтъ необходимѣйшихъ медикаментовъ, вина, травъ, камфорнаго масла, корпіи; бѣлье не мыто съ открытія больницы, т. е. съ прошлаго столѣтія; трудно больные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ». Неудивительно послѣ этого, что нѣкоторые больные бѣжали изъ больницы...

Не смотря на донесеніе Стриневскаго, Тамбовская больница долго не исправлялась. Нѣкоторыя больничныя кровати стояли безъ соломы и трудно больные лежали или на голыхъ доскахъ, или на веревочныхъ переплетахъ.

Въ 1814 году для разслѣдованія разныхъ злоупотребленій прибылъ въ Тамбовъ сенаторъ Львовъ. Вотъ

*) Арх. дворян. собр. № 15-й.

что онъ написалъ губернатору Д. С. Шишкову, предшественнику Безобразова: «въ зданіяхъ приказа общественнаго призрѣнія я не нашелъ даже малѣйшей и необходимой для жизни чистоты. Во внутренности комнатъ до того несносный и смрадный воздухъ, что свѣжему человѣку ни малѣйшаго времени вытерпѣть его невозможно*).

Всѣ эти безпорядки приказа оправдывались недостаткомъ денежныхъ средствъ. Но это неправда. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Тамбовскій приказъ общественнаго призрѣнія ежегодно на наличныя деньги покупалъ болѣе 3000 дюжинъ картъ. Такимъ образомъ оказывается, что въ Тамбовѣ много было денегъ на пустое и разорительное дѣло и не было ихъ вовсе на предметы первой важности. То было время знаменитыхъ Тамбовскихъ картежныхъ оргій... Сытые и праздные мѣстные обыватели темными ночами проигрывали и выигрывали десятки и сотни тысячъ, проигрывали деревни и семьи крѣпостныхъ. На удовлетвореніе искуственныхъ картежныхъ прихотей шли потовые и кровавые труды крестьянскіе... Такъ дѣло шло до 1830 года. Въ это время край нашъ посѣтила новая бѣда. Изъ Астрахани шла къ намъ первая русская холера.

26 августа названнаго года въ Тамбовѣ получено было слѣдующее оффиціальное письмо отъ Пензенскаго дворянскаго предводителя: «Въ Пензѣ-холера. При самомъ появленіи сей болѣзни приняты всѣ мѣры, городъ раздѣленъ на кварталы, кои поручены смотрѣнію служащихъ чиновниковъ и господъ дворянъ; продажа фруктовъ и овощей воспрещена; кромѣ того на границахъ губерніи и кругомъ губернскаго города устроены заставы для того, чтобы пропускъ производился не иначе, какъ по билетамъ здоровымъ». Послѣ этого чаще и чаще стали доходить до Томбова тревожные слухи о холерѣ въ сосѣднихъ

*) Ревизія сенатора Львова и доселѣ памятна въ Тамбовѣ, потому что результатомъ ея было удаленіе отъ мѣстъ губернатора, вице-губернатора и предсѣдателя уголовной палаты.

губерніяхъ. По обыкновенію, народная молва преувеличивала опасность и такимъ образомъ вызывала повсемѣстную панику. Между тѣмъ въ городахъ Тамбовской губерніи учреждались холерные комитеты и противъ грозной Азіатской гостьи принимались дѣятельныя, хотя и безсильныя мѣры. На границахъ всѣхъ Тамбовскихъ уѣздовъ устроили кордоны подъ начальствомъ особо избранныхъ дворянъ. Кордоны составляемы были изъ гарнизонныхъ, инвалидныхъ и отставныхъ солдатъ и изъ конныхъ крестьянъ, которые перемѣнялись чрезъ каждые 5 дней. При въѣздахъ и выѣздахъ во всѣхъ селахъ поставлены были *мірскіе* караулы. Такими строго охранительными мѣрами думали не пустить холеры въ предѣлы Тамбовской губерніи. Съ тою же цѣлію всѣ тюки и пакеты, получавшіеся на пограничныхъ почтовыхъ станціяхъ губерніи, окуривались хлоровымъ газомъ, а проѣзжіе подвергались двухъ-недѣльному карантину, при чемъ каждаго изъ нихъ ежедневно обмывали растворомъ хлора. Сверхъ того, кругомъ селъ и деревень жгли навозъ.

14 сентября 1830 года кругомъ Тамбова былъ крестный ходъ, на который, по распоряженію епископа Евгенія, жители явились послѣ предварительнаго поста, о чемъ заблаговременно разосланы были полицейскія объявленія. Однако, холера взяла свое. Первый холерный случай въ Тамбовской губерніи былъ 1-го сентября. Въ селѣ Каравай-Пущинѣ, Кирсановскаго уѣзда, умерла *невѣдомою смертію* 60-ти лѣтняя старуха Ирина Иванова. Послѣ обѣда вдругъ почувствовала она сильную головную боль, при чемъ обнаружились въ рукахъ и ногахъ сильныя судороги; пальцы у заболѣвшей окостенѣли до того, что ихъ съ величайшимъ трудомъ можно было развести, когда рука сжималась въ кулакъ. Ирина Иванова умерла 3 сентября. 4 сентября эпидемія началась въ селѣ Алабухахъ, Борисоглѣбскаго уѣзда. Въ 4 дня умерло 6 женщинъ и 3 мужчинъ. Село

оцѣпили, а въ Борисоглѣбскій уѣздъ отправили совѣтника губернскаго правленія Попова и врача Грамбаума для принятія мѣръ противъ холеры. Въ началѣ ноября холера обнаружилась наконецъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ. 14 ноября стали появляться случаи эпидемическаго заболѣванія въ селѣ Никольскомъ. Но крестьяне ни за что не соглашались на то, что въ ихъ селѣ— эпидемія. «Все это выдумки господъ да лѣкарей»,—говорили они. А отъ словъ перешли и къ дѣлу. Выпустили изъ больницы всѣхъ больныхъ, сняли оцѣпленіе, врача Гоффа приковали къ трупу умершаго отъ холеры и такимъ образомъ произвели такъ называемый бунтъ, для подавленія котораго отправился въ село Никольское самъ губернаторъ И. С. Мироновъ съ военною командою.

Замѣчательно, что иногда въ крестьянскихъ движеніяхъ по поводу холеры принимали участіе духовныя лица. Напримѣръ. Въ селѣ Озеркахъ, Козловскаго уѣзда, уже стали было принимать извѣстныя мѣры противъ холеры и устроили холерныя больницы. Тогда священники Захаровъ и Фроловъ объявили своимъ прихожанамъ: «если вы не уничтожите больницъ, то мы васъ отлучимъ отъ церкви». Чтобы усилить впечатлѣніе этихъ грозныхъ словъ, пастыри села Озерокъ перестали ходить въ приходъ*). Конечно, послѣ этого крестьяне совершенно убѣдились въ томъ, что никакой холеры нѣтъ и не было въ ихъ мѣстности.

15 ноября холера обнаружилась въ самомъ Тамбовѣ Заболѣли: жена титулярнаго совѣтника Митянина, крестьянка Власова, губернская секретарша Евсигнѣева и вольно-отпущенный Дмитрій Ивановъ. Немедленно оцѣпили дома заболѣвшихъ, но холера нашла себѣ дорогу и стала собирать жатву по всему городу. Тогда Тамбовскій холерный комитетъ обнаружилъ чрезвычайную и крайне

---

*) Арх. дух. конс. № 1458-й.

непрактичную энергію. Всѣхъ больныхъ, и пьяныхъ въ томъ числѣ, стали забирать въ холерную больницу, гдѣ всѣхъ паціентовъ сажали въ горячія ванны и открывали имъ кровь. Эти операціи производились нетрезвыми фельдшерами и цирюльниками, слѣдовательно процентъ смертности въ Тамбовской холерной больницѣ былъ ужасающій. Понятно, какое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на Тамбовское населеніе. Всѣ [прятались въ своихъ домахъ и въ дѣйствіяхъ губернской администраціи видѣли одно *злоумышленіе*... Между тѣмъ власти упорно стояли на своемъ. Съ утра до глубокой ночи по Тамбову разъѣзжали крытыя *холерныя* повозки и всюду забирали больныхъ. При этомъ случалось, что въ больницу попадали пьяные, которыхъ въ торопяхъ принимали за больныхъ холерою. Очнувшись отъ хмѣля, они въ ужасѣ ломились изъ больницы вонъ, разбивали окна, выскакивали на волю и пугали народъ разсказами о больничныхъ порядкахъ. Въ это время появились нелѣпые слухи о томъ, что лѣкаря и начальство морятъ народъ... Среди Тамбовскаго простонародья поднимался ропотъ. Тамбовскій мѣщанинъ Данила Ильинъ собирался идти отъ общества къ самому государю и жаловаться на начальство *).

17 ноября 1830 года толпа собралась предъ городскою думою и грозно требовала отъ мѣстныхъ властей признанія, что никакой холеры нѣтъ. Нѣкоторые мѣщане и однодворцы отдѣлились отъ шумѣвшаго общества и пошли къ колокольнямъ, чтобы ударить въ набатъ. Къ счастію, всѣ колокольни оказались запертыми, а веревки къ сигнальнымъ колоколамъ—перерѣзанными. Разумѣется, всѣ увѣщанія губернскаго начальства были безполезны при этомъ. Три дня бушевало Тамбовское мѣщанство, не признавая властей; оно уничтожи-

*) Прошеніе, составленное на высочайшее имя Тамбовскими купцами и мѣщанами, имѣло 153 подписи.

ло холерную больницу, подвергло личнымъ оскорбленіямъ почтеннаго старца И. С. Миронова и сняло всѣ городскіе караулы. Вслѣдствіе прибытія изъ города Липецка конно-піонернаго эскадрона и другихъ войскъ Тамбовскій *холерный бунтъ* кончился 20 ноября. А 1-го сентября 1831-го года была экзекуція надъ болѣе виновными Тамбовскими гражданами *). Всѣхъ зачинщиковъ бунта насчитали 31 человѣкъ, а привлеченныхъ къ суду было 176 человѣкъ.

Заключая нашу рѣчь о первой Тамбовской холерѣ, мы не можемъ не помянуть добрымъ словомъ Тамбовскихъ общественныхъ дѣятелей памятнаго холернаго года. Во главѣ ихъ мы ставимъ врачей: Кашинскаго, Барицкаго, Герасимова и Венецкаго. Кромѣ того мы отмѣчаемъ здѣсь слѣдующій замѣчательный фактъ, свидѣтельствующій о всеобщей паникѣ: во время холернаго 1830 года во всей Тамбовской губерніи значительно увеличилось количество сумашедшихъ...

Тяжелый 1830 годъ въ особенности памятенъ Тамбовскому духовенству. Среди нашихъ церковныхъ причтовъ всегда было слишкомъ много бѣдности, гораздо больше, чѣмъ сколько могли вмѣстить неприхотливые наши пастыри. Общественное ихъ положеніе тоже было далеко не блистательное. Всякій самый праздный и порочный человѣкъ считалъ себя въ правѣ свысока отнестись къ священнику и поглумиться надъ нимъ, въ особенности надъ его сребролюбіемъ, хотя многіе критики всю жизнь свою спеціально занимались безпредѣльнымъ хищеніемъ. Къ этому бѣдствію присоединялись еще нерѣдкіе *разборы*, вслѣдствіе которыхъ масса церковниковъ и штрафныхъ церковно-служителей переходила въ сословіе однодворцевъ, мѣщанъ, крестьянъ и въ солдаты. Самый тяжкій для мѣстнаго духовенства

*) „Русская старина" 1875 года, декабрская книжка.

разборъ совершился въ 1830 году при энергическомъ содѣйствіи Тамбовскаго епископа Евгенія.

Епископъ Евгеній былъ человѣкъ строгій и потому эпархіальные безпорядки вызывали въ немъ крайнее негодованіе. Именно это негодованіе и опредѣлило потомъ весь характеръ суровой дѣятельности епископа Евгенія по отношенію къ Тамбовскому духовенству. Когда грозный архипастырь ѣздилъ по эпархіи, то это было истинною бѣдою для всѣхъ Тамбовскихъ причтовъ, потому что всѣ виновные неизбѣжно подвергались наказаніямъ. А наказанія были тогда жестокія. Священниковъ наказывали при консисторіи рогатками и колодками, розгами и батогами. Если на кого надѣвали рогатку, то тому нельзя было лечь, если же кого сажали въ колодку, то это было еще хуже, потому что у такого арестанта шея обхватывалась широкимъ желѣзнымъ кольцомъ. Въ случаяхъ особенной виновности духовныхъ лицъ, епископъ Евгеній неумолимо подвергалъ ихъ лишенію сана, при чемъ такъ называемое разстриженіе производилось съ церемоніею. Приговореннаго къ лишенію сана монахи приводили въ церковь и тамъ въ послѣдній разъ облачали. Облаченный священнослужитель входилъ въ алтарь, прикладывался къ престолу и дѣлалъ предъ нимъ три поклона. По выходѣ изъ алтаря тоже самое дѣлалъ онъ предъ царскими дверями, а среди церкви молился на всѣ четыре стороны. Послѣ этого прощанія со святыней, монахи вели его въ консисторію, гдѣ одинъ изъ протоіереевъ читалъ ему синодскую конфирмацію, а потомъ консисторскій сторожъ ножницами стригъ *несчастному разстригѣ* волосы на головѣ и бородѣ. Въ заключеніе подсудимаго приводили въ консисторскую канцелярію и брали съ него подписку въ томъ, что онъ не будетъ именоваться священникомъ или дьякономъ. Надобно замѣтить, что эта церемонія, совершавшаяся въ присутствіи народа, производила всегда на ея виновниковъ самое тяжелое впечатлѣніе. Одинъ изъ Там-

бовскихъ священниковъ, приговоренный къ разстриженію, даже повѣсился въ консисторскомъ карцерѣ въ ожиданіи позорной церемоніи.

Суровому архіерею Евгенію весьма естественно приходила мысль, какъ бы очистить Тамбовское духовенство отъ лишнихъ и порочныхъ его членовъ. Въ это время пришелъ къ нему синодскій указъ, разрѣшавшій ему отдавать въ солдаты исключенныхъ семинаристовъ и штрафныхъ церковниковъ. Этотъ указъ рѣшилъ сразу судьбу Тамбовскаго духовенства. Съ безпримѣрною строгостію Евгеній началъ ставить *подъ красную шапку* семинаристовъ, дьячковъ, пономарей, послушниковъ, звонарей, семинарскихъ и консисторскихъ сторожей, консисторскихъ канцеляристовъ, даже священниковъ и дьяконовъ, лишенныхъ сана. Всѣхъ новобранцевъ съ Тамбовской эпархіи поступило на службу 476 человѣкъ. При спѣшномъ *разборѣ* угодили въ солдаты и совершенно невинные люди, которые весь вѣкъ свой плакались на свою горькую судьбу и на безсердечнаго владыку...

7 апрѣля 1831 года привели въ Тамбовское губернское правленіе для отдачи въ солдаты нѣсколько старшихъ учениковъ семинаріи. Все это были хорошіе ученики и люди весьма способные, особенно ученикъ Ареопагитскій, которому мѣстное преданіе приписываетъ сочиненіе пѣсни, обращенной имъ къ его товарищамъ по несчастію. Пѣсня эта, которую и доселѣ поютъ Тамбовскіе семинаристы, начинается такъ:

«Не страшитеся, друзья,
«Что судьба къ намъ груба,
«Будьте тверды такъ, какъ я,
«Противъ стрѣлы роковой»...

Нѣкоторые Тамбовскіе семинаристы состояли уже на службѣ копіистами или канцеляристами. Но и это не спасло ихъ отъ красной шапки.

Между прочимъ епископъ Евгеній отдавалъ церковниковъ въ солдаты за малограмотность. Ихъ приводили

къ нему толпами и онъ производилъ имъ строжайшій экзаменъ. Если кто изъ церковниковъ плохо пѣлъ или читалъ, такого немедленно отсылали въ солдаты.

Во время *Евгеніевскаго разбора* нерѣдко происходили факты, достойные сожалѣнія. При одной Лебедянской церкви церковнымъ сторожемъ былъ нѣкто Автономовъ. Это былъ человѣкъ уже пожилой, многосемейный и больной грыжею. Но и онъ не избѣгъ бѣды и изъ церковнаго сторожа превратился въ солдата Воронежскаго гарнизоннаго батальона. А дѣтямъ его, и безъ того обреченнымъ на суровую жизнь, представилась неизбѣжная и тяжелая карьера кантонистовъ...

Города Шацка указный дьячекъ Михайловъ, отданный епископомъ Евгеніемъ въ солдаты, впослѣдствіи такъ жаловался ему самому: «безъ благоразсмотрѣнія твоего въ слушаніи чтенія и пѣнія моего отосланъ я въ военную службу. И оставшіеся сироты, какъ жена моя въ молодыхъ лѣтахъ, такъ еще и двѣ сестры ея и братъ, остались безъ всякой надежды къ пропитанію. Родственниковъ у нихъ нѣтъ и должны они отъ горести прежде времени умереть. Непрестанныя слезы и вопль вынудили меня утруждать Ваше Преосвященство: внемли моей просьбѣ, ибо я не принадлежалъ къ отсылкѣ въ военную службу».

Мѣстные старожилы съ особеннымъ сожалѣніемъ вспоминаютъ о томъ, что Евгеній загубилъ многихъ хорошихъ учениковъ семинаріи. Одинъ изъ нихъ, Павелъ Хитровъ, уволился изъ философскаго класса, въ теченіе года приготовился къ экзамену въ медико-хирургическую академію и прибылъ въ Петербургъ пѣшкомъ, такъ какъ отецъ его былъ человѣкъ бѣдный и къ тому же не сочувствовалъ затѣямъ своего сына. Пріемный экзаменъ выдержанъ былъ Хитровымъ вполнѣ удовлетворительно и даровитый юноша мечталъ уже о докторской карьерѣ. Все, повидимому, благопріятствовало осуществленію его завѣтныхъ думъ. Конференція ме-

дицинской академіи отправила уже отъ себя въ Тамбовскую консисторію требованіе о высылкѣ Хитрову увольнительнаго свидѣтельства. Но вмѣсто такого свидѣтельства въ Петербургъ пришло консисторское увѣдомленіе: «исключенный ученикъ Павелъ Хитровъ, какъ подлежащій отдачѣ въ солдаты, долженъ быть немедленно высланъ въ Тамбовъ.» Такъ безжалостно разрушены были думы и мечты одного изъ лучшихъ учениковъ Тамбовской семинаріи...

Нерѣдко случалось, что семинаристы попадали подъ красную шапку по разнымъ недоразумѣніямъ. Какъ люди мелкаго ранга, безъ связей и покровительствъ, шли они солдатскою дорогою безвинно и безотвѣтно, насильственно оторванные отъ школьной скамейки. Все тогда приносилось въ жертву суровой идеѣ очищенія Тамбовской эпархіи...

Многочисленная партія Тамбовскихъ семинаристовъ и церковниковъ, отданныхъ въ солдаты, нѣсколько мѣсяцевъ обучалась военному ремеслу въ Тамбовѣ. Наконецъ всю эту партію, уже переодѣтую изъ подрясниковъ, халатовъ и сюртуковъ въ сѣрыя шинели, велѣно было отправить въ Москву. Собрались бывшіе семинаристы и церковники на Варваринской площади и стройно по главной улицѣ пошли къ Московской заставѣ. Вмѣстѣ съ ними и за ними шли толпы народа. Процессія поравнялась съ Казанскимъ монастыремъ. Въ это время всѣ новобранцы, безъ всякой команды, по единодушному религіозному порыву, упали на колѣни и запѣли: «Заступница Усердная.» Минута была дѣйствительно торжественная и потому въ то время въ Тамбовѣ пролито было не мало слезъ. Плакали семинаристы, навсегда оторванные отъ своей сравнительно выгодной карьеры; плакали церковники, оставлявшіе на произволъ судьбы женъ и малыхъ дѣтей; плакали эти самыя жены и дѣти; плакали наконецъ зрители, которымъ жаль было несчастныхъ людей.

Сохранилась мѣстная легенда объ участи семинаристовъ-солдатъ. Будто они поступили въ Московскій учебный полкъ, гдѣ какой-то полковникъ часто ихъ сѣкъ, дурно кормилъ и изнурялъ работой и службой. Дошло это до свѣденія императора Николая 1-го и вотъ однажды пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то генералъ, полковника арестовали и съ тѣхъ поръ пропалъ онъ безъ вѣсти. А солдатъ-семинаристовъ поставили въ ряды и велѣли имъ быть готовыми къ встрѣчѣ самого государя. Николай Павловичъ не заставилъ себя долго ждать. Прибылъ онъ, одѣтый въ сѣрую солдатскую шинель. «Дѣти мои, сказалъ онъ семинаристамъ-новобранцамъ,-то-то, думаю, матери ваши плакали, провожая васъ...» Вслѣдъ за тѣмъ привезли калачей и сейчасъ же самъ государь началъ раздавать ихъ бывшимъ семинаристамъ и церковникамъ *).

Прошли тяжелыя времена холеры и *церковнаго разбора*. Губернская жизнь снова вступила въ свою мирную колею. Въ 1832 году въ Тамбовъ прибылъ новый губернаторъ Н. М. Гамалѣй, управлявшій краемъ до 1838 года, и глухая провинція наша видимо ожила. Этимъ оживленіемъ она обязана была исключительно Гамалѣю, потому что мѣстныя общественныя силы безмятежно спали. То было время, въ особенности у насъ, когда дѣйствовали отдѣльныя энергическія и уполномоченныя лица, а масса старательно удаляема была отъ всякаго дѣла. Не веселыя были эти времена, но тѣмъ охотнѣе отмѣчаемъ мы свѣтлыя страницы изъ нашего прошлаго.

6 декабря 1833 года Гамалѣй открылъ у насъ публичную библіотеку, при чемъ выпущено 500 сторублевыхъ акцій. Дѣятельность нашей публичной библіотеки всегда развивалась крайне слабо и даже въ настоящее

---

*) Смотри объ этомъ сентябрскую книжку „Историч. Вѣстника“ за 1880 годъ, наша статья.

время вліяніе ея на умственную жизнь города крайне сомнительно, но въ этомъ случаѣ всего менѣе виноватъ Н. М. Гамалѣй.

5 февраля 1834 года, при содѣйствіи Гамалѣя, рѣшено было приступить къ постройкѣ женскаго Александринскаго института, при чемъ Тамбовское дворянство обязалось платить въ пользу этого дѣла по 20 копѣекъ съ каждой крестьянской души. А такъ какъ въ 1834 году всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ было у насъ 377,915 душъ, то въ томъ же году собрана была значительная сумма и работы быстро начались. Основаніе института мотивировалось желаніемъ *ознаменовать пламенную благодарность къ государю императору за всѣ милости его и щедроты и дабы увѣковѣчить имя его въ памяти потомковъ.*

7 февраля того же года, при сильномъ участіи неутомимаго Гамалѣя, принято было дворянствомъ рѣшеніе устроить зданіе дворянскаго собранія. Эта мысль принята была потому, что дворянскій училищный корпусъ, въ которомъ обыкновенно бывали дворянскія и депутатскія засѣданія, преобразованъ былъ въ описываемое время въ военно-учебное заведеніе.

Особенное вниманіе обращалъ Гамалѣй на внѣшнее благоустройство города Тамбова. При немъ началось мощеніе главныхъ городскихъ улицъ, выстроенъ былъ мостъ около Дѣвичьяго монастыря и отдѣланъ заново Никольскій мостъ, который прежде назывался Галкинскимъ; тротуары отдѣланы столбиками, произведена первая нивеллировка города и углублены канавки для болѣе удобнаго стока воды; Студенецъ пересѣченъ плотинами; на главныхъ улицахъ и около присутственныхъ мѣстъ появились фонари, при въѣздахъ въ городъ исправлены и украшены были гербами заставы. Главнымъ мастеромъ и подрядчикомъ по части мощенія улицъ былъ Козловскій купецъ Блазнинъ. Въ то же время начали рыть на базарѣ Артезіанскій колодезь и уже вы-

рыли его глубиною въ 109 аршинъ, но послѣ Гамалѣя бросили работы.

Въ слѣдующемъ году Н. М. Гамалѣй поручилъ нѣкоему П. Е. Протасову разведеніе Тамбовскаго городскаго сада. Въ теченіе 9 лѣтъ Протасовъ обязался устроить садъ съ дорожками, аллеями, цвѣточными клумбами, оранжереями, теплицами и питомниками для всевозможныхъ садовыхъ и огородныхъ растеній и съ училищемъ садоводства. Къ сожалѣнію, послѣ отъѣзда Гамалѣя въ Петербургъ, куда онъ вызванъ былъ на должность товарища министра государственныхъ имуществъ, предпріятіе Протасова уже не могло осуществиться по предназначенному плану, не смотря на то, что предприниматель просилъ у города ежегодной субсидіи только 400 рублей.

Въ тѣ же Гамалѣевскія времена устроены у насъ конскіе бѣга, и доселѣ составляющіе славу нашего скромнаго города, и сдѣланъ былъ первый опытъ выставки произведеній Тамбовской губерніи. Выставка организована была по случаю пріѣзда въ Тамбовъ въ 1837 году наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича, *почтившаго ее продолжительнымъ посѣщеніемъ и одобреніемъ.* Такимъ образомъ оказывается, что мысль о выставкѣ Тамбовскихъ произведеній при губернскомъ музеѣ, медленно возникающая въ послѣднее время, вовсе не новая и еще въ 30-хъ годахъ находились умные люди, вполнѣ понимавшіе ея пользу и желавшіе ея осуществленія.

Какъ человѣкъ вполнѣ образованный, Гамалѣй заботился о подъемѣ мѣстной умственной жизни. Съ этою цѣлью онъ основалъ скромный мѣстный органъ-губернскія вѣдомости. Рѣдкая въ его время просвѣщенность выражалась, между прочимъ, съ его стороны постоянною внимательностію и вѣжливостію относительно просителей и подчиненныхъ и, конечно, авторитетъ власти отъ этого не колебался, а укрѣплялся...

Къ особенной чести Гамалѣя относится составленный имъ проэктъ Моршанской желѣзно-конной дороги. Проэктъ этотъ въ 1835 году представленъ былъ высшимъ властямъ; тогда же Тамбовскіе крупные владѣльцы Ниловъ и князь Голицынъ выразили рѣшительное намѣреніе содѣйствовать осуществленію Моршанской дороги; но главное управленіе путей сообщенія нашло это дѣло *неудобоисполнимымъ и необѣщающимъ особенной пользы.* Въ 1838 году желѣзно-конную дорогу дозволено было строить, но уже было поздно: Гамалѣя перевели на службу въ Петербургъ, Ниловъ и князь Голицынъ умерли, остальные капиталисты отозвались *неимѣніемъ свободныхъ капиталовъ.* Такъ кончилось дѣло, обѣщавшее большія выгоды цѣлому Тамбовскому краю. Къ сожалѣнію, высшая Петербургская бюрократія отнеслась къ добрымъ начинаніямъ въ нашемъ краѣ съ полною и чисто канцелярскою небрежностію. Иначе мѣстная культура стояла бы теперь гораздо выше, потому что одновременно съ Гамалѣевскимъ проэктомъ представлялись высшему правительству соображенія Тамбовскаго маіора Осинскаго объ углубленіи фарватера рѣки Цны и о проведеніи желѣзной дороги отъ Саратова чрезъ Тамбовъ и Москву въ С.-Петербургъ...

Губернаторство Гамалѣя ознаменовано было широкимъ развитіемъ раскола и сектанства въ Тамбовской губерніи. Темные и наивные умы мѣстнаго простонародья по своему искали Божіей правды и истины, рвались изъ своихъ потемковъ къ познанію истинной жизни, неудержимо проявляли религіозныя стремленія и такимъ образомъ нечаянно оказывались въ рядахъ враговъ господствующей церкви. Скопцы, хлысты, духоборцы, молокане, субботники и раскольники разныхъ толковъ въ нѣкоторыхъ Тамбовскихъ селахъ начали совершать свое богослуженіе открыто. Но противъ этого движенія епископомъ Арсеніемъ приняты были репрессивныя мѣры. У сектантовъ и раскольниковъ

стали дѣлать строгіе обыски и конфисковать ихъ священныя книги. Въ это время у раскольниковъ села Колаиса, Кирсановскаго уѣзда, была отобрана очень интересная книга подъ заглавіемъ: «Страсти Христовы». Вотъ краткая выдержка изъ этой книги: «Матерь Божія къ Іудѣ обращается:— о, любимый мой пріятелю Іудо! Ты бо былъ еси во Іерусалимѣ, не слышалъ ли еси коего зла отъ беззаконныхъ жидовъ и не помышляютъ ли они что о моемъ любезномъ сынѣ? О, любимый мой друже Іудо! Не имамъ бо иному кому поручить сына моего, токмо тебѣ, да имаши попеченіе и прилежаніе о немъ, понеже бо тя почиталъ онъ старѣйшинствомъ, ты же о здравіи его буди ему стражъ» *).

Въ концѣ 30-хъ годовъ и въ началѣ 40-хъ Тамбовскимъ губернаторомъ былъ А. А. Корниловъ, братъ знаменитаго адмирала. При немъ Тамбовскую губернію посѣтилъ сильный голодъ. Люди ѣли лебеду, мякину; пухли у нихъ животы отъ безкормицы и они массами умирали. Уже въ половинѣ 30-хъ годовъ въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи обнаружились неурожаи то отъ морозовъ, то отъ засухи, града и вѣтровъ, то отъ червя. Наконецъ въ 1840-мъ году голодъ принялъ грозный характеръ. Вотъ что писалъ Корнилову по поводу этого народнаго бѣдствія чиновникъ особыхъ порученій Побѣдоносцевъ: «людей, просящихъ милостыню, развелось по городамъ и селамъ множество. Истомленные и обезсиленные они бродятъ по дворамъ и выжидаютъ подаянія, но напрасно. Каждый думаетъ теперь о себѣ и про себя бережетъ скудныя крохи насущнаго хлѣба. Большинство питается теперь мякиннымъ хлѣбомъ, гдѣ едва ли найдется и четвертая доля чистаго продукта,—все остальное состоитъ изъ отрубей или гречишной мякины. Иные ѣдятъ одну мякину, есть и такіе, у которыхъ и той

*) Архивъ губерн. правл. 1844 года, № 32.

немного въ запасѣ. Одна приправа тяжелой и нездоровой крестьянской пищѣ—слезы несчастныхъ» *).

Въ это время могли бы помочь голодавшему Тамбовскому крестьянству богатые мѣстные помѣщики, но они, по словамъ чиновника особыхъ порученій Петрова,— не давали крестьянамъ своимъ хлѣба и продавали его по высокимъ цѣнамъ въ столицахъ **).

Тогда Тамбовская администрація приняла противъ города энергическія мѣры. Палата государственныхъ имуществъ разрѣшила выдачу хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ. Стали раздавать голодающему населенію зерновой и молотый хлѣбъ, но, къ несчастію, при этомъ въ Лебедянскомъ уѣздѣ обнаружились злоупотребленія: съ крестьянъ стали брать деньги...***) Съ цѣлію смягченія народнаго бѣдствія сдѣлано было распоряженіе, чтобы на всѣхъ базарахъ губерніи до 12-ти часовъ дня продавали хлѣбъ съ возовъ только частнымъ покупателямъ. Уже послѣ полудня народные хищники-кулаки могли начинать свою темную дѣятельность. Въ то же время обратились съ просьбою о помощи къ высшему правительству и открыли благотворительную подписку. Голодъ вслѣдствіе этого началъ ослабѣвать, особенно потому, что нѣкоторыя частныя лица щедрою рукою раздавали пособія. Такъ, Липецкій купецъ Небучиновъ пожертвовалъ крестьянамъ на сѣмена 10,000 рублей.

Въ началѣ 40-хъ годовъ А. А. Корниловъ удалился съ своего губернаторскаго поста. Мѣсто его занялъ энергическій П. А. Булгаковъ—гроза чиновниковъ и бичъ всѣхъ мѣстныхъ проходимцевъ. Булгаковъ не отличался такими способностями, какъ Державинъ и Гамалѣй, онъ былъ только честнымъ слугою тѣхъ принциповъ, какими въ его время руководилось правительство. По-

*) Донесеніе Корнилову, № 7-й.

**) Донесеніе Петрова Корнилову, № 13.

***) Донесеніе Побѣдоносцева, № 13.

этому съ его стороны не было ни одной прогрессивной инииціативы..

Губернаторство П. А. Булгакова ознаменовано однимъ крупнымъ мѣстнымъ событіемъ. Въ селѣ Елань-Козловкѣ произошло крестьянское движеніе, вызванное въ темной и наивной массѣ неспособностію и недобросовѣстностію уѣздныхъ (Борисоглѣбскихъ) чиновниковъ. Крестьянъ грубо заставляли сѣять картофель и брали съ нихъ двойныя подати. Сельскія власти были при этомъ самыми усердными помощниками администраціи. Тогда Елань-Козловцы связали своихъ сельскихъ начальниковъ и ждали высшаго суда. Въ это время честные представители закона могли еще остановить движеніе, но такихъ дѣятелей не оказалось во всемъ уѣздѣ. Въ губернскій городъ дали знать о бунтѣ и дѣло рѣшено было выстрѣлами гарнизоннаго батальона, при участіи самого губернатора, смущеннаго шумомъ и гамомъ толпы въ его присутствіи... Ближайшимъ результатомъ выстрѣловъ были убитые и изувѣченные крестьяне, а дальнѣйшимъ—*усмиреніе бунта.* Распорядительные чиновники получили награды и повышенія по службѣ, а народная жизнь отмѣчена была новымъ фактомъ бюрократическаго невѣжества и отсутствія патріотизма...

При К. К. Данзасѣ, преемникѣ Булгакова, произошли у насъ величайшія событія текущаго вѣка: крымская война и реформы Александра II-го. Захолустная сторона наша, нѣсколько вѣковъ пребывавшая почти въ совершенномъ усыпленіи, тогда очнулась и приняла дѣятельное и могущественное участіе въ отечественной жизни. Съ этого времени начинается настоящая наша исторія, до послѣдняго слова которой еще слишкомъ далеко... *Не тридцать лѣтъ сиднями сидѣли Тамбовскіе обыватели, и не одними Ильями Муромцами подаритъ Русь Тамбовская губернія...*

Тамбовскія дружины, знамена которыхъ и доселѣ сохраняются въ мѣстномъ кафедральномъ соборѣ, окончательно снаряжены были къ походу въ 1855 году и немедленно выступили на Ростовъ, Таганрогъ и Маріуполь тремя колоннами, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-маіора Жихарева. Проводы ополченцевъ были самые задушевные. Тогдашній губернаторъ Данзасъ напутствовалъ дружины слѣдующею рѣчью:

«Дружины Тамбовскаго ополченія! Въ эти трудныя, но славныя минуты, когда вѣрные сыны Россіи какъ милости и съ нетерпѣніемъ ждутъ своей очереди повергнуть достояніе и жизнь къ стопамъ возлюбленнаго государя своего, насталъ и вашъ желанный часъ и вы, сопровождаемые жаркими молитвами цѣлаго края, станете грудью за вѣру и царя, за отечество и семейства ваши, за все однимъ словомъ, что такъ безцѣнно дорого всякому русскому сердцу. Съ пламенными мольбами ко всевышнему, но безъ тревогъ и опасеній, напутствуемъ мы васъ, избранные достойные сыны отечества, и да осѣнятъ васъ среди нечестивыхъ полчищъ вражескихъ священныя слова вашего знамени и крестъ, который, какъ богоявленное видѣніе благочестиваго Константина, прорицаетъ вамъ успѣхъ и славу: симъ побѣдиши. Друзья! Славныя имена, славные примѣры живы въ душѣ каждаго русскаго! Покажите же и вы себя достойными вашихъ предковъ и новой безсмертной славой украсьте имя русскаго. Этого ожидаетъ отъ васъ царь и вся Россія.»

Вооруженные старыми кремневыми ружьями, плохо дисциплинированные, голодные и больные Тамбовскіе дружинники вступили въ Донскую землю подъ главное начальство Донскаго атамана Хомутова, который 30 апрѣля отдалъ имъ слѣдующій приказъ:

«По высочайшей волѣ я удостоился начальствовать надъ вами, Тамбовскія дружины! Каждому радостно было видѣть, какъ усердно спѣшили вы на зовъ отечест-

ва, а я, встрѣчая васъ, восхищался молодецкими ратниками и готовностію каждаго изъ васъ выполнить геройски долгъ вѣрноподданныхъ. Я не ошибся! Вы единодушно принялись за службу царскую и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дружины были уже въ состояніи состязаться съ опытными войсками. Я твердо былъ убѣжденъ, что, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, грудь мирнаго Тамбовскаго жителя доказала бы отечеству, какъ она тверда и какъ бьется въ ней сердце русское за святую родину! Готовясь раздѣлить съ вами боевую жизнь, я много ждалъ отъ вашей доблести, но миръ, дарованный Богомъ и царемъ, драгоцѣннѣе всѣхъ военныхъ подвиговъ. Миръ возвращаетъ васъ въ нѣдра семействъ вашихъ! Радуюсь вашему счастію. Прощаясь съ вами, вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ объявить мою душевную признательность всѣмъ офицерамъ, а молодецкимъ ратникамъ—душевное мое спасибо!»

Что же дѣлало Тамбовское ополченіе, призванное къ охраненію отъ непріятеля Азовскаго побережья?

Тамбовскіе ополченцы, прикрывая родную окраину, усиленно занимались приготовленіями къ военнымъ дѣйствіямъ и въ особенности стрѣльбою. Нѣкоторые изъ лучшихъ ополченскихъ стрѣлковъ были уже вооружены отличными штуцерами, пожертвованными главнымъ образомъ Тамбовскимъ помѣщикомъ графомъ Беккендорфомъ.

Надобно замѣтить, что стоянка Тамбовскихъ дружинъ около Азовскаго моря была далеко не удовлетворительна. Вслѣдствіе крайне дурнаго содержанія и таковаго же состава большинства офицеровъ между ратниками открылись сильныя болѣзни и честные Тамбовскіе крестьяне погибали массами, не видя непріятеля. Тяжелое положеніе заставляло многихъ Тамбовскихъ ополченцевъ подавать въ разныя мѣста жалобы. Вотъ что, напримѣръ, писали въ своемъ прошеніи на

имя военнаго министра ратники Моршанской дружины:

«Бьютъ насъ начальники палками, сами предаются баламъ, провіанту не даютъ, ни казеннаго, ни жертвованнаго. Особенно обижаетъ насъ Пановъ, нашъ дружинный начальникъ».

Прошеніе заключается слѣдующимъ патетическимъ воззваніемъ: «разступись, земля сырая, встань императоръ Николай Павловичъ и погляди на своихъ бѣдныхъ ратниковъ».

Больныхъ Тамбовскихъ ратниковъ было такъ много, что они не помѣщались въ госпиталяхъ. Тщетно вступался за нихъ дружинный врачъ Триденцовъ; изъ этого выходили однѣ только непріятности съ начальствомъ, особенно съ дружиннымъ командиромъ Пановымъ. Пановъ постоянно придирался къ Триденцову. Такъ, онъ однажды написалъ ему: «околоточное отдѣленіе открыто и туда въ назначенные часы по госпитальнымъ правиламъ вы не ходите на визитацію». На это Триденцовъ отвѣчалъ: «открытіе околоточнаго отдѣленія извѣстно только вамъ, а не мнѣ. Я зналъ только, что вы уничтожили пріемный покой, котораго учрежденіе постановлено министерствомъ. Въ госпитальномъ же правилѣ не означены часы являться на визитацію несуществующихъ госпиталей».

Пановъ не унимался и давалъ Триденцову, напримѣръ, такія предложенія: «Когда вы въ городѣ (Таганрогѣ) или куда выѣзжаете по чьему либо повелѣнію, доносите мнѣ».

На это Триденцовъ отписывался такъ: «въ городѣ я бываю постоянно, то постоянно и долженъ доносить вашему высокоблагородію ежедневно и ежечасно?»

Однажды Триденцовъ выѣхалъ за городъ осматривать больныхъ ратниковъ, стоявшихъ въ окрестныхъ деревняхъ. Тогда немедленно послѣдовалъ къ нему слѣдующій запросъ Панова: «по чьему повелѣнію врачъ Триденцовъ выѣхалъ изъ города?»

Триденцовъ отвѣчалъ: «по приказу начальника ополченія, назначившаго меня дружиннымъ врачемъ. Въ наз-

наченныхъ для медиковъ ополченія инструкціяхъ я нигдѣ не вычиталъ, чтобы испрашивать повелѣнія для исполненія своей обязанности у начальника дружины».

Такимъ образомъ оказывается, что дѣятельность Тамбовскихъ дружинъ, слабо подготовленныхъ къ боевой жизни, плохо дисциплинированныхъ и снаряженныхъ, была не блестящая. Тамбовскіе ополченцы не только не одерживали побѣдъ надъ непріятелемъ, но и вовсе не были въ бою съ нимъ. Тѣмъ не менѣе никто не имѣетъ права дѣлать отсюда какія либо неблагопріятныя для Тамбовскихъ дружинъ заключенія. Тамбовскія дружины честно, какъ могли, исполнили долгъ свой предъ царемъ и отечествомъ. Во все время кампаніи они прикрывали отъ непріятеля Азовское побережье и этимъ дали возможность другимъ военнымъ силамъ, болѣе готовымъ къ бою, принять активное участіе въ войнѣ. Правда, отъ пуль непріятельскихъ Тамбовскіе дружинники не пострадали, за то они очень пострадали отъ болѣе опаснаго врага, отъ болѣзней, голода и всякихъ походныхъ невзгодъ, и чрезъ это пріобрѣли несомнѣнное и вполнѣ заслуженное право на благодарную память потомства.

Грозная Крымская эпоха прошла. Наступило свѣтлое, многообѣщавшее царствованіе царя-освободителя и мученика. Вся Русская земля встрепенулась, очнулось отъ безпрерывной спячки и Тамбовское захолустье, и стала съ тѣхъ поръ Тамбовская земля, густонаселенная и плодородная, одною изъ самыхъ живыхъ силъ нашей обширной имперіи. Край нашъ, полноправнымъ членомъ принятый въ великую русскую семью, съ особенною признательностію долженъ чтить память императора Александра II-го...

Къ числу величайшихъ эпохъ русской (слѣдовательно и Тамбовской) исторической жизни, безъ сомнѣнія, нужно отнести событіе 19-го февраля 1861 года, слегка коснувшееся мелкихъ интересовъ привиллегированнаго меньшинства и могущественно воскресившее всенародную

массу. Крестьянскою реформою положенъ краеугольный камень нашего народнаго развитія. Въ свободѣ народа сказался неизсякаемый источникъ національной, прогрессивной исторіи...

Наканунѣ 19-го февраля многіе Тамбовскіе пессимисты сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ русской крестьянской реформы. Къ счастію, эти зловѣщія сомнѣнія эгоистической толпы не оправдались.

Предъ крестьянской реформой Тамбовская губернія, за исключеніемъ сѣверныхъ своихъ уѣздовъ, представляла самое глухое и широкое поприще для развитія крѣпостнаго права, такъ какъ дворянскаго сословія и крѣпостнаго крестьянства было въ ней въ то время едва ли не болѣе, чѣмъ въ другой какой нибудь губерніи. Многіе мѣстные крѣпостники дикимъ своимъ самосудомъ напоминали простому народу тяжкія времена Монгольскаго ига. Къ числу такихъ лицъ нельзя не отнести извѣстнаго князя и пѣвца Ю. Н. Г-на. Пылкій, избалованный барскою обстановкой и вовсе не умѣвшій сдерживать своихъ аристократическихъ порывовъ, этотъ князь приказывалъ иногда давать своимъ провинившимся крестьянамъ по 1000 ударовъ и потомъ къ избитымъ мѣстамъ прикладывать шпанскія мушки. А когда не хотѣлось ему *развлекаться* сѣченіемъ своихъ крестьянъ, онъ ставилъ ихъ въ маленькую башню на крышѣ барскаго дома и держалъ тамъ, не смотря ни на какую погоду, по нѣсколько сутокъ безъ пищи. Желая иной разъ поглумиться надъ своими дворовыми, князь собственноручно мазалъ ихъ дегтемъ или смолою. Мазалъ онъ стариковъ, не щадилъ также женщинъ и дѣтей. Нерѣдко приходила ему фантазія наказывать крестьянъ при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ. Такъ, однажды, онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и въ ихъ присутствіи приказалъ сѣчь одну изъ нихъ, а самъ въ это время игралъ на билліардѣ. Сѣченіе продолжалось цѣлый часъ и результатомъ его было то, что изувѣчен-

ную крестьянку немедленно послѣ экзекуціи пріобщили. Кое-когда князь Г-нъ впадалъ въ игривый тонъ и въ такомъ случаѣ позволялъ себѣ относительно крестьянъ самыя безцеремонныя выходки. Напримѣръ въ такомъ родѣ. Крестьяне его, положимъ, только что возвратились съ поля, съ его барщины. Имъ, разумѣется, отдохнуть бы слѣдовало, а Г-нъ прикажетъ для потѣхи ударить въ набатъ и вотъ всѣ усталые труженики, по заведенному разъ навсегда обычаю, принимаются безъ толку скакать по селу изъ конца въ конецъ. Баринъ смотритъ на все это и потѣшается, а въ заключеніе потѣхи прикажетъ разобрать чью нибудь крестьянскую избу. «По крайней мѣрѣ, говаривалъ онъ при этомъ,—не даромъ скакали по селу, всетаки хоть немного похоже на пожаръ».

Нисколько не жалѣя своихъ крестьянъ, съ которыхъ онъ бралъ по 30 рублей оброку и въ то же время отнималъ у нихъ землю, Г-нъ не щадилъ и женской стыдливости своихъ крѣпостныхъ. Случалось, что онъ приказывалъ сгонять всѣхъ своихъ крестьянокъ въ рѣку, при чемъ присутствовалъ и самъ лично, а за тѣмъ онѣ въ прародительскомъ видѣ должны были бѣгать по селу.

Все это, что мы только что сказали о дѣятельности князя Г-на, практиковалось имъ такъ часто, что впослѣдствіи на судѣ одинъ свидѣтель показалъ слѣдующее: «крестьяне Г-на самыя несчастныя и угнетенныя существа, которыя имѣютъ имущества свои и самую жизнь ежедневно въ опасности.»

Между прочимъ князь Г-нъ любилъ издѣваться надъ своимъ приходскимъ духовенствомъ. Обѣдню онъ приказывалъ иногда начинать въ первомъ часу и оканчивать не позже пятаго. Это приказаніе тяжелое для сельскаго причта, издавалось главнымъ образомъ съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать вредъ винному откупу, съ которымъ Г-нъ былъ въ ссорѣ. Однажды Г-нъ пріѣхалъ откуда-то въ свое имѣніе и прямо подъѣхалъ къ церкви, гдѣ въ

это время совершалось богослуженіе, вслѣдствіе чего священникъ не могъ встрѣтить князя. Тогда, разсерженный невниманіемъ къ своей особѣ, помѣщикъ живо вошелъ въ алтарь, схватилъ священнодѣйствующаго іерея за бороду и привелъ его на паперть. «Вотъ гдѣ, — сказалъ онъ оторопѣвшему священнослужителю. — долженъ ты встрѣтить меня.» Въ другой разъ Г-нъ вздумалъ *пошутить* надъ приходскимъ дьячкомъ.

Дѣло было на Пасху. «На святую пришли мы,—разсказывалъ потомъ на судѣ самъ пострадавшій дьячекъ,— къ нашему князю и послѣ молебна велѣно намъ было пить. У нашего барина такой былъ порядокъ: хочешь не хочешь, а пей. Мнѣ сразу поднесли три стакана. Охмѣлѣлъ я. Тогда князь приказалъ отвести меня на круглыя качели и качать. У меня и безъ того голова кружилась, а тутъ я сталъ совсѣмъ безъ памяти и уже не помню, какъ привезли меня домой.»

Даже посторонніе люди боялись встрѣчаться съ грознымъ княземъ и со страхомъ проѣзжали чрезъ его владѣнія. Оно и понятно: если какой нибудь священникъ или мелкій купецъ встрѣчался съ надменнымъ владѣльцемъ и, по разсѣянности, не снималъ передъ нимъ шапки, то неизбѣжно получалъ за это розги. Вслѣдствіе этого проѣзжіе нечиновные путешественники обыкновенно стороной объѣзжали Г-нское имѣніе. «И сами животныя,— писалъ шефу жандармовъ нѣкто Сычевъ, долгое время служившій у князя Г-на,—при встрѣчѣ съ Ю. Н-чемъ инстиктивно прятались куда попало.»

Княжеская необузданность выражалась также въ слѣдующемъ: проѣзжая чрезъ разныя села и деревни, князь Г-нъ обыкновенно стрѣлялъ собакъ, которыя осмѣливались лаять на него. А однажды на почтовомъ трактѣ изъ Нижнедѣвицка въ Тамбовъ онъ отрѣзалъ у почтовыхъ лошадей хвосты и гривы. «Самъ виноватъ,—приговаривалъ онъ при этомъ ямщику,—не проси съ меня денегъ.»

Надменный князь не церемонился даже съ лицами привиллегированныхъ сословій. Разъ онъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ офицера Аронова. Во время обѣда гость чѣмъ-то не угодилъ своенравному хозяину и за это былъ подвергнутъ немедленному изгнанію прямо на улицу. То же самое сдѣлалъ Г-нъ съ однимъ дворяниномъ Беккеромъ, который вздумалъ по знакомству замѣтить ему о неприличіи его поведенія: напрасно де ты, князь, съ своей крѣпостной дѣвкой, разодѣтой въ бархатный кафтанъ, пируешь на базарахъ на виду у всего народа...

Но странное дѣло, князь Г-нъ щадилъ и уважалъ тѣхъ людей, которые давали ему отпоръ. Однажды онъ встрѣтилъ въ полѣ священника Орлова и ударилъ его кнутомъ. Тогда удивленный и разобиженный о. Орловъ нѣсколько разъ ударилъ своимъ пастырскимъ жезломъ самого князя и съ этихъ поръ вошелъ въ княжескую милость.

Всѣ эти отчасти только указанные нами подвиги Г-нъ продѣлывалъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Главную ареною его дѣятельности былъ Усманскій уѣздъ.

Дикихъ самодуровъ крѣпостнаго режима въ нашей губерніи было множество и, разумѣется, ихъ помѣщичьи выходки не могли быть благопріятными прецедентами спокойной крестьянской реформы. Нѣкоторые помѣщики *въ сердцахъ* обливали своихъ крѣпостныхъ кипяткомъ и потомъ выводили ихъ на морозъ. Иные засѣкали свою *челядь* до смерти. *) Были и такіе, которые выдѣлялись изъ толпы своихъ современниковъ чрезвычайною грубостію семейныхъ нравовъ и этимъ возбуждали противъ себя *безсильное* негодованіе общества разныхъ сословій. То были самодуры особеннаго типа, незнавшіе удержу именно въ семейной сферѣ.

Вотъ что доселѣ разсказываютъ въ Тамбовской губерніи о дворянинѣ К-ровѣ, сынѣ знаменитаго въ свое время вотчиннаго тирана.

---

*) Арх. Губерн. правлен. по описи № 129.

К-ровъ поссорился съ своей женою чрезъ недѣлю послѣ свадьбы. Эта первая ссора произошла за чайнымъ столомъ. К-ровъ въ припадкѣ безпричиннаго гнѣва ударилъ кулакомъ по самовару и опрокинулъ его на жену. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого несчастная жена попала въ новую бѣду: мужъ началъ съ ожесточеніемъ щипать ее и вывертывать ей руки и пальцы и съ этого времени истязанія пошли безпрерывно. Истязуя жену, мужъ запрещалъ ей кричать и она прятала голову въ подушки, чтобы невольный крикъ не привлекъ постороннихъ свидѣтелей ея семейнаго горя и чтобы чрезъ это не подвергнуться ей еще болѣе жестокимъ мученіямъ. Съ особеннымъ озлобленіемъ и цинизмомъ описываемый мною герой щипалъ тѣ части женина тѣла, *наименованіе которыхъ*, какъ говорится въ прошеніи пострадавшей шефу жандармовъ, *не допускаетъся женскою стыдливостію*. А иногда К-ровъ принимался душить подушками жену до тѣхъ поръ, пока съ ней не начинались судорожные припадки.

Однажды супруги ѣхали изъ деревни въ Тамбовъ. Дѣло было ночью и на глухомъ трактѣ. Въ это время мужу пришла мысль пошутить съ женою, онъ приказалъ ей выдти изъ экипажа, а кучеру велѣлъ ударить по лошадямъ. Крикъ маленькаго брата несчастной женщины и просьбы дворовыхъ людей заставили разсвирѣпѣвшаго мужа остановить лошадей, но когда усталая и перепуганная жена садилась въ тарантасъ, то получила такой ударъ кулакомъ отъ своего супруга, что отъ боли вскрикнула. Надобно замѣтить, что въ это время она была въ послѣднемъ періодѣ беременности. По пріѣздѣ въ Тамбовъ со стороны К-рова пошли новыя истязанія. Въ сентябрѣ 1860 года онъ однажды возилъ жену по городу три часа и во все это время билъ ее. Долго выносила свою злую долю ни въ чемъ не повинная женщина, наконецъ и у нея терпѣнія не стало. Разъ она вырвалась отъ мужа и въ одной сорочкѣ по-

бѣжала вонъ изъ дому. Но ее догнали и вернули въ спальню. Въ это время съ мужемъ сдѣлалась рвота, въ которую онъ и бросилъ внизъ лицо́мъ свою жену. Съ теченіемъ времени К-ровскія истязанія стали принимать все болѣе и болѣе разнообразный характеръ. Зимою бѣдную женщину запирали въ холодную комнату, легко одѣтую водили по двору и заставляли при всей дворнѣ *просить у барина прощенія*.

Описываемый мною герой не щадилъ и своего ребенка. Ночью онъ подносилъ къ колыбели свѣчку и руками открывалъ у младенца глаза, вслѣдствіе чего съ нимъ сдѣлались припадки, отъ которыхъ онъ скоро и умеръ. Когда ребенка отпѣвали, отецъ его въ то время былъ въ людской избѣ и развлекался голубями. А чрезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ привелъ къ убитой горемъ женѣ своего незаконнорожденнаго сына и заставилъ ее цѣловать его. К-рова повиновалась, но и за это подверглась побоямъ...

Впослѣдствіи К-рова переселилась къ своей матери и скоро умерла. Имѣніе мужа ея взяли въ опеку. Среди крѣпостныхъ память о К-ровой сохранилась такая: «барыня у насъ смирная и никто не слыхалъ отъ нея дурнаго слова».

При такихъ условіяхъ началась въ Тамбовской губерніи крестьянская реформа. Можно было ожидать, что въ ней произойдутъ безпорядки, которыми такъ пугали правительство крупнаго и мелкаго ранга консерваторы, но все обошлось благополучно. Въ свое время получили силу крестьянскіе надѣлы, при чемъ болѣе сообразительные владѣльцы надѣлили своихъ бывшихъ крѣпостныхъ *какъ можно меньше и какъ можно хуже*. Были, однако, у насъ и такіе помѣщики, которые честно раздѣлались съ даровыми своими работниками и горячо стали за крестьянскую реформу...

Внутренняя жизнь массы Тамбовскаго народонаселенія наканунѣ великой крестьянской реформы не крас-

на была и по внѣшнимъ, случайнымъ ея проявленіямъ. То было время особенно сильныхъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ по всей Тамбовской губерніи. Горѣли Тамбовскіе города и веси отъ исконной русской неосторожности, при извѣстныхъ благопріятныхъ пожарамъ условіяхъ; горѣли они также и отъ поджигателей.

Въ 1860 году былъ пожаръ въ городѣ Моршанскѣ. Въ это время сгорѣла крестьянка Розова съ снохою и трехлѣтнею дочерью. Пожаръ произошелъ отъ поджога. Поджигатели даже не скрывались.

Во время самаго пожара крестьянинъ Паршинъ встрѣтился съ солдатомъ Несчукомъ. Несчукъ сказалъ ему:

— Черезъ день вамъ опять горѣть, я — человѣкъ Польскій и всѣхъ насъ трое.

На это Паршинъ отвѣтилъ:

— И такъ трое сгорѣло.

— Мало этого,—перебилъ его Несчукъ,—и ты сгоришь, и жена твоя, и какъ махну я рукою, такъ вамъ и горѣть.

Несчука схватили и посадили въ острогъ. А въ Моршанскѣ между тѣмъ произошла такая паника, что жители стали являться на пожары безъ огнегасительныхъ снарядовъ. «Все равно сгоримъ всѣ,—говорили они,—потому что настала пора чистилища и бѣдствій»...

Поджигатели дѣйствовали съ замѣчательною дерзостію.

Во время Моршанской пожарной паники неизвѣстный злоумышленникъ подкинулъ дьякону Тихонову такую записку: «у тебя нынче ночью пожаръ будетъ». Дали знать объ этомъ полиціи, которая приняла, разумѣется, всѣ зависящія отъ нея мѣры къ предупрежденію пожара—и всетаки домъ Тихонова сгорѣлъ.

Во время этой же пожарной эпидеміи, охватившей всю Тамбовскую губернію, въ городѣ Темниковѣ появилась какая-то неизвѣстная личность, переодѣвавшаяся то мужикомъ, то бабою, и стращала обывателей пожарами:

придетъ де Тройцынъ день и горѣть тогда Темникову съ трехъ сторонъ.

Особенно сильный переполохъ былъ между жителями города Борисоглѣбска. Многіе изъ нихъ выбирались съ своими пожитками за городъ, а которые оставались въ городѣ, тѣ прятали свое имущество въ погребахъ и подвалахъ. Причиною такого переполоха была слѣдующая записка, подброшенная въ одинъ домъ неизвѣстными людьми. «Во имя Господа Іисуса Христа,—писали неизвѣстные авторы,—будетъ горѣть городъ Борисоглѣбскъ въ 6 часовъ вечера непремѣнно. Въ трехъ мѣстахъ будетъ подожжено нами и вы, жители, вѣрьте сему: правильно будетъ сей горестный ужасъ. Вы извините насъ, что мы не хорошо писали, но мы лучше не умѣемъ. Писалъ Дмитрій, а сочиняли 117 человѣкъ. За тѣмъ прощайтесь съ городомъ Борисоглѣбскомъ» *).

Вслѣдъ за городами начали горѣть болѣе значительныя села. Поджигали ихъ какіе-то мальчики, бабы, солдаты и нищіе. Разъ черезъ село Чемлыкъ, Усманскаго уѣзда, проходила партія нищихъ. И эти нищіе мазали сельскія избы какимъ-то горючимъ составомъ. Нѣкоторые злоумышленники поджигали въ селахъ кабаки и при этомъ удобномъ случаѣ грабили ихъ.

Самые сильные пожары въ описываемое нами время были въ Тамбовѣ, который лишился своей *дворянской улицы*, и въ Козловѣ. Въ послѣднемъ сгорѣло около 700 домовъ и 4 церкви, всего на сумму до 3 милліоновъ рублей серебромъ.

При такихъ-то тревожныхъ обстоятельствахъ объявленъ былъ въ Тамбовской губерніи великій манифестъ 19 февраля. Повидимому должна была произойдти народная смута и не однажды должна была пролиться русская кровь. Но все обошлось, какъ мы замѣтили выше, сравнительно благополучно, благодаря исторически сло-

---

*) Новое ежеднев. Время, 1880-го г. № 2-й.

жившееся великой покорности русскаго народа своему правительству. Правда, вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній между властями и крестьянами выдвигались и у насъ на сцену военныя и полицейскія силы, въ народѣ ходили самые нелѣпые слухи и несбыточныя надежды и все это, повторимъ опять, прошло мирно и Тамбовская губернія такимъ образомъ вступила въ новую эпоху своего историческаго существованія.

Вотъ что произошло въ Тамбовской губерніи во время крестьянской реформы.

Крестьянинъ Тамбовскаго уѣзда Леоновъ весною 1861 года разглашалъ на одномъ базарѣ: «всѣхъ помѣщиковъ велѣно искоренить, а крестьянамъ порѣшили отдать всю землю и сдѣлать ихъ совершенно вольными. И кто изъ нихъ до Пасхи не отобьется отъ своихъ помѣщиковъ, тотъ анаѳема проклятъ».

Вокругъ краснобая столпились мужики и бабы; тогда Леоновъ продолжалъ: «въ одномъ уѣздѣ крестьяне взяли у своего помѣщика всю землю и за это обязались кормить его вѣчно, но ихъ позвали въ Питеръ и самъ царь сказалъ имъ: уходите вы отъ меня съ помѣщикомъ своимъ на Китайскую границу и кормите его тамъ, а не здѣсь въ Россіи» *).

Въ это время въ разговоръ вмѣшался Моршанскій крестьянинъ Торгашовъ.

— Все это такъ и очень обидно намъ, что господа и попы скрываютъ настоящую о насъ грамоту. Настоящее положеніе о крестьянахъ выдано съ золотымъ крестомъ и золотыми буквами написано и при немъ приложена медаль.

Около того же времени крестьянинъ Скопытухинъ разсказывалъ въ городѣ Спасскѣ дворянину Жукову слѣдующее: «былъ я во Владимірѣ въ трактирѣ и слышалъ тамъ, какъ неизвѣстные мнѣ люди говорили вотъ что:

---

*) Арх. Тамб. окруж. суда, № 2419-й.

господа получили въ руки книжки, а въ книжкахъ сказано, что если кто изъ молодыхъ ребятъ пойдетъ въ услуженіе къ господамъ, того отдадутъ въ солдаты, а изъ старыхъ кто наймется, того сошлютъ въ Сибирь, и по такимъ запрещеніямъ работниковъ у господъ не будетъ и земля сама собою поступитъ къ крестьянамъ» *).

Въ 1861 году въ городъ Спасскъ пріѣхали изъ Нижняго Новгорода два молодыхъ человѣка, Маевскій и Олехновичъ. Оба они были поляки. Такъ какъ они показались подозрительными Спасской полиціи, то ихъ арестовали, при чемъ нашли у нихъ экземпляры самыхъ нелѣпыхъ прокламацій, которыя они называли манифестами. «Всѣмъ крестьянамъ даруется,—значилось въ этихъ мнимыхъ манифестахъ,—свобода и земля безвозмездно. Уничтожается рекрутская повинность и солдатамъ всей арміи повелѣвается возвратиться на родину. Уничтожается подушная подать. Въ волостяхъ и городахъ назначается выборъ депутатовъ для избранія властей и членовъ государственнаго совѣта, который полагается учредить въ Москвѣ для управленія имперіей» **).

Между тѣмъ въ имѣніи княгини Гагариной былъ такой случай. Въ ночь на 19 марта 1861 года крестьянинъ Зубковъ сталъ звонить въ большой колоколъ. Сбѣжался народъ. Тогда Зубковъ сталъ разсказывать: «старецъ въ монашеской одеждѣ явился мнѣ въ сновидѣніи и велѣлъ созвать народъ къ богослуженію, дабы всѣ крестьяне молились за дарованныя права и смѣнили все вотчинное начальство, а также и помѣщицу» ***).

Всѣ эти болѣе или менѣе нелѣпые слухи часто приводили легкомысленныхъ Тамбовскихъ крестьянъ къ разнымъ противозаконнымъ дѣйствіямъ. Напримѣръ, 14 сентября 1860 года къ одному усманскому помѣщику Ханыкову

*) Арх. Тамб. губ. правл. № 86-й.

**) Донесеніе Тамб. губ. Данзаса министру внутр. дѣлъ, № 32-й.

***) Арх. Тамб. губ. правл. № 99-й.

пришелъ пастухъ Силинъ и спросилъ: «по скольку намъ будетъ отъ васъ земли? Потому—всѣ мы теперь вольные и про это есть грамота у нашего священника». Силина за такія рѣчи схватили и начали вязать, но онъ сталъ обороняться и при этомъ плевалъ на Ханыкова и называлъ его злодѣемъ и тираномъ, а барскаго прикащика Карѣева ударилъ по щекѣ. Всетаки его связали и объявили ему, что его повезутъ въ судъ. Тогда онъ сказалъ Ханыкову: «ты грозишь мнѣ судомъ, а я не боюсь его и за мной весь міръ пойдетъ туда же поголовно». Дѣло это кончилось тѣмъ, что Силину дали 50 ударовъ розгами и потомъ отпустили на волю *).

Подъ вліяніемъ слуховъ о волѣ нѣкоторые Тамбовскіе крестьяне собрались переселяться на какія-то новыя земли. Однажды крестьянинъ Тарасовъ пришелъ въ Ново-Николаевское волостное правленіе (Козловскаго уѣзда) и съ угрозою сталъ требовать у старшины царскаго указа о переселеніи бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ цѣлыми деревнями въ любыя губерніи. «Въ селѣ Трубетчинѣ,—говорилъ онъ,—попъ прочиталъ уже этотъ указъ всему народу».

Нѣкоторые предупредительные Тамбовскіе помѣщики въ ожиданіи крестьянской воли начали продавать своихъ крѣпостныхъ *на своз*ъ. Покупателями у нихъ могли быть, разумѣется, только такіе дворяне, которые положительно не вѣрили въ законность и возможность великой реформы... Въ 1860 году Елатомскій помѣщикъ Ярышкинъ продалъ своихъ крестьянъ села Виряева нѣкоему Королькову. Такъ какъ Виряевцамъ приходилось переселяться въ Нижегородскую губернію, а они между тѣмъ со дня на день ждали царской освободительной грамоты, то всѣ и разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ съ малыми дѣтьми и стариками, съ своею убогою рухлядью и скотиною. Въ лѣсныхъ трущо-

*) Арх. Тамб. окруж. суда, № 940-й.

бахъ Виряевскіе крестьяне пробыли недолго, голодъ вернулъ ихъ домой. Тогда полиція силою хотѣла переселить ихъ къ новому помѣщику, но они снова въ полномъ составѣ своемъ убѣжали и уже въ лѣсахъ и оврагахъ Елатомскіе полицейскіе чины ловили ихъ и потомъ препровождали въ уѣздный острогъ *).

Въ имѣніи Осипова, Козловскаго уѣзда, неповиновеніе помѣщичьей власти оказали однѣ женщины. Розданный имъ для обработки господскій ленъ онѣ побросали въ воду и при этомъ шумѣли: «не хотимъ работать на барина, мы теперь вольныя».

Въ селѣ Русскомъ, Тамбовскаго уѣзда, крестьянъ волновалъ солдатъ Бойкинъ, по своему разъясняя имъ крестьянскія права. Результатомъ этого было то, что крестьяне начали грубить своему управляющему Юревичу. Юревичъ, какъ человѣкъ благоразумный и осторожный, собралъ сходъ и сказалъ всему сельскому міру: «давайте, братцы, потолкуемъ, какъ намъ по прежнему жить въ мирѣ и согласіи». Въ отвѣтъ на это изъ толпы послышались такія слова: «не хотимъ жить по прежнему, давай намъ лѣсу, сколько хотимъ, давай намъ овса и сѣна и не неволь работой».

Въ селѣ Бокинѣ крестьяне отказались повиноваться своей помѣщицѣ Воейковой. Такое рѣшеніе было высказано ими на мірскомъ сходѣ. «Слушайте, православные,—говорилъ на міру крестьянинъ Ефимовъ,—уставной грамоты мы не хотимъ, на сорокадневную работу и девятирублевый оброкъ нейдемъ, а на будущій годъ будемъ ждать новой царской воли». Въ село Бокино вытребована была военная команда. Зачинщиковъ схватили и приготовились сѣчь. Тогда остальные Бокинскіе крестьяне, всѣ до одного, раздѣлись и потребовали, чтобы и ихъ сѣкли. «Если ужъ сѣчь,—говорили они,—такъ сѣчь всѣхъ» **).

*) Арх. Тамб. окруж. суда, № 1211.

**) Арх. Тамб. окруж. суда, № 2551-й.

Былъ и такой случай. Помѣщикъ Муратовскій требовалъ съ своихъ крестьянъ оброкъ. Тогда крестьяне Чуровъ и Назаровъ вышли впередъ и сказали съ усмѣшкой: «какой теперь, баринъ, оброкъ; подожди—можетъ на слѣдующей недѣлѣ будущаго года и отдадимъ». Съ этими словами всѣ крестьяне одинъ по одному пошли по домамъ.

Подобные безпорядки поддерживались въ нѣкоторыхъ Тамбовскихъ имѣніяхъ самими помѣщиками и ихъ управляющими.

«Въ имѣніи г. Сатина,—писалъ генералъ Винценгероде,—управляющій старается внушить крестьянамъ, что онъ въ силахъ заставить ихъ работать не два года, а пять и болѣе лѣтъ, и тѣмъ вселяетъ въ нихъ нерасположеніе и недовѣріе къ помѣщикамъ».

«У помѣщика Итверсена,—писалъ тотъ же Винценгероде,—съ крестьянъ собраны были подушныя деньги и опять потребованы. Въ имѣніи Шуваловой крестьяне кромѣ 25-ти рублеваго оброка отбываютъ стѣснительную работу. У г. Циммермана крѣпостные работаютъ даже на Пасху. А у г. Лихарева на барщину гоняютъ и малыхъ ребятъ».

Въ обширныхъ владѣніяхъ князя Меньшикова управляющій Міодушевскій не давалъ крестьянамъ полнаго надѣла и отрѣзывалъ у нихъ въ паровыхъ поляхъ по нѣскольку саженъ у каждаго. Къ счастію, за крестьянъ знатнаго барина энергически вступился мировой посредникъ Л. В. Вышеславцевъ, вызвалъ Міодушевскаго къ губернатору Данзасу и покончилъ дѣло полнымъ удовлетвореніемъ крестьянъ, не смотря на то, что названный нами управляющій нерѣдко толковалъ всѣмъ крѣпостнымъ своего господина: «что мнѣ вашъ мировой посредникъ, что хочу, то и дѣлаю».

Крестьянскіе безпорядки нерѣдко выражались въ самыхъ грубыхъ формахъ. Такъ, въ имѣніяхъ Воейкова и Венедиктова крестьяне выражали недоброжелательство своимъ помѣщикамъ тѣмъ, что по ночамъ выбивали въ

ихъ домахъ стекла. Но особенно часто крестьянскія волненія проявлялись въ томъ, что дворовые и тяглые начали истреблять и похищать барское имущество: рубили лѣсъ, производили потраву луговъ, ломали замки у господскихъ амбаровъ и овиновъ и вывозили оттуда хлѣбъ въ собственные закрома, а иногда отбирали въ свою пользу барскій скотъ и птицу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наивная вольница основывалась на слѣдующемъ мнимо законномъ принципѣ: «теперь все наше, а не барское—потому царь землю намъ отдалъ».

Расхищеніе помѣщичьяго имущества мѣстами принимало довольно значительные размѣры. Такъ, въ дачахъ помѣщицы Эйхлеръ, Темниковскаго уѣзда, крестьяне вырубили около 3 тысячъ деревьевъ. Того же уѣзда у помѣщика Никифорова полѣсовщикъ Аверьяновъ сжегъ 50 десятинъ лѣсу. Когда начался лѣсной пожаръ и къ Аверьянову прибѣжали сказать объ этомъ, онъ отвѣчалъ: «знаю и безъ васъ, что лѣсъ горитъ, ну и пусть себѣ горитъ съ самими хозяевами» *).

А въ селѣ Салтыковыхъ Бутахъ, въ имѣніи князя Гагарина, крестьяне вырубили барскій лѣсъ и послѣ того заявили Спасской полиціи, что всѣ они поголовно хотятъ записаться въ казаки.

Съ особенною силою крестьянскіе безпорядки обнаружились въ слѣдующихъ имѣніяхъ Тамбовской губерніи: въ Козловскихъ имѣніяхъ Черкасова, Рахманова, Григорьевой и Верещагиной; въ Тамбовскомъ уѣздѣ—у Рагозы и Урнижевскаго; въ Шацкомъ—у Арнольди, Мосолова и Енгалычевой; въ Елатомскомъ—у Чубарова, Москатиньева, Холопова и Никифорова; въ Лебедянскомъ—у помѣщика Арсеньева; въ Усманскомъ—у Баранова; въ Темниковскомъ—у Веденяпина и у Муханова; въ Кирсановскомъ—у Лескенъ и Андреевскаго и въ Моршанскомъ—у Безобразова. При этомъ нѣкоторые крестьяне до такой

*) Арх. Тамб. окруж. суда, № 2143-й.

степени увлекались, что принимались разбивать питейные дома и уничтожать изоляторы на телеграфныхъ столбахъ. *) Когда же въ одно имѣніе прибылъ для усмиренія крестьянъ генералъ-адъютантъ Яфимовичъ, то его не хотѣли признавать за генерала: «кто знаетъ,—говорили про него,—генералъ ли онъ, можетъ статься какой либо подговоренный управляющимъ имѣніемъ».

Всѣ Тамбовскія крестьянскія волненія отличались величайшею наивностію и, разумѣется, не представляли для губерніи никакой серьезной опасности и весьма скоро укрощались земскою полиціей, или же, чаще, мировыми посредниками, которые большею частію были у насъ люди образованные, честные, стоявшіе на высотѣ своего призванія. Случаи вмѣшательства въ крестьянскія дѣла военныхъ командъ въ Тамбовской губерніи были очень рѣдки и отличались характеромъ извѣстныхъ экзекуцій, послѣ которыхъ волненія и недоумѣнія обыкновенно совершенно прекращались. **) Не одинъ десятокъ архивныхъ связокъ, относящихся къ эпохѣ крестьянской реформы, разсмотрѣли мы и ни разу не встрѣтили фактовъ вооруженнаго сопротивленія Тамбовскихъ крестьянъ воинскимъ командамъ. Всѣ крестьянскіе бунты въ Тамбовской губерніи выражались обыкновенно такъ. Крестьяне упорствуютъ въ извѣстныхъ мнѣніяхъ и не слушаютъ земской полиціи и при этомъ думаютъ, что они правы и законъ на ихъ сторонѣ. Послѣ этого въ села и деревни приходятъ военныя команды, крестьянъ окружаютъ и сѣкутъ. Результатомъ этого сѣченія всегда было полное раскаяніе и повиновеніе со стороны крестьянъ, которые дѣлались *тише воды, ниже травы*. Причиною такого сравнительно

---

*) Въ числѣ арестованныхъ за крестьянскіе безпорядки оказались слѣдующія лица: семинаристъ Кринскій, дьяконъ Говоровъ, чиновники Баженовъ и Турчаниновъ и купецъ Ширяевъ.

**) Для усмиренія Тамбовскихъ крестьянъ въ 1861 году на военное положеніе поставлены были Казанскій, Азовскій и Углицкій полки и нѣсколько стрѣлковыхъ баталіоновъ.

мирнаго исхода Тамбовской крестьянской реформы было между прочимъ то, что въ описываемое нами время въ Тамбовской губерніи былъ весьма счастливый выборъ мировыхъ посредниковъ и жандармскихъ офицеровъ— людей безукоризненно честныхъ.

Заканчивая нашу рѣчь о Тамбовской реформѣ 1861 года, мы не можемъ не помянуть добрымъ словомъ Тамбовскаго губернатора К. К. Данзаса, при которомъ эта реформа осуществилась. Данзасъ отлично зналъ, въ какихъ уѣздахъ губерніи какіе помѣщики и какіе крестьяне. Вслѣдствіе этого онъ отдавалъ такія приказанія. Пріѣзжаетъ къ нему извѣстный дѣятель по крестьянской реформѣ и требуетъ инструкцій. «Пугните крестьянъ» — внушаетъ ему Данзасъ. Пріѣзжаетъ другой уѣздный дѣятель. «Пугните помѣщиковъ»,—совѣтуетъ Данзасъ. А третьему говоритъ: «не мѣшайтесь въ переговоры между помѣщиками и крестьянами: дѣло безъ васъ лучше устроится.» И всегда по этимъ совѣтамъ Данзаса крестьянскія и помѣщичьи недоразумѣнія оканчивались въ извѣстной степени благополучно.*)

Вслѣдъ за крестьянскою реформою благополучно прошли въ нашемъ краѣ и другія великія реформы прошлаго царствованія. Дотолѣ глухая губернія разомъ стала въ уровень съ лучшими русскими провинціями. *Дикое поле* Тамбовское явилось одною изъ самыхъ солидныхъ экономическихъ и нравственныхъ силъ Россійской имперіи, получивъ это значеніе многочисленностію своего народонаселенія, по преимуществу русскаго, и сравнительно широкимъ развитіемъ сельско-хозяйственной промышленности. Съ особенною силой мѣстная культура стала выражаться въ развитіи народныхъ школъ и въ подъемѣ разныхъ городскихъ училищъ. Какъ гражданинъ города Тамбова, пишущій эти строки съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тотъ знаменательный фактъ,

*) Ежедневн. Новое Время, 1880-й годъ, № 54-й.

что ни одинъ городъ во всей имперіи не тратитъ столько общественныхъ суммъ на училищное дѣло, какъ Тамбовъ...

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Тамбовской губерніи, именно въ городѣ Моршанскѣ, произошелъ знаменитый скопческій процессъ Платицына. Скопчество въ первый разъ съ особенною силою обнаружилось въ нашей губерніи еще въ 1812 году. Въ это время въ Моршанскѣ оскопились семейства купцовъ: Платицына, Попова, Кудинова и Загороднаго, за исключеніемъ жены послѣдняго Екатерины, которая и донесла объ этомъ происшествіи губернатору Нилову. «Ради самого Бога и пречистой его матери,—писала она, между прочимъ,—скройте имя доносчицы, да не останется въ потомкахъ нашего родства порочность на мнѣ несчастной, и не оставьте предписать городскому головѣ имѣть меня въ своемъ покровительствѣ.» Впечатлѣніе отъ этого событія было тѣмъ сильнѣе, что всѣ оскопившіеся Моршанскіе купцы были люди богатые и не жалѣли денегъ на распространеніе своего, по ихъ словамъ, *голубинаго* ученія. Но вѣроятно не одними деньгами вербовали они прозелитовъ въ свою мрачную секту. Была въ нихъ странная и непонятная сила убѣжденія. Поэтому ихъ рабски и добровольно слушались даже такіе люди, которые ничего уже не могли ждать отъ жизни, напримѣръ, колодникъ Моршанской тюрьмы, Михаилъ Ивановъ. Назадъ тому два мѣсяца,—объяснялъ онъ Моршанскому суду,—вздумалъ я оскопить себя для прекращенія плоти и вчера въ полночь, когда всѣ спали, найденнымъ въ канавкѣ ножомъ самъ себя порѣшилъ и отрѣзалъ ключи ада».*)

Дѣятельность Моршанскихъ сектантовъ съ особенною силой распространилась въ Моршанскомъ и Козловскомъ уѣздахъ, преимущественно въ селахъ: Стеж-

*) Арх. Губ. правл. № 66-й.

кахъ, Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ, Сосновкѣ и Крюковѣ. Нѣкоторые крестьяне, подъ вліяніемъ скопческихъ наставниковъ, цѣлыми семьями уродовали себя *царствія ради небеснаго,* пользуясь при этомъ обыкновенными тупыми ножами. Такъ поступили однодворцы: Фатѣй, Прокофій, Сазонъ, Илья и Савостьянъ Ефремовы. Послѣ операціи они сами же донесли на себя земскому суду. «И то мы сдѣлали.—писали они,—къ спасенію душъ нашихъ простыми ножами» Оскопивъ себя, фанатики тоже сдѣлали съ своими малыми дѣтьми. Двое изъ нихъ, Савостьянъ и Павелъ, сначала не давались операторамъ и отчаянно кричали, но отцы въ полѣ на работѣ чѣмъ-то опоили ихъ. Тогда они крѣпко заснули и проснулись уже невольными скопцами.

Дѣла о скопцахъ не возобновлялись администраціей до 30-хъ годовъ. Мирно *люди Божіи* совершали свои радѣнія, наружно исполняли православные обряды, отличались трезвою и скромною жизнью, ласково принимали въ домахъ своихъ православныхъ священниковъ, щедро расплачивались съ чинами земской полиціи и другими властями и вслѣдствіе строго организованной своей солидарности богатѣли.

Въ 1838 году началось *дѣло* купца Егора Иванова Платицына, извѣстнаго богача и главнаго наставника всѣхъ Тамбовскихъ скопцовъ. Предъ судомъ явился 70-ти лѣтній старикъ, увѣшанный медалями и на всю губернію прославленный щедрыми пожертвованіями и значительными частными благодѣяніями. Платицына оправдали. Между тѣмъ улики противъ него были такого положительнаго свойства, что только прежніе суды могли оставить ихъ безъ вниманія. Къ числу такихъ уликъ мы относимъ письмо Егора Платицына къ его племяннику Максиму Кузьмину Платицыну, герою извѣстнаго Моршанскаго процесса 1868 года.

«Поклонись отъ меня,—писалъ Егоръ Платицынъ,—комиссіонеру Шеметову, да благодари его за хлопоты по

дѣлу Аристова. Хотя я по слѣдствію и не доказанъ былъ, но ты самъ знаешь: я съ нимъ поддерживалъ нашу секту. А теперь меня тревожитъ уѣздный судъ на счетъ вновь открытыхъ скопцовъ-дѣвокъ, которыя живутъ въ Моршанскѣ у Кунавина. Всѣ онѣ оскоплены по нашему обряду, мною придуманному. Попроси освободить ихъ отъ суда, иначе всѣ мы пропали и нашей секты больше не будетъ въ Моршѣ».

Въ то же время Егоръ Платицынъ писалъ своему комиссіонеру Шеметову: «назадъ тому годъ окастрачены дѣвка Анисья, моя работница, Татьяна да Матрена. И я прошу васъ похлопочите за нихъ, когда дѣло будетъ у министра, а деньги возьмите у племянника, сколько вамъ будетъ нужно. Спасибо нашему стряпчему Григорію Васильевичу. Онъ меня и прочихъ освободилъ. Да смотри хлопочи—не жалѣй насъ».

Для формы сдѣлали обыскъ въ домѣ Егора Платицына. Нашлись и тамъ серьезныя улики противъ скопческаго начальника, а также и противъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, *нагрѣвавшихъ руки* около такой доходной статьи, какъ общество *бѣлыхъ голубей*. Такъ, въ письменномъ ящикѣ у Платицына оказалось письмо къ нему Тамбовскаго купца Мандрыкина съ слѣдующею припискою: «чиновникъ Борисовъ велѣлъ тебѣ прислать 1000 рублей и ты это письмо скрой на огнѣ». *)

Въ 1841 году Егоръ Ивановъ Платицынъ умеръ, передавъ свои капиталы и свое значеніе въ скопчествѣ Максиму Кузьмичу Платицыну. И опять началась подпольная работа и снова появились массы прозелитовъ дикаго ученія. Самъ Платицынъ болѣе и болѣе богатѣлъ, украшался золотыми медалями и орденами, строилъ церкви, съ гордостью носилъ пріютскій мундиръ, благодѣтельствовалъ чиновникамъ и втихомолку обдѣлывалъ свои дѣла, не пренебрегая при случаѣ и

*) Арх. губер. правл. № 46-й.

грубымъ насиліемъ. Такъ дѣло шло до конца 1868 года. Въ это время нѣкто чиновникъ Боголюбовъ, послѣ неоднократныхъ доносовъ на Платицына и его скопческую пропаганду, добился наконецъ до знаменитаго Платицынскаго процесса.

«Съ 1862 года,—писалъ Боголюбовъ,—началъ я подавать прошенія на высочайшее имя, но просьбы мои пропадали и все это было хлопоты Платицына. Сидѣлъ я по своему дѣлу 11 мѣсяцевъ въ острогѣ и въ это время Платицынъ оскоплялъ многихъ насильно и то дѣлалъ онъ, не боясь судей и начальниковъ по своему богатству».

24 декабря 1868 года въ домѣ Максима Платицына сдѣланъ былъ обыскъ. Моршанскій полицмейстеръ Тришатный и жандармскій офицеръ Шкотъ подошли къ Платицынскимъ воротамъ въ 8 часовъ вечера. Всѣ 5 домовъ скопческаго главы стояли на соборной площади, точно какіе нибудь редуты—мрачные и съ заложенными кирпичемъ окнами. Только въ одномъ деревянномъ флигелѣ, гдѣ жилъ самъ Максимъ Платицынъ, слабо свѣтился огонекъ. Слѣдователи начали громко стучать въ калитку и именемъ закона приказывали поскорѣе впустить ихъ. Тогда за стѣнами началась усиленная бѣготня, темныя фигуры за чѣмъ-то бѣгали по двору отъ дома къ дому и отъ подвала къ подвалу. Только въ 10 часовъ государственная полиція могла проникнуть въ аппартаменты Платицына, который въ это время лежалъ въ постели и протестовалъ, по адресу своихъ нежданныхъ гостей, во имя своего почетнаго гражданства, старости и медальныхъ украшеній. Старикъ—скопецъ, повидимому, былъ застигнутъ слѣдственною комиссіею врасплохъ и изображалъ изъ себя угнетенную невинность. Между тѣмъ правительственные планы извѣстны были ему давно, такъ какъ предупредительно и своевременно его увѣдомили обо всемъ нѣкоторые чиновники, которымъ эта измѣна служебному долгу была

не безвыгодна. А Моршанскій судебный слѣдователь, получивъ телеграмму о произведеніи немедленнаго обыска въ Платицынскомъ домѣ, къ удивленію всего города, сказался больнымъ, хотя въ здоровьи его никто не сомнѣвался. Правда, всѣ эти Моршанскіе дѣльцы, по распоряженію губернатора, были удалены отъ мѣстъ; но легка для нихъ была сытая ихъ отставка и долго на своихъ *лаврахъ стараго чиновничьяго режима* почивали они, тихонько подсмѣиваясь надъ оффиціальною суровостію губернской администраціи.

Окончательный обыскъ въ домѣ Платицына сдѣланъ былъ въ январѣ 1869 года. Въ это время нашли у него слѣдующія подозрительныя вещи: портретъ Петра III съ кружкомъ надъ головой, какъ изображаютъ это иконописцы на иконахъ, и съ сіяющими звѣздами. Надъ постелью Платицына нашли портреты Кондратія Селиванова и Александра Шилова. Тутъ же висѣла фотографическая карточка нѣкоей Анны Сафоновны—Сосновской крестьянки, которую скопцы величали Богородицею. Скопческая Богородица изображена въ видѣ простой деревенской женщины съ платкомъ на головѣ и груди и съ цвѣткомъ въ рукѣ.

Библіотека богатаго Моршанскаго коммерсанта оказалась въ самомъ скромномъ составѣ, именно въ видѣ календаря за 1840 годъ, при чемъ на поляхъ книжки слѣдователи прочитали такую подозрительную надпись Максима Платицына: «я дождусь трехъ государей и новаго словесника». А черезъ нѣсколько страницъ его же рукою на поляхъ написано: «мягкая постель оказалась подлѣющею; кажется—теперь намъ конецъ. А впрочемъ Курская партія въ 104 человѣка опрошена и оставлена пока безъ преслѣдованія».

Стали послѣ того опечатывать въ кладовыхъ сундуки съ деньгами и, къ общему удивленію, всего Платицынскаго капитала насчитали только 400,000 рублей. Куда же дѣвались несомнѣнно существовавшіе скопческіе мил-

ліоны—это и доселѣ неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, самъ Платицынъ заблаговременно помѣстилъ ихъ въ вѣрныя руки своихъ единовѣрцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые впослѣдствіи вдругъ и чрезвычайно разбогатѣли. По крайней мѣрѣ въ этомъ именно смыслѣ высказывались многіе свидѣтели по дѣлу Платицына и тоже писали слѣдователямъ неизвѣстные авторы въ анонимныхъ письмахъ. Наконецъ и доселѣ еще сохраняются у насъ преданія о томъ, какъ въ домахъ нѣкоторыхъ Моршанскихъ обывателей—скопцовъ въ дровяныхъ складахъ были находимы толстыя пачки серій и кредитныхъ билетовъ...

Всѣхъ подсудимыхъ въ Моршанскомъ процессѣ оказалось 40 человѣкъ. Изъ этого числа 9 женщинъ разнаго возраста жили въ Платицынскомъ домѣ на полномъ содержаніи. Всѣ эти фанатическія женщины, какъ это подтвердила медицинская экспертиза, подвергнуты были полному оскопленію, т. е. порчѣ грудей и половыхъ органовъ, и составляли *священную* свиту скопческаго наставника. Между тѣмъ самъ Платицынъ, какъ человѣкъ осторожный и дальновидный, не былъ оскопленъ и по видимому былъ ревностнымъ сыномъ православной церкви. Онъ аккуратно посѣщалъ церковныя службы, 30 лѣтъ ежегодно исповѣдывался и пріобщался и въ царскіе дни, украшенный многочисленными медалями и орденомъ и пріютскимъ мундиромъ, стоялъ въ соборѣ впереди народа, вмѣстѣ съ городскими властями, и *благоговѣйно* подходилъ ко кресту.

Самое тяжелое впечатлѣніе на слѣдователей по Платицынскому дѣлу произвело слѣдующее открытіе. Подъ домомъ Платицына нашли обширный и глухой подвалъ съ массивною и желѣзною дверью. Здѣсь производились вольныя и невольныя скопческія операціи. По словамъ Боголюбова, давшаго ходъ Платицынскому процессу,—*крику изъ того подвала было не слыхать, а умиравшихъ отъ неискуснаго рѣзанія хоронили тихонько по ночамъ тутъ же на дворѣ или въ подпольѣ.*

Максимъ Платицынъ упорно отказывался отъ всякаго участія въ скопческихъ радѣніяхъ и ереси. «Откуда всѣ улики явились,—говорилъ онъ,—не знаю. Женщинъ при себѣ держалъ я для домашней услуги, а что онѣ были оскоплены—не зналъ я. Портреты скопцовъ Селиванова и Шилова и иныя подобныя вещи какъ очутились у меня, тоже не помню и не знаю».

Платицынское дѣло повели, вслѣдствіе рѣшительныхъ приказаній изъ Петербурга, съ такою энергіею, что всѣ скопческіе капиталы оказались въ этомъ случаѣ безсильными. Самъ Платицынъ лишенъ былъ отличій и всѣхъ правъ и сосланъ на поселеніе въ восточную Сибирь. Той же участи подверглись и главные помощники скопческаго ересіарха.

Въ настоящее время Максима Платицына нѣтъ уже на свѣтѣ. Капиталы его куда-то исчезли, но скопчество въ Тамбовской губерніи, по своему алчущей и жаждущей правды, не исчезло еще и ждетъ оно разумной и доброй христіанской проповѣди, да болѣе нормальныхъ условій нашей общественной жизни, чтобы *сгинуть* и такимъ образомъ очистить русскую религіозно-народную жизнь отъ самыхъ мрачныхъ и фанатическихъ ея осложненій. Исчезнетъ съ лица земли Тамбовской скопчество, пропадутъ можетъ быть и иныя мѣстныя многочисленныя секты и явится бывшая наша *глушь* въ возможномъ разцвѣтѣ своей культуры...

Признаки этого желаннаго разцвѣтанія есть уже и теперь. Въ теченіе предпослѣдняго десятилѣтія нашъ край обогатился многими весьма полезными учебными заведеніями, въ которыхъ такъ нуждалась, нуждается и долго еще будетъ нуждаться вся наша Русь. Такимъ образомъ просвѣтительный свѣтъ быстро и широкою полосою сталъ проникать и въ нашу дотолѣ темную сторону... И ждемъ мы отъ своихъ скромныхъ повидимому, но могущественныхъ по существу училищныхъ реформъ новой эры нашей провинціальной жизни, пото-

му что, по нашему глубокому убѣжденію, корень высшей культуры всякаго народа заключается именно въ развитіи школы.

Къ сожалѣнію, доселѣ нашъ край слишкомъ бѣденъ въ литературномъ отношеніи. На всемъ обширномъ пространствѣ Тамбовской губерніи въ настоящемъ 1883 году имѣются только 3 мелкихъ изданія; между тѣмъ потребность въ мѣстныхъ органахъ печати ощущается всѣми весьма замѣтно и нельзя сказать, чтобы край нашъ въ настоящее время не имѣлъ достаточно силъ, способныхъ къ литературной работѣ... Но мы вѣримъ, что за развитіемъ училищнаго дѣла естественно явится у насъ и литература.

Здѣсь мы оканчиваемъ свою первую главу и переходимъ ко второй—о Тамбовской церкви.

II.

КЪ ИСТОРІИ ТАМБОВСКОЙ ЦЕРКВИ.

Въ началѣ русской исторіи Тамбовскій край стоялъ внѣ нашей государственной жизни. Въ нашихъ дебряхъ, пустошахъ и дикихъ поляхъ обитали языческія Финскія племена: Мордва и Мещера, Чудь, Меря, Весь, Мурома и Черемисы. Всѣ они занимались звѣроловствомъ и производили обширную торговлю мѣхами. Въ нашихъ лѣтописяхъ есть смутныя указанія на то, что наши аборигены не разъ подвергались опустошительнымъ набѣгамъ Печенѣговъ, Камскихъ Болгаръ и Половцевъ. Въ это время обильно проливалась кровь нашихъ предковъ, развивалось на всемъ своемъ просторѣ глубокое и разнообразное человѣческое горе и только давность и смутность историческихъ извѣстій скрываютъ отъ насъ наше прошлое... Когда явились первые русскіе колонисты въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи, намъ неизвѣстно. Первыя русскія лѣтописныя извѣстія о русскихъ городахъ въ нашемъ Мордовско-Мещерскомъ краѣ относятся къ XIII вѣку. Въ 1209 году въ городѣ Кадомѣ, принадлежавшемъ Рязанскому князю, убитъ былъ возмутившимися жителями тысяцкій Матвѣй Андреевичъ. Въ это время русскіе вели упорную борьбу съ Мордовскими самостоятельными князьями Пургасомъ и Перешомъ. Но скоро эта племенная враж-

да замолкла. Наступили тяжелые годы Монгольскаго нашествія. Описывая ихъ, Воскресенская лѣтопись говоритъ о нападеніи татаръ на владѣнія Липецкаго князя Святослава, укрывшагося въ Воронежскихъ лѣсахъ. Съ этого времени Тамбовскій край, въ которомъ началась уже усиленная русская колонизація, на долго сдѣлался *дикимъ полемъ*. Въ XIV вѣкѣ русскій митрополитъ Пименъ совершалъ черезъ наши степи извѣстное свое «хожденіе въ Царьградъ». Московскій святитель плылъ по Дону въ нынѣшнемъ Лебедянскомъ уѣздѣ и вотъ что сказано о нашихъ мѣстахъ въ его путевыхъ запискахъ: «сіе путное шествіе бысть печально и унылньиво, бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села».

Всѣ эти смутныя лѣтописныя сказанія представляютъ, конечно, слишкомъ слабый источникъ для мѣстной церковной исторіи, такъ что вопросъ о началѣ Тамбовской церкви является открытымъ. Несомнѣнно, что христіанство въ Тамбовскомъ краѣ явилось одновременно съ русскою колонизаціею. Но какъ оно постепенно развивалось—этого мы не знаемъ. Намъ извѣстно только то, что до второй половины XIII вѣка малочисленныя церкви нынѣшняго Тамбовскаго края принадлежали къ Черниговской эпархіи. Съ этого же времени южная часть Тамбовской губерніи отошла къ Сарской эпархіи, средняя,—къ Рязанской, Сѣверная—къ Ростовской и Муромской. Юная Тамбовская церковь, повидимому, имѣла сильное вліяніе на мѣстныхъ инородцевъ. Это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ половинѣ XIV вѣка въ нашемъ Мещерскомъ краѣ крестился владѣтельный татарскій князь Беклемишъ Ширинскій *со многими людьми*. А при великомъ князѣ Димитріи Донскомъ въ нашей мѣстности проживалъ крещенный Мордовскій князь Александръ Уковичъ, впослѣдствіи продавшій названному Московскому государю всѣ свои владѣнія.

Усиленное развитіе христіанства въ нашемъ отечествѣ всегда характеризовалось построеніемъ монастырей, которые въ прежнія времена имѣли несомнѣнное и громадное національно-религіозное значеніе. Поэтому весьма любопытно было бы знать, когда начались наши древнѣйшія Тамбовскія обители.

Сохранилось преданіе, что наша первая пустынь основана была при сынѣ Димитрія Донскаго Василіи 1-мъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Лебедянскій Троицкій монастырь. Основателемъ ея былъ разбойничій атаманъ Тяпка, а первымъ игуменомъ—нѣкто старецъ Петръ. У старца Петра былъ въ послушаніи какой-то русскій владѣтельный князь, за тяжкое преступленіе изгнанный великимъ княземъ изъ Московскихъ предѣловъ. Можно думать, что это былъ Смоленскій князь Юрій Святославичъ, убійца Вяземскаго князя Симеона Мстиславича и его супруги Юліаны...

Съ усиленіемъ христіанства въ мѣстномъ народонаселеніи увеличивалось количество монастырей, одинъ изъ которыхъ существуетъ и доселѣ. Это—Шацкій Николаевскій Черніевъ монастырь. Основанъ онъ въ 1573 году старцемъ Матѳеемъ на мѣстѣ одной ветхой церкви, *болѣе ста лѣтъ стоявшей безъ пѣтья...* Результатомъ этого было то, что многіе язычники изъ Мордвы, присматриваясь къ православной обрядности и прислушиваясь къ стройному монастырскому пѣнію, охотно и сами дѣлались православными. Самъ первый строитель Черніевой обители больше всей братіи занимался миссіонерствомъ.

Подговоромъ и лаdefault

Подговоромъ и лаской,—по словамъ старинныхъ актовъ,—*онъ пріобрѣлъ для православной церкви изъ Мордвы 25 человѣкъ.* Съ этого времени въ глухой Мордовско-Мещерской сторонѣ стали возникать сельскіе храмы, появилось подъ защитою *сторожевыхъ и оборонныхъ* властей русское духовенство и вслѣдствіе этого наши

инородцы все крѣпче и крѣпче притягивались къ Московской державѣ.

Во второй половинѣ XVII вѣка большинство Тамбовской Мордвы все-таки оставалось въ язычествѣ. Поэтому Рязанскій архіепископъ Мисаилъ, съ разрѣшенія патріарха Никона, принялъ на себя апостольскій трудъ христіанскаго просвѣщенія язычниковъ. Въ 1665 году, обративши въ христіанство болѣе 4500 душъ, преосвященный плылъ однажды изъ села Конобеева въ деревню Енбирную и въ это время, какъ мы сказали выше, убитъ былъ языческою Мордвою. Смерть доблестнаго архипастыря—миссіонера не устрашила, однако, его послѣдователей—учениковъ и Темниковскій священникъ Іоаннъ вмѣстѣ съ Краснослободскимъ священникомъ Іосифомъ дѣятельно и плодотворно проповѣдывали христіанство въ Мордовскихъ зохолустьяхъ. Но не всѣ Тамбовскіе миссіонеры дѣйствовали подобно имъ. Иные обращались къ содѣйствію свѣтской власти и силою крестили Мордву, или же сманивали ее на свою сторону подарками, выдавая новокрещенамъ по рублю, а женамъ ихъ по 50 коп. Въ это время подъячій Починковской конторы (Поташной) Василій Симоновъ представилъ духовному начальству слѣдующій проэктъ христіанскаго просвѣщенія Мордвы. «Надлежитъ устроить,—писалъ онъ,—близъ Мордовскихъ селъ школы для инородческихъ мальчиковъ, коихъ брать по одному съ 10 дворовъ. Учебники имъ раздавать даромъ: азбуки, часословы и псалтыри. Содержаніе училищъ возложить на Мордву и объ ихъ успѣхахъ 3 раза въ годъ доносить въ Москву».

Проэктъ Симонова не былъ принятъ и авторъ его сочтенъ былъ почему-то за человѣка *не въ полномъ умѣ*. Какъ бы то ни было, христіанство въ Мордовскомъ краѣ, вслѣдствіе усиленнаго притока русской колонизаціи, все усиливалось. Отъ этого къ концу XVII столѣтія край нашъ въ религіозномъ отношеніи на столько

обновился, что явилась наконецъ возможность основать самостоятельную Тамбовскую эпархію.

Тамбовская эпархія открыта въ февралѣ 1682 года повелѣніемъ царя Θеодора Алексѣевича и по благословенію святѣйшаго патріарха Іоакима. Первымъ Тамбовскимъ (и Козловскимъ) епископомъ былъ Леонтій, управлявшій эпархіею около трехъ лѣтъ. Служебная карьера нашего перваго архипастыря была весьма печальна: за раскольническія мнѣнія епископъ Леонтій былъ сосланъ въ Суздальскій Евфиміевъ монастырь. Что потомъ было съ нимъ, мы не знаемъ. По словамъ извѣстнаго Строева, Леонтій упоминается въ числѣ Суздальскихъ заточниковъ въ 1707 году. Вѣроятно, именно въ этомъ году онъ и умеръ.

Съ 15 февраля 1685 года и по 28 іюля 1698 года Тамбовской эпархіею управлялъ знаменитый Питиримъ, бывшій дотолѣ архимандритомъ Вяземскаго Предтечева монастыря. Мѣстное народонаселеніе сохраняетъ объ этомъ святителѣ благоговѣйную память и приникаетъ къ его гробницѣ съ особенною вѣрою и надеждою на ея прославленіе. Дѣйствительно, преосвященный Питиримъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ, трудолюбіемъ и простотою въ жизни. Онъ часто служилъ, нисколько не стѣсняясь бѣдностію современной ему Тамбовской церковной обстановки, или же становился на клиросѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ соборнымъ причтомъ. Съ особеннымъ усердіемъ прославленный нашъ владыка относился къ монашеской жизни, понимая ее въ духѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Памятниками его аскетически-идеальнаго направленія въ настоящее время служатъ Трегуляевъ, Предтечевъ и Вознесенскій женскій монастыри.

Въ то же время воздвигнутъ былъ имъ нижній этажъ Тамбовскаго Преображенскаго собора. Всѣ эти сооруженія нашего приснопамятнаго архипастыря, по крайней бѣдности каѳедры его, отличались скромностію раз-

мѣровъ и скудостію всѣхъ церковныхъ утварей. Самъ преосвященный, чуждый внѣшняго величія, служилъ литургіи въ тѣсномъ и убогомъ правомъ придѣлѣ Преображенскаго собора, такъ какъ у него не было средствъ окончить начатую имъ постройку. Еще и доселѣ сохраняется въ Тамбовской соборной ризницѣ фелонь Питирима, подложенная крашениною... Но бѣдный матеріально и совершенно неискательный епископъ Питиримъ обильно восполнялъ свою внѣшнюю нищету внутреннимъ и нравственнымъ богатствомъ и такимъ образомъ имя его является намъ въ ореолѣ апостольской славы...

Преемникомъ Питирима былъ у насъ епископъ Игнатій, бывшій архимандритъ Рязанскаго Солотчинскаго монастыря. Онъ управлялъ эпархіею только полгода и сосланъ былъ царемъ Петромъ въ Соловки на *вѣчное* житье. Причиною этого было то, что Игнатій былъ невнимателенъ къ извѣстнымъ царскимъ указамъ относительно церковныхъ имуществъ. 23 августа 1699 года его отлучили даже на Московскомъ соборѣ отъ церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ закрыли эпархію и подчинили ее Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Отсюда мы можемъ заключать, что *вины* нашего третьяго владыки были не малыя.

Вѣроятно, онъ былъ очень неостороженъ въ словахъ и рѣзко порицалъ внутреннюю политику Петра I-го, который какъ извѣстно, не любилъ шутить съ своими недоброжелателями и былъ къ нимъ тѣмъ строже, чѣмъ выше стояли они въ обществѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, въ этомъ случаѣ имѣло мѣсто и извѣстное пристрастіе Петра Алексѣевича къ религіозноскептическимъ вѣяніямъ запада... И такъ въ 1699 году Тамбовской эпархіи не стало. Наступило господство провинціальнаго духовнаго приказа. Въ сельскихъ захолустьяхъ по церковному вѣдомству выступили на первый планъ поповскіе старосты, заказчики и десятона-

чальники, вся дѣятельность которыхъ направлена была *къ сысканію* лжеучителей и суевѣровъ. «О таковыхъ,—говорится въ эпархіальной инструкціи 1714 года,—вамъ, поповкимъ старостамъ, изслѣдовать безъ всякаго упущенія и прикрывательства».

«Тебѣ старостѣ смотрѣть въ заказѣ своемъ,— сказано въ той же инструкціи,—чтобы причты въ высокоторжественные дни церковныя служенія отправляли безъ упущенія, а ежели кто того отправлять не будетъ, и тѣхъ высылать тебѣ въ духовный приказъ подъ караулъ».

Такимъ образомъ пастырская дѣятельность приняла въ началѣ прошлаго столѣтія характеръ фискально-полицейскій и это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на нашей всенародной жизни.

Въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны Тамбовская эпархія была возстановлена. Въ іюнѣ 1758 года къ намъ прибылъ епископъ Пахомій, оставившій по себѣ самую тяжелую память. Это былъ человѣкъ слишкомъ замѣтный по жестокости даже и въ тѣ суровыя времена.

Онъ былъ ласковъ только къ посторошнимъ людямъ, въ особенности къ помѣщикамъ. А для духовенства епископъ Пахомій былъ тѣмъ же, чѣмъ были въ его времена нѣкоторые суровые помѣщики для крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ сѣкъ священниковъ плетьми и заковывалъ ихъ въ ручные и ножные кандалы, а сыновей и дочерей ихъ нерѣдко дарилъ или продавалъ своимъ пріятелямъ.

Все это очень хорошо видѣла вся Тамбовская паства и, разумѣется, авторитетъ приходскаго духовенства, столь необходимый для правильной религіозно-нравственной жизни, все падалъ и падалъ. Отсюда, можетъ быть, объясняются и всѣ тѣ многочисленныя уклоненія отъ православія, которыми съ половины прошлаго столѣтія замѣтно отличается Тамбовская губернія... Въ самомъ дѣлѣ, могли-ли Тамбовскіе прихожане уважать своихъ

пастырей, когда они постоянно видѣли что ихъ подвергаютъ самымъ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ?...

Во времена епископа Пахомія по эпархіи разъѣзжали консисторскіе пристава. Они схватывали заподозрѣнныхъ въ чемъ либо священнослужителей, связывали ихъ и везли на судъ и расправу въ консисторію. Конечно, и это обстоятельство хорошо извѣстно было Тамбовскимъ обывателямъ...

За что же суровый Тамбовскій архипастырь такъ каралъ своихъ сослужителей? Можетъ быть за какіе нибудь пороки и преступленія по должности? Было и это. Но случалось и то, что епископъ Пахомій наказывалъ священниковъ плетьми, кандалами и консисторскою тюрьмою за какое нибудь неосторожное или неумѣлое слово. *)

Тягости Тамбовскаго духовенства въ описываемое нами время выражались, между прочимъ, въ томъ, что со всѣхъ ставленниковъ брали за посвященіе взятки, отъ 10 до 50-ти рублей съ человѣка, и ихъ же епископъ Пахомій заставлялъ работать на архіерейскомъ дворѣ: рыть канавы, возить лѣсъ и кирпичи, бить сваи и зимою возить снѣгъ. Нѣкоторые ставленники несли такую барщину лѣтъ по 5-ти.

Консисторскихъ чиновниковъ епископъ Пахомій заставлялъ приходить на службу въ 6-мъ часу утра и за опаздываніе подвергалъ ихъ жестокимъ побоямъ, иногда собственноручнымъ, сѣкъ плетьми и держалъ подъ крѣпкимъ карауломъ, *сковавъ ножными желѣзами*. Вслѣдствіе этого однажды произошелъ слѣдующій замѣчательный фактъ.

10-го ноября 1763 года въ Тамбовѣ была сильная буря. Шумъ отъ вѣтра былъ такой, что консисторскіе чиновники не слыхали звона къ заутрени. Поэтому канцеляристы Тарховъ и Александровъ опоздали на службу

---

*) Указъ Св. Синода отъ 6 ноябрч 1766 года.

и явились въ свою канцелярію въ 7 часовъ. Архіерейскіе шпіоны дали знать объ этомъ владыкѣ.

Тогда провинившихся канцеляристовъ немедленно потребовали къ Пахомію и высѣкли. Но этимъ наказаніе не ограничилось. Тархова и Александрова начали заковывать въ кандалы. Дюжіе канцеляристы стали отбиваться и произвели *ужасный крикъ*. Къ несчастію, этотъ крикъ былъ услышанъ въ консисторіи и вся канцелярія, измученная уже существующими порядками, ринулась въ архіерейскій домъ на выручку товарищей. Преосвященный Пахомій перепугался, окружилъ себя дворнею своего гостя помѣщика Девлеткильдѣева и приказалъ учинить *колоколенный набатъ*. На звонъ прибѣжали пѣвчіе, монастырскіе служки, консисторскіе члены съ архимандритомъ Никономъ во главѣ и многіе городскіе обыватели... Такимъ образомъ архипастырь былъ спасенъ, а его враговъ забрали въ провинціальную канцелярію *)...

Слухъ о дѣятельности Пахомія дошелъ наконецъ до св. синода и 14 ноября 1766-го года Тамбовская эпархія была избавлена отъ своего владыки. Епископъ Пахомій переведенъ былъ въ Устюгъ, а оттуда—въ Москву, въ Андроніевъ монастырь.

Памятниками Тамбовскаго архипастырства епископа Пахомія въ настоящее время служатъ большіе соборные и монастырскіе колокола, къ которымъ онъ имѣлъ исключительную внимательность. Повидимому, нашъ бывшій епископъ все величіе православія понималъ съ *колоколенной точки зрѣнія*. Таковъ онъ былъ и въ Москвѣ.

Послѣ Пахомія въ теченіе 20-ти лѣтъ Тамбовскою эпархіею управлялъ епископъ Ѳеодосій. Это былъ человѣкъ добрый, чуждый внѣшняго величія и для всѣхъ доступный. Когда онъ совершалъ свои эпархіальныя

---

*) Москов. арх. минист. юстиціи, № 265 (изъ дѣлъ бывшаго Тамбовскаго уѣзднаго суда).

поѣздки, то сельскіе причты и не думали приходить отъ этого въ обычный ужасъ. Напротивъ, они съ радостію встрѣчали своего архипастыря, ожидая отъ него апостольскаго наставленія и утѣшенія; и не напрасны были ихъ упованія.

Преосвященный Ѳеодосій обыкновенно ѣздилъ по эпархіи въ простой кибиткѣ, крытой рогожею. Одѣвался онъ очень просто, поклоненій не любилъ и при всякомъ случаѣ старался отличить передъ прихожанами сельскихъ пастырей. Если въ извѣстномъ селѣ проживалъ богатый помѣщикъ, то Ѳеодосій, путешествуя по эпархіи, заѣзжалъ не въ барскія палаты, а въ убогую хату сельскаго священника. Въ этомъ случаѣ нашъ архипастырь дѣйствовалъ по принципу, достойному полнаго сочувствія. Онъ считалъ самыми близкими къ себѣ людьми своихъ сослуживцевъ и, разумѣется, эпархіальная дисциплина отъ этого нисколько не страдала. Правда, Ѳеодосія не любили мѣстные дворяне, стремившіеся къ произволу относительно сельскихъ причтовъ, но въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ только новый поводъ къ заявленію того факта, что описываемый нами епископъ былъ истиннымъ архипастыремъ, дѣйствовавшимъ въ духѣ апостольскаго служенія.

Особенную любовь свою къ Тамбовскому духовенству преосвященный Ѳеодосій выразилъ по поводу *церковнаго разбора*, бывшаго въ концѣ 60-хъ годовъ. Зная тяжелую солдатскую долю, онъ всячески и рискуя собственнымъ благосостояніемъ спасалъ Тамбовскихъ церковниковъ отъ солдатчины. Все это не укрылось отъ мѣстныхъ свѣтскихъ властей, которыя въ своихъ интересахъ поспѣшили донести объ этомъ въ Петербургъ и вотъ въ 1770 году нашъ добрый архипастырь .обвиненъ былъ *св. синодомъ* въ разныхъ *непорядочныхъ поступкахъ*.

«Вы,—писали Ѳеодосію слишкомъ угодливые синодскіе члены,—находящихся при церквахъ сверхъ указан-

наго положенія дьячковъ, пономарей и сторожей къ разбору не отослали и въ томъ разборѣ остановку и помѣшательство причинили и за полученіемъ уже указа о взятьѣ всѣхъ таковыхъ въ военную службу на другія праздныя мѣста ихъ опредѣляли».

Тогда Тамбовскій воевода Черкасовъ и маіоръ Еропкинъ стали настойчиво требовать у преосвященнаго, чтобы онъ немедленно выслалъ всѣхъ церковниковъ въ воеводскую канцелярію къ окончательному разбору. Но епископъ Өеодосій не отступалъ отъ своей политики и *отъ той посылки удержался, извиняясь, будто требуемые церковники давно находятся при церквахъ и онъ не смѣетъ ихъ трогать безъ особаго синодскаго указа.*

Пока шла по этому поводу переписка, церковники поспѣшно опредѣлялись къ приходскимъ мѣстамъ. Изъ нихъ 24 человѣка посвящены были во священники и діаконы.

Укрывая молодыхъ, Өеодосій часто посылалъ къ разбору старыхъ церковниковъ и дьячковъ. «И тѣ дьячки,—отписывались провинціальные чиновники,—за старостію и болѣзньми и за неспособностію быть въ военной службѣ не могутъ и съ того разбору прислано ихъ до 70-ти человѣкъ обратно».

Козловскаго уѣзда села Карай поповъ сынъ Василій Алексѣевъ принятъ былъ въ военную службу и бѣжалъ оттуда къ своему архіерею. И епископъ Өеодосій, жалѣя его, посвятилъ его немедленно во діаконы.

Это обстоятельство не укрылось отъ зоркихъ свѣтскихъ властей и Тамбовскому архипастырю пришлось оправдываться. «Тотъ Василій Алексѣевъ,—писалъ онъ,—въ ставленнической школѣ догматовъ вѣры и прочаго изучился и оказался добронравнымъ и у престарѣлаго отца своего онъ единая надежда».

Но вовремена Екатерины II-й, когда такъ наз. вольтерьянское направленіе было въ полномъ ходу, всего менѣе можно было разсчитывать на церковный авто-

ритетъ и потому ходатайства епископа Θеодосія были безсильными. По распоряженію высшаго правительства, діакона Василія Алексѣева лишили сана и взяли въ военную службу. Въ то же время всѣхъ дьячковъ, церковниковъ и сторожей, *которые укрыты были отъ разбора,* отрѣшили отъ мѣстъ и представили въ воеводскую канцелярію *для укомплектованія арміи.*

Съ этого времени для нашего владыки начинаются тяжелыя испытанія. Нашлись противъ него клеветники (пономари Тарасовъ и Никифоровъ), которые за его же самоотверженіе писали на него такіе доносы: «преосвященный де за укрывательство церковниковъ бралъ великія взятки, рублей до 70-ти». Эта ложь направлена была противъ того архипастыря, у котораго по смерти осталось самое нищенское имущество: нѣсколько бѣдныхъ рясъ, четокъ, духовныхъ книгъ, икона Богородицы и 100 рублей денегъ. Икона преосвященнаго Θеодосія хранится теперь въ кафедральномъ соборѣ у сѣверныхъ вратъ. Однако клеветниковъ выслушали благосклонно и въ награду за доносъ освободили ихъ отъ военной службы, а преосвященнаго Θеодосія отдали подъ судъ комиссіи свѣтскихъ и духовныхъ *персонъ,* съ устраненіемъ отъ дѣлъ.

9-го февраля 1770 года его устранили отъ управленія эпархіею и вызвали въ Воронежъ. Напрасно епископъ просилъ у Синода *милостиваго благоразсмотрѣнія и защищенія.*

Защиты не было, и кажется—не могло быть, потому что врагомъ Θеодосія было такое сильное лицо, какъ Воронежскій губернаторъ генералъ-маіоръ Масловъ.

Замѣчательно, какъ эпархія отнеслась къ факту удаленія отъ эпархіальнаго управленія своего пострадавшаго епископа. «Архіерейскаго дому служители,—жаловался Θеодосій,—пѣвчіе и священнослужители не чинятъ мнѣ послушанія и въ отправленіи божественной

службы бываетъ остановка и великіе непорядки». Съ особенною рѣзкостію оскорблялъ преосвященнаго Трегуляевскій игуменъ Іеронимъ. Онъ, въ присутствіи самого Θеодосія, называлъ его домъ чертовымъ домомъ, а его самаго—*ярыжнымъ и озорническимъ полуименемъ.* Такія *досадительныя рѣчи* произносились съ *шумомъ и крикомъ.*

Въ Воронежъ на судъ звали и членовъ консисторіи съ секретаремъ, но великодушный архипастырь всю вину бралъ на себя и ходатайствовалъ передъ синодомъ, чтобы кромѣ его болѣе никого не отправляли въ Воронежъ.

Въ 1773 году епископъ Θеодосій былъ всемилостивѣйше прощенъ и возвратился въ Тамбовъ, гдѣ въ концѣ 1786-го года и окончилъ свое святительское поприще. *)

Въ 1779-мъ году въ жизни Тамбовскаго духовенства совершилось весьма скромное повидимому и весьма важное по существу дѣло. Это—открытіе духовной семинаріи. Такимъ образомъ прежнія ставленническія школы, ограничивавшіяся одною грамотою и *церковнымъ уставомъ*, смѣнились у насъ правильно организованною школою, съ латынью во главѣ учебной программы. Семинарія первоначально открыта была въ Нижне-Ломовскомъ монастырѣ. Между тѣмъ въ Тамбовѣ по возможности поспѣшно возводились семинарскія зданія.

Бытъ Тамбовской семинаріи на первыхъ порахъ поражаетъ своимъ нищенствомъ. На зданія, содержаніе служащихъ и на бѣдныхъ учениковъ ежегодно, до царствованія императора Павла, отпускалось только по 2000 рублей. Ректоръ семинаріи архимандритъ Іоанникій получалъ въ годъ 150 рублей. Учителя получали еще меньше—иные по 20 рублей въ годъ. Классы были безъ мебели и безъ книгъ. Главное семи-

*) Синодальн. указы 1773 года, стр. 63-я.

нарское зданіе долго окружено было мусоромъ и крыто было драныо. Къ довершенію бѣды, Тамбовская эпархія не могла доставить семинаріи ни одного учителя. Тогда по неволѣ пришлось обратиться къ помощи Рязанскаго епископа Симона и уже изъ Рязани прибыли къ намъ наши первые семинарскіе учителя. Послѣ этого эпархіальная администрація должна была озаботиться *наборомъ* учениковъ. Дѣло это было нелегкое, потому что охотниковъ учиться не было, да и сами родители по своему повальному невѣжеству упорно укрывали дѣтей своихъ и не посылали ихъ въ семинарію. Однако, нужно было открывать классы и вотъ въ эпархію командированы были консисторскіе сторожа *для взятья церковниковъ въ науку*. При этомъ противъ упорныхъ родителей пущены были въ ходъ денежные штрафы и только такимъ образомъ учебное дѣло понемногу пошло впередъ. Правда, многіе ученики сидѣли въ одномъ классѣ по 6-ти лѣтъ, обростали бородами въ какой нибудь инфимѣ, жаловались потомъ на *урослость и крайнюю къ наукамъ неспособность* и просились на дьячковскія мѣста, лишь бы избѣжать ненавистной школьной премудрости. То было время, когда Тамбовскіе семинаристы славились физическою силою и безшабашною удалью, проявлявшеюся въ кулачныхъ бояхъ.

Но хорошо было уже и то, что школьная жизнь въ средѣ Тамбовскаго духовенства начиналась... *)

При такихъ условіяхъ наша религіозно-нравственная жизнь въ прошломъ столѣтіи отличалась почти совершенною безпомощностію, потому что приходскіе пастыри бездѣйствовали или по умственному безсилію, или по безсилію воли, ослабленной иноземными вѣяніями. Отъ этого народно-религіозная мысль нерѣдко шла у насъ своими путями и выражалась въ разнообразныхъ сектахъ, въ особенности въ духоборствѣ, молоканствѣ и скоп-

*) Архивъ Тамб. духовной консист. № 671-й за 1796-й годъ.

чествѣ. Болѣе всего поражаетъ насъ пастырская бездѣятельность сельскихъ священниковъ, которые нисколько не отличались отъ массы сѣраго люда. Въ этомъ случаѣ духовенство наше платило дань своему вѣку, блестящему, но крайне легкомысленному. Заимствовали мы у западной Европы ассамблеи и куртаги, нарядились въ нѣмецкіе кафтаны и заговорили на иноземныхъ нарѣчіяхъ, плохо разумѣя свою родную рѣчь, а историческаго смысла западной жизни мы все-таки не поняли и усвоили однѣ только показныя ея стороны. Отъ этого стремились мы къ политическому или военному господству въ Европѣ, часто и не въ мѣру любезничая въ то же время съ западными народами или же потѣшая ихъ своимъ призрачнымъ рыцарствомъ, между тѣмъ какъ внутренняя жизнь наша все болѣе и болѣе коснѣла въ мрачномъ застоѣ. Этотъ застой, между прочимъ, весьма рѣзко выражался, какъ мы сказали уже, въ бытѣ приходскаго духовенства, въ среду котораго въ прошломъ столѣтіи часто допускались люди малограмотные.

Въ 1787 году дьячекъ Иванъ Ефимовъ подалъ прошеніе епископу Ѳеодосію, ходатайствуя о священническомъ мѣстѣ въ селѣ Челнавскомъ острожкѣ. Архіерей велѣлъ испытать просителя. Послѣ испытанія произведеннаго эпархіальнымъ проповѣдникомъ Ивановымъ, оказалось что, *дьячекъ Ефимовъ читаетъ невнятно и безъ пристойнаго произношенія.* О какихъ нибудь научныхъ знаніяхъ, разумѣется, и рѣчи не могло быть. Тѣмъ не менѣе испытаніе признано удовлетворительнымъ. Только для *вящаго наученія* ново-рукоположенному священнику Ефимову консисторія выдала *катихизическую книжицу, по которой оный Ефимовъ долженъ былъ выучивать наизусть вопросы и отвѣты и научиться внятному и пристойному чтенію.*

Священникъ Ефимовъ по рукоположеніи отправился въ приходъ; тамъ ожидали его многочисленныя требы, службы и домашнее хозяйство. Времени на проч-

теніе книжицы такъ и не нашелъ онъ до самой смерти и умеръ священникъ Ефимовъ, далеко не единственный въ своемъ родѣ, полуграмотнымъ человѣкомъ. *) Спрашивается: могъ ли такой темный человѣкъ быть руководителемъ приходско-религіозной жизни? А между тѣмъ въ приходѣ у него было не мало крестьянъ—начетчиковъ и нѣкоторые изъ нихъ по-своему были довольно образованы, какъ это видно изъ слѣдующаго оригинально-краснорѣчиваго прошенія однодворца Панферова, скрытаго молокана, къ Тамбовскому епископу о разводѣ: «узы родства и семейной связи влекутъ меня во дно адово и дабы буря отчаянія не потопила слабое естество мое, погружаемое въ столь ужасной бездиѣ, прострите, ваше преосвященство, руку помощи и расторгните пагубныя узы, чтобы умъ и сердце могли болѣе и болѣе питаться свѣтомъ истины Христовой». **)

Въ то же время другой однодворецъ села Челнавскаго острожка Кожевниковъ писалъ правителю намѣстничества такую просьбу: «да возвысится десница твоя, не забуди убогихъ твоихъ до конца. Пролей взоръ твой на меня, ибо я стократно готовилъ себя повергнуть къ стопамъ вашего превосходительства, но робость духа стезю спасенія моего заграждала и уже отчаянность вопіетъ Богу и тебѣ: позвольте мнѣ бѣдному чрезъ воздухъ склониться передъ вами...»

Передъ такими-то доморощенными ораторами наше духовенство оказывалось умственно безсильнымъ. Научную скудость свою оно могло бы еще хоть отчасти восполнить нравственною жизнію, но, къ несчастію, и этого не было. Большинство нашихъ пастырей часто служило соблазномъ для прихожанъ и такимъ образомъ вызывало противъ себя массу простонародныхъ паскви-

---

*) Архивъ духовн. консист. № 11.

**) Архивъ дух. консист., № 458.

лей, болѣе или менѣе нецензурнаго характера. Составленіемъ и распространеніемъ этихъ странныхъ литературныхъ опытовъ занимались у насъ въ прошломъ столѣтіи и люди привиллегированные. Въ *дѣлахъ* Шацкой провинціальной канцеляріи за 1769-й годъ намъ попался слѣдующій курьезный документъ.

«Указъ Ея Величества изъ государственной военной *коллегіи* Шацкой провинціальной канцеляріи. Тетрадь о курѣ.

Настоящаго сего вѣка у нѣкоего небогатаго человѣка куръ со многими женами, яко же обычно, живяше и во единъ отъ дней едина курица, спадъ съ нашести, нимало же вздохнула; куръ же отъ тоя незапныя смерти ужасеся и воспомянувъ смерть отъ страха потрясеся и въ той печали, изшедъ на улицу погуляти, како бы хотя малую отраду приняти, умомъ размышляше и тако отъ сердца воздыхаше и грѣхи своя поминая пріиде въ дубраву себѣ мѣсто осмотрѣти, гдѣ бы ему возможно было пожити въ постѣ и молитвѣ и тако отъ грѣховъ и соблазновъ избыти и женскихъ лицъ не точію видѣти, но и слышати. И бѣ дубрава доброгласная и возлетѣ куръ на едино отъ древъ и пожихъ тамо даже до скончанія дней своихъ». *)

Отъ словъ Тамбовскіе прихожане часто переходили къ дѣлу. Сплошь и рядомъ лицъ духовнаго званія подвергали у насъ самымъ грубымъ оскорбленіямъ, травили собаками, *немилостиво* били, изысканно бранили, принимали въ домахъ наравнѣ съ простонародьемъ и капризно перегоняли изъ прихода въ приходъ. На этомъ поприщѣ особенно отличались помѣщики, изъ которыхъ какой нибудь бѣдный отставной сержантъ или копіистъ считалъ себя неизмѣримо выше всякаго приходскаго священника. Чаще всего личныя оскорбленія доста-

*) Архивъ Шацкой провинц. канцел. № 6.

вались на долю бѣлаго духовенства, но и монахи не спасались отъ побоевъ.

Въ 1759 году Рязанскій архимандритъ Сергій, монастырскія вотчины котораго находились въ Шацкой провинціи, принесъ такую жалобу Шацкому воеводѣ: «сборщикъ денежной казны капралъ Арефьевъ съ 7-ю солдатами напалъ на наши вотчины и билъ монаховъ палочьемъ смертнымъ боемъ напрасно и проломилъ имъ головы, отъ чего они едва живы; и тѣ побои бываютъ отъ взятокъ и приводятъ насъ въ разореніе».

Шацкій воевода по этой жалобѣ сталъ производить дознаніе. Однако Арефьевъ упорно твердилъ, что онъ невиновенъ. Онъ оправдывался такъ: «тѣхъ монастырскихъ людей, точно, билъ я, но токмо три раза...» *)

23 декабря 1786 года преосвященный Θеодосій скончался и съ честію похороненъ былъ губернаторомъ Державинымъ у сѣверной стѣны кафедральнаго собора. Полузабытая гробница его и теперь находится тамъ же, деревянная и прикрытая ветхимъ покровомъ, и наводитъ насъ эта убогая святительская усыпальница на слѣдующій вопросъ: отъ чего—это у насъ такъ скоро забываютъ скромныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей?

По смерти Θеодосія Тамбовскими епископами преемственно были Θеофилъ и Іона. Оба они составляютъ славу и украшеніе мѣстной церковной исторіи и во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ числу лучшихъ русскихъ епископовъ послѣ-петровскаго періода. Первый отличался неутомимою дѣятельностію и энергическимъ преслѣдованіемъ всевозможныхъ эпархіальныхъ безпорядковъ, а второй, бывшій впослѣдствіи экзархомъ Грузіи и членомъ св. синода, уступая Θеофилу въ энергіи и административныхъ способностяхъ, превосходилъ его гуманностію въ отношеніяхъ къ эпархіи и такимъ образомъ былъ по преимуществу носителемъ самыхъ существенныхъ свойствъ христіанства.

*) Архивъ Шацк. провинц. канцел. № 1184.

Епископъ Ѳеофилъ вступилъ въ управленіе Тамбовской эпархіею въ маѣ 1788 года. Причты передъ его пріѣздомъ были въ полномъ разстройствѣ. Бѣдность ихъ доходила до того, что священники ходили по приходу въ лаптяхъ, полушубкахъ и посконныхъ рубахахъ и только не многіе изъ нихъ имѣли возможность въ торжественные дни надѣвать нанковыя или люстриновыя рясы. Жили они въ простыхъ избахъ и въ бытовомъ отношеніи почти вовсе не отличались отъ бѣднаго и темнаго крестьянства. Въ страдную пору обливался чуть не кровавымъ потомъ русскій пахарь; ту же участь испытывали и пастыри русскаго народа, добывая скудный насущный хлѣбъ, потому что въ противномъ случаѣ этого хлѣба они не имѣли бы отъ своихъ въ большинствѣ слишкомъ бѣдныхъ прихожанъ...

Немедленно по прибытіи въ Тамбовъ Ѳеофилъ занялся внѣшнимъ устройствомъ своей эпархіи. Онъ началъ собирать пожертвованія съ разныхъ благотворителей, дополняя въ то же время эпархіальную кассу многочисленными штрафами съ провинившихся священноцерковнослужителей. Результатомъ этихъ финансовыхъ операцій было то, что почти всѣ храмы г. Тамбова, въ особенности Казанскій монастырь, стали неузнаваемы. Въ то же время быстро начали строить зданія духовной семинаріи, къ которой незабвенный Ѳеофилъ относился съ истинно отеческою любовію. Тамбовскіе обыватели не рѣдко видѣли своего архипастыря на верхнихъ подмосткахъ строившихся эпархіальныхъ зданій и такимъ образомъ всѣмъ была очевидна образцовая хозяйственность практика—владыки.

Заботясь о благообразіи духовныхъ лицъ своей эпархіи, Ѳеофилъ издалъ строгій приказъ, чтобы священники и діаконы обязательно одѣвались въ рясы и отнюдь не носили лаптей. «Ежели кто изъ священнослужителей,—писалъ онъ однажды,—ряски не имѣющимъ окажется, то приказываю изъ дохода сдѣлать ему пристойную

ряску изъ сукна синяго или вишневаго, а ежели въ томъ кто поупрямится, то таковыхъ, отрѣшивъ отъ мѣста, высылать въ консисторію для представленія намъ». *)

Знало Тамбовское духовенство своего энергическаго архипастыря и торопилось исполнить его волю. А не исполнить этой воли было страшно: Θеофилъ каралъ ослушниковъ и монастырскимъ подначальствомъ, и тюремнымъ сидѣніемъ при консисторіи, и штрафами, и изрѣдка батогами.

Убѣжденный въ необходимости служебной дисциплины, епископъ Θеофилъ требовалъ, чтобы клирики слушались своихъ священниковъ. Между тѣмъ многіе дьячки и пономари оказывали своимъ настоятелямъ явное неповиновеніе. Таковыхъ ослушниковъ Тамбовскій владыка приказывалъ наказывать, не вызывая въ консисторію, что видно изъ слѣдующей его резолюціи: «дьячка Никиту Васильева за неповиновеніе настоятелю при всѣхъ церковникахъ въ страхъ имъ подлѣ церкви наказать лозкою».**)

За одно свойство Тамбовское духовенство особенно любило своего владыку—за то, что онъ не давалъ своихъ подчиненныхъ въ обиду и вступался за нихъ со всею силою архіерейскихъ полномочій. Нечего говорить о томъ, что нашему униженному духовенству такая помощь была весьма кстати.

Горячо относясь къ интересамъ богословской науки, Θеофилъ всегда покровительствовалъ *ученымъ* священникамъ, неизмѣнно предпочитая ихъ заслуженнымъ практикамъ.

Что же сдѣлалъ епископъ Θеофилъ для Тамбовской эпархіи?

Получивъ эту эпархію крайне разстроенною во всѣхъ отношеніяхъ, онъ принялъ строгія мѣры къ заведенію

---

*) Тамб. губ. вѣдом. за 1881-й годъ. № 115, наша статья.

**) ibid.—

въ ней порядка и въ этомъ направленіи достигъ значительныхъ результатовъ. Именно въ этомъ заключается его право на историческую память.

Преосвященный Θеофилъ скончался въ концѣ 1811 года. Тѣло его погребено въ Тамбовскомъ Казанскомъ монастырѣ у южной стѣны. Преосвященный Θеофилъ оставилъ значительное состояніе въ билетахъ сохранной казны и въ наличныхъ деньгахъ. Тѣмъ и другимъ воспользовались его наслѣдники. Всѣ книги гражданской печати, по духовному завѣщанію епископа Θеофила, поступили въ библіотеку Тамбовской семинаріи, бѣлье и холстъ даны были казеннокоштнымъ семинаристамъ, шубы и рясы—монастырской братіи... Преемникомъ Θеофила былъ епископъ Іона, управлявшій Тамбовскою эпархіею до 1821 года.

Въ противоположность своему предшественнику онъ отличался, какъ это сказано выше, кроткимъ характеромъ и не любилъ подавлять свою паству начальственною строгостію и архіерейскимъ величіемъ. Особенное вниманіе преосвященный Іона обращалъ на многочисленныхъ вдовъ и сиротъ своей эпархіи и въ видахъ посильнаго облегченія ихъ участи основалъ эпархіальное попечительство, дѣйствующее и въ настоящее время. Въ этомъ случаѣ сказалось его горемычное дѣтство. Іона въ юныхъ лѣтахъ былъ круглымъ сиротою и до 15-ти лѣтняго возраста кормился Христовымъ именемъ вмѣстѣ съ единственною своею родственницею—слѣпою бабушкою. Разумѣется, въ этомъ случаѣ епископъ Іона далеко не былъ исключеніемъ. Въ духовномъ сословіи всегда была масса несчастныхъ, начинавшихъ жизнь при условіяхъ самой поразительной бѣдности, и весьма многіе изъ этихъ бѣдняковъ, пригрѣтые суровою и въ то же время гуманною бурсою, выходили потомъ въ люди и имена ихъ становились извѣстны всему отечеству... На это слѣдовало бы обратить вниманіе тѣмъ легкомысленнымъ порицателямъ нашего ду-

ховнаго быта, которые клеймили церковниковъ разными обидными кличками, а сами въ крайней невмѣняемости своей и не подозрѣвали, что въ осмѣиваемыхъ ими людяхъ долго выражалась почти исключительно интеллигенція русскаго народа...

Епископство Іоны отмѣчено весьма важною эпархіальною реформою. Тамбовскіе священнослужители, по примѣру своего архипастыря, начали сочинять и произносить проповѣди. Впрочемъ, самъ Іона не отличался ораторскимъ талантомъ. Это видно изъ слѣдующаго его воззванія, обращеннаго къ Тамбовской паствѣ въ эпоху отечественной войны.

«Почтенное Богомъ ввѣренныя мнѣ паствы благородное и купеческое сословіе!

Его сіятельство г. тайный совѣтникъ, государственнаго совѣта членъ, синодальный оберъ-прокуроръ, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, статсъ-секретарь и разныхъ орденовъ кавалеръ князь А. Н. Голицынъ проситъ меня призвать паству ко вспомоществованію ближнимъ со изъясненіемъ, что таковая жертва принята будетъ съ благодарностію. Пріемля искреннее участіе въ столь богоугодномъ и достохвальномъ дѣлѣ, сдѣлалъ я отъ себя посильное приношеніе въ пользу онаго. Судя о насиліи, разореніяхъ и грабежахъ, съ какими врагъ потрясъ мѣста, бывшія имъ занятыми, взявъ въ примѣръ Москву, имъ разоренную, что можно сказать о тѣхъ несчастныхъ, которые въ бѣдности влачатъ теперь чрезъ разореніе жизнь, не имѣя пристанища и находясь во гладѣ, хладѣ и наготѣ съ семействами своими? Картина всеобщаго сожалѣнія! Если когда исполняемъ мы долгъ человѣка—христіанина вспомоществованіемъ ближнему, то паче настоящій случай злостраданія соотечественниковъ нашихъ долженъ расположить насъ къ тому. Я увѣренъ, благословенная паства моя, благородное и купеческое сословіе, что вы, показавъ отечеству опыты своего усердія, не отречетесь

и нынѣ исполнить волю всеавгустѣйшаго милосердаго монарха нашего Александра Павловича, пекущагося о благѣ вѣрноподданныхъ своихъ, и доказать свѣту вновь совершенства вашей добродѣтели пособіями несчастнымъ отъ избытковъ своихъ. Таковыя человѣколюбивыя пожертвованія, если кто расположенъ будетъ сдѣлать, благотворитель самъ отъ себя имѣетъ отсылать оныя въ С.-Петербургъ. Примѣръ усердія вашего увѣнчается новою славою и въ настоящемъ періодѣ жизни и въ потомствѣ гремѣть будетъ къ чести Россіи».

Между прочимъ епископъ Іона обратилъ вниманіе на иконописаніе, такъ какъ во многихъ церквахъ Тамбовской эпархіи *иконы писаны были подлымъ обычаемъ и на скаредныхъ доскахъ.* Поэтому всѣмъ церковнымъ причтамъ вмѣнено было въ обязанность строго слѣдить за церковнымъ *иконнымъ благолѣпіемъ.*

Но особенно нашъ архипастырь посвятилъ себя нравственному исправленію Тамбовскаго духовенства. Какъ человѣкъ кроткаго характера, онъ не употреблялъ въ этомъ случаѣ суровыхъ мѣръ. Виновныхъ священнослужителей онъ вызывалъ къ себѣ и подолгу бесѣдовалъ съ ними. Бесѣды его нерѣдко сопровождались слезами и со слезами же выходили отъ него его собесѣдники. Нѣтъ сомнѣнія, что доброе слово любвеобильнаго пастыря падало иногда на добрую почву и вызывало искреннее раскаяніе. Но, въ большинствѣ случаевъ, архипастырскіе совѣты скоро забывались, суровыя и ненормальныя условія священнослужительской жизни вступали въ свои права и снова архипастырское сердце призывалось къ великой отеческой скорби...

Большое вниманіе епископъ Іона обращалъ на внѣшній порядокъ богослуженія. Онъ любилъ звучные колокола, голосистыхъ дьяконовъ, а отъ священниковъ требовалъ умѣнія пѣть по нотамъ. Ставленники, хотя бы они были студентами богословія, подвергались имъ экзамену по чтенію и пѣнію лично. Кромѣ того, соблюдая цер-

ковное благочиніе, Іона взялъ подписку со всего духовенства въ томъ, что *священнослужители въ церквахъ послѣ браковъ и похоронъ не будутъ пить вина, браги и подобныхъ напитковъ.* Архипастырское свое смиреніе Іона выразилъ въ томъ, что запретилъ именовать себя *великимъ господиномъ* и удовольствовался общепринятымъ теперь архіерейскимъ титуломъ.

Видимыми памятниками пастырской дѣятельности епископа Іоны служатъ у насъ слѣдующія зданія: Успенская и Воздвиженская кладбищенскія церкви, теплая церковь женскаго монастыря, соборная колокольня и архіерейскій загородный домъ съ церковію. Послѣднее зданіе воздвигнуто усердіемъ помѣщика Пашкова, состоявшаго съ нашимъ владыкою въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Во времена Іоны въ Тамбовѣ проживала одна весьма интересная личность. Это—Грузинскій царевичъ и католикосъ Антоній, сынъ предпослѣдняго Грузинскаго царя Ираклія. Онъ прибылъ къ намъ въ Тамбовъ въ 1813 году. Въ свитѣ его находились архимандриты Неофитъ и Ѳеофанъ и нѣсколько свѣтскихъ особъ. Католикосъ Антоній пользовался титуломъ блаженнѣйшаго и въ русской іерархіи занималъ 5-е мѣсто. Изрѣдка онъ служилъ въ каѳедральномъ соборѣ, при чемъ, по слабому знанію русскаго языка, дѣлалъ въ священнодѣйствіи значительныя ошибки. Такъ, однажды, онъ преждевременно обратился къ народу и хотѣлъ ему преподать архіерейское благословеніе. Въ это время протодіаконъ Иларіонъ Андреевъ, удерживая его, сказалъ ему: погодите. Но католикосъ уже стоялъ на амвонѣ и громко произносилъ: погодите, погодите!... Впослѣдствіи католикосъ Антоній переведенъ былъ изъ Тамбова въ Нижній Новгородъ, гдѣ и умеръ. Причиною удаленія Антонія отъ эпархіальныхъ дѣлъ можно считать то крайне разстроенное состояніе, въ какомъ при немъ находилась Грузинская церковь. Во всей Грузіи до 1811

года, когда въ Тифлисъ прибылъ первый экзархъ изъ русскихъ—Варлаамъ, всѣхъ церквей было только 799. Между тѣмъ эпархій считалось 13. Всѣ епископы старались жить роскошно и для этого разоряли своихъ церковныхъ крестьянъ, которыхъ было на всю Грузію около 3-хъ тысячъ душъ.

Умственно-нравственное состояніе Грузинскаго приходскаго духовенства было самое жалкое, потому что во всемъ краѣ не было ни одной семинаріи.

Въ 1821 году Іона выбылъ изъ Тамбова въ Астраханскую эпархію. Преемниками его на Тамбовской каѳедрѣ были епископы Ѳеофилактъ и Афанасій. Оба они не оставили по себѣ прочной памяти въ народѣ и духовенствѣ, поэтому мы ихъ минуемъ и всѣхъ интересующихся ими отсылаемъ къ историко-статистическому описанію Тамбовской эпархіи протоіерея Хитрова. Объ Афанасіи можно сказать развѣ только то, что онъ первоначально былъ Тамбовскимъ священникомъ. За тѣмъ съ Тамбовской епископской кафедры его перевели въ Новочеркасскъ, откуда на покой онъ вернулся все въ тотъ же излюбленный имъ Тамбовъ. Могила его находится въ Трегуляевскомъ монастырѣ. Гораздо больше можно было бы сказать о преемникѣ Афанасія—Евгеніи, хотя онъ управлялъ эпархіею недолго: съ 1829 года по 1832 годъ. Но о немъ уже сказано отчасти въ нашей первой главѣ въ разсказѣ о тяжелой годинѣ Тамбовскаго духовенства за 1830 годъ. Другаго же воспоминанія о себѣ епископъ Евгеній не оставилъ. Имя его и донынѣ произносится лицами духовнаго званія съ выраженіемъ крайней нелюбви къ памяти этого суроваго архіерея, думавшаго несчастіемъ нисотенъ семействъ заслужить у правительства какую нибудь лишнюю награду... Вслѣдствіе этого мы прямо переходимъ къ епископу Арсенію, бывшему во главѣ Тамбовской церкви до апрѣля 1841 года.

Арсеній слишкомъ еще памятенъ многимъ Тамбовскимъ старожиламъ. Всѣ они единогласно говорятъ о его вельможно-архіерейской обстановкѣ и о томъ сильномъ вліяніи, которое онъ, несомнѣнно, имѣлъ на свою паству. Арсеній двинулъ впередъ образованіе духовнаго юношества. Съ этою цѣлію онъ завелъ въ мѣстной семинаріи торжественные публичные экзамены, богословскіе диспуты, праздничныя рѣчи и *разговоры* и усилилъ латынь. Правда, все это отзывается схоластикою, но въ настоящее время, кажется, безвозвратно уже прошли времена всеобщаго осужденія прежняго научно-семинарскаго строя... Во многихъ случаяхъ къ этому строю даже возвращаются.

Главное свое вниманіе епископъ Арсеній обращалъ на многочисленныхъ и разнообразныхъ сектантовъ. Въ 1836 году онъ написалъ *наставленіе объ обращеніи молоканъ съ опроверженіемъ всѣхъ ихъ заблужденій.* Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно вызывалъ къ себѣ сектантскихъ наставниковъ и терпѣливо бесѣдовалъ съ ними, или же отсылалъ ихъ для увѣщанія въ консисторію. Къ сожалѣнію, вся эта полемика, за небольшими исключеніями, по разнымъ причинамъ была безплодна. Тогда епископъ Арсеній перемѣнилъ тактику и сталъ дѣйствовать противъ религіозныхъ вольнодумцевъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ гражданскою властію. Повсюду въ Тамбовской эпархіи закрывались сектантскія школы. Составлялись въ городахъ и селахъ общественные приговоры объ изгнаніи изъ нихъ отщепенцевъ православія и многіе изъ нашихъ сектантовъ, дѣйствительно, невольно переселились въ Закавказье и на Молочныя воды. За свои миссіонерскіе труды епископъ Арсеній въ 1837 году получилъ благодарность св. синода, однако сектанство не ослабѣло у насъ и до настоящаго времени. Ясно, что нашъ ревностный архипастырь не съумѣлъ найдти самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ обращенію иновѣрцевъ. Дѣятельность его имѣла слишкомъ

внѣшній характеръ и страдала отсутствіемъ христіанской гуманности.

Мѣстная консисторская статистика за всѣ годы съ начала XIX столѣтія показывала почти одну и ту же цифру сектантовъ, приблизительно 9.000 человѣкъ, причемъ количество скопцовъ ежегодно опредѣлялось единицами. Между тѣмъ сектантскіе наставники распространяли свою пропаганду во всѣхъ Тамбовскихъ уѣздахъ. Льстивыя слова свои кстати и некстати уснащивали они библейскими текстами. При этомъ не только ничего не брали съ своихъ слушателей, но даже многимъ изъ нихъ существенно помогали. Понятно послѣ этого, почему Тамбовскіе обыватели, уклоняясь отъ приходскаго духовенства, далеко не всегда стоявшаго на высотѣ своего призванія, льнули къ невѣжественнымъ пропагандистамъ ложныхъ ученій. Въ нихъ именно видѣлъ сѣрый русскій людъ безкорыстныхъ и искреннихъ служителей вѣчной правды...

Усиленной сектантской пропагандѣ, несомнѣнно, содѣйствовало то озлобленіе, съ какимъ нѣкоторые крестьяне относились къ своему духовенству. Причинами этого страннаго явленія могли быть общеизвѣстные факты нравственнаго и экономическаго свойства...

Въ такомъ именно состояніи была Тамбовская эпархія, когда епископъ Арсеній отозванъ былъ на другую, высшую кафедру. Въ 1841 году его перевели въ Каменецъ-Подольскъ, затѣмъ на Волынь и въ Варшаву, Въ старости Арсеній удостоенъ былъ высшаго іерархическаго званія. Онъ умеръ недавно Кіевскимъ и Галицкимъ митрополитомъ.

Преемникомъ Арсенія былъ епископъ Николай, профессоръ и ректоръ Петербургской академіи. Имя этого нашего архипастыря и доселѣ произносится всѣми мѣстными жителями съ особенною любовію. Николай говорилъ замѣчательныя проповѣди и потому во время его служеній церкви полны были народомъ. Къ сожалѣнію,

знаменитый авторъ, по своей скромности, не печаталъ своихъ ораторскихъ произведеній. Только недавно нѣкоторыя проповѣди епископа Николая стали появляться въ эпархіальныхъ вѣдомостяхъ, имѣющихъ, конечно, самый ограниченный кругъ читателей. Но еще болѣе дорога намъ память нашего архипастыря вслѣдствіе той нестяжательности и доброты, съ какими онъ неизмѣнно до самой кончины относился ко всѣмъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, особенно къ духовенству. Всякое несчастіе въ семьѣ извѣстнаго духовнаго лица возбуждало глубокое сочувствіе преосвященнаго Николая и ни одного несчастнаго не оставлялъ онъ безъ нравственнаго или матеріальнаго утѣшенія. Въ 40-хъ годахъ рѣдко кому приходила мысль о серьезной помощи простому народу. Между тѣмъ нашъ владыка усердно и многоплодно заботился объ умноженіи начальныхъ приходскихъ училищъ и этими отечески-просвѣтительными трудами какъ бы предначиналъ широкія народно-училищныя реформы царствованія Александра II-го. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ Николай предложилъ всѣмъ Тамбовскимъ священникамъ говорить въ церквахъ катехизическія поученія и такая систематическая и учительная проповѣдь, разумѣется, не оставалась безъ добрыхъ послѣдствій.

Въ настоящее время въ Тамбовѣ существуетъ женское эпархіальное училище, открытое въ 1863 году. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что подобныя учебныя заведенія весьма полезны и необходимы. Благодаря имъ, жены нашихъ сельскихъ священниковъ теперь далеко уже не тѣ, какими онѣ были прежде... Говорю объ этомъ для того, чтобы прибавить новую свѣтлую черту къ симпатичной личности преосвященнаго Николая, такъ какъ Тамбовское женское эпархіальное училище началомъ своимъ обязано именно ему. Вотъ текстъ его пастырскаго посланія къ Тамбовскому духовенству, редактированный 30 марта 1849 года.

«Свѣтскія учебныя заведенія мужскія и женскія непрестанно умножаются и я болѣзную духомъ, что дѣвицы духовнаго званія однѣ остаются безъ училищнаго образованія, кромѣ развѣ какого нибудь домашняго и то рѣдкаго наученія читать, а еще рѣже писать. Уже въ прошломъ году государь императоръ обратилъ на этотъ предметъ свое вниманіе и повелѣлъ учредить Царскосельское образцовое учебное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія подъ высочайшимъ покровительствомъ государыни императрицы. И я думаю теперь самъ съ собою, какъ бы Тамбовскому духовенству первому неувлечься было высочайшимъ примѣромъ и не позаботиться объ образованіи дочерей своихъ, чтобы приготовить ихъ къ почтенному званію достойныхъ священнослужительскихъ женъ, благоразумныхъ матерей и свѣдущихъ домоправительницъ. Видно ожидалась первая искра возбужденія! Если мы и опоздали, то еще немного. Въ душевной заботливости объ улучшеніи состоянія Тамбовской церкви и духовенства я рѣшаюсь открыть во ввѣренной мнѣ эпархіи подобное заведеніе, преимущественно для сиротъ и дочерей бѣднѣйшаго духовенства. Но должно откровенно сказать, что средствъ для такого предпріятія эпархіальное начальство не имѣетъ. Гдѣ жъ ихъ взять? Я полагаю отдѣлить на этотъ предметъ хотя небольшую долю изъ суммъ духовнаго попечительства, только бы однакожъ не обѣднить прочихъ сиротъ и бѣдняковъ, число которыхъ со дня на день возрастаетъ. Потомъ думаю обратиться къ скромнымъ единовременнымъ пожертвованіямъ отъ самого бѣлаго духовенства. Далѣе я обратился бы съ подобнымъ предложеніемъ и къ монастырямъ, равно какъ и къ свѣтскимъ благотворительнымъ особамъ, для которыхъ, конечно, пріятнѣе и вожделѣннѣе будетъ имѣть у себя священника образованнаго съ благовоспитанною и образованною женою».

Въ концѣ пастырскаго посланія подробно излагается учебная программа проэктированнаго училища. Эта программа почти такая же, какъ и теперь существующая, поэтому мы ее пропускаемъ.

«По окончаніи четырехгодичнаго курса,—заключаетъ свое воззваніе преосвященный Николай,—штатныя воспитанницы могутъ получать, если только будутъ остаточныя суммы, и пособія на первоначальное обзаведеніе или выходъ въ замужество».

Въ 1851 году епископъ Николай тяжко заболѣлъ и вслѣдствіе этого не могъ осуществить своихъ плановъ относительно женскаго училища. Вообще, надо замѣтить, что съ указаннаго нами года и по 1857 годъ, когда Николая смѣнилъ епископъ Макарій, впослѣдствіи Московскій митрополитъ, эпархія не испытывала уже энергической дѣятельности своего любимаго архипастыря. Доступъ къ нему сталъ труденъ, служилъ онъ рѣдко, поученія пересталъ писать и фактически уже не управлялъ эпархіей. Понятно, какъ все это отразилось на эпархіальныхъ дѣлахъ. Во главѣ Тамбовскаго церковнаго управленія стала консисторія съ ея крючкодѣйствомъ и ненасытною алчностью. Въ средѣ духовенства неудержимо развивалось сутяжничество...

Въ описываемое нами время между Тамбовскими священниками—сутягами особенное вниманіе обращалъ на себя нѣкто о. Гавріилъ Товицкій, человѣкъ, безспорно, весьма талантливый, но крайне неуживчивый. Всю жизнь свою онъ велъ съ своими товарищами безпрерывную канцелярскую войну и часто бывалъ безъ мѣста, заводя поэтому поводу обширную переписку съ своими эпархіальными архіереями и св. синодомъ. 4-го февраля 1852 года о. Товицкій написалъ епископу Николаю такое прошеніе:

«Наконецъ я оставляю градъ Тамбовъ. Я возвращаюсь къ дѣтямъ, ничего не принося имъ въ отраду, и увижу ихъ въ бѣдности и безпорядкѣ. Поэтому по-

нятно, въ какомъ расположеніи я оставляю городъ и иду (буквально) къ семейству. Преосвященный владыко! Твой жезлъ, обратившись ко мнѣ желѣзомъ, привелъ меня въ неутѣшное горе, но отъ твоей воли зависитъ обратить его ко мнѣ концемъ позлащеннымъ. Буди убо милостивъ, яко и самъ отъ Бога помилованъ быти хощеши».

Служебныя неудачи о. Товицкаго происходили, между прочимъ, отъ его эксцентричности. Онъ велъ съ своими прихожанами по поводу требъ оффиціальную переписку, облачался по архіерейски среди церкви, служилъ съ отверзтыми царскими вратами, требовалъ встрѣчнаго колокольнаго звона и, вообще, приравнивалъ свой санъ къ епископскому, основываясь въ этомъ случаѣ на многочисленныхъ цитатахъ изъ восточныхъ и западныхъ церковныхъ писателей.

Однажды на его прошеніи о мѣстѣ епископъ Николай написалъ такую краткую резолюцію: *отказать*. Товицкій немедленно отвѣчалъ на это: «Ваше преосвященство отказали мнѣ въ мѣстѣ безъ показанія причины. Изъ сего заключилъ я о желаніи вашемъ видѣть меня лично. Такъ поступалъ нѣкогда одинъ изъ верховныхъ апостоловъ, когда писалъ, что не хочетъ объясняться тростію и чернилами, желая видѣться съ своими пасомыми и бесѣдовалъ съ ними лично, чѣмъ выражалъ высокій опытъ своей къ нимъ любви»!

Въ это время Товицкій лишенъ былъ уже 6 приходовъ и просилъ себѣ 7-го мѣста. Но епископъ Николай опасался удовлетворить сію просьбу. Тогда о. Гавріилъ снова написалъ ему:

«Вы меня гоните. Какъ же вы будете служить безъ примиренія со мною? Вы будете служить въ умноженіе прегрѣшеній, въ гнѣвъ Божій, въ удаленіе Св. Духа, въ лишеніе царствія небеснаго; будете ясти и пити себѣ судъ, не разсуждая тѣла Господня, будете проливать его кровь не въ себя, а на себя и на чадъ

своихъ, въ явное свидѣтельство принадлежности своей къ отряду распинателей Господнихъ. Дайте мнѣ мѣсто, пріютите мое семейство на время зимы, умирите меня, слѣдовательно и себя».

Послѣ этого, безпокойнаго іерея хотѣли было посадить въ сумашедшій домъ. Однако, раздумали и дали Товицкому на бѣдность 10 рублей. Конечно, для семьи этого было мало и потому 24 октября 1852 года на имя преосвященнаго Николая поступила такая просьба:

«Покорнѣйше прошу ваше преосвященство данную мнѣ сумму раздѣлить такъ, чтобы ее достало на удовлетвореніе всѣхъ моихъ нуждъ. А нужды немалыя, ибо у меня въ семьѣ родительница, вторично и вторая мать моихъ дѣтей, дочь Раиса и сыновья: Иванъ Товицкій, Иванъ Сапѣга Товицкій, Яковъ Бубкинъ Товицкій и Иванъ Безрясный Товицкій».

Архіерей не отвѣчалъ. Но неугомонный корреспондентъ его продолжалъ свои приставанья.

«Нѣтъ,—писалъ онъ,—молчать вы не имѣете права, напишите хоть какую нибудь резолюцію, хоть то, что я недостоинъ отвѣта».

Чтобы отвязаться отъ назойливаго просителя епископъ Николай надписалъ на его прошеніи: «въ консисторію». Это было 25 октября, а на слѣдующій день Товицкій уже приготовилъ и подалъ архіерею свой отвѣтъ.

«Въ вашей резолюціи,—писалъ онъ,—я вижу одно злое намѣреніе поводить меня на удѣ, помять, посмѣяться. Довольно, довольно, преосвященный владыко! Время пріостановить рѣзвость и призадуматься. Не самъ бо пріялъ еси честь, отъ Господа Бога дана есть власть и сила и Онъ истяжетъ твой талантъ съ лихвою. Время обратить вниманіе на предметъ насмѣшекъ, ибо простирать свое терпѣніе въ безпредѣльность онъ не можетъ. Карай меня, но не издѣвайся».

4-го ноября 1852 года о. Товицкому предложено было священническое мѣсто въ селѣ Варнавинѣ. Въ сво-

емъ предложеніи по этому поводу консисторіи архіерей приписалъ: «а можетъ быть о. Гавріилъ не пойдетъ на это мѣсто?» И дѣйствительно, не пошелъ: приходъ де малъ.

Съ теченіемъ времени полемика Товицкаго становилась болѣе и болѣе смѣлою.

«Въ синодъ напишу и государю императору,—грозилъ онъ епископу Николаю,—дай мнѣ мѣсто въ соборѣ вмѣсто іерея Василія, получившаго званіе свое по ходатайству директора Трояновскаго».

Въ концѣ 50-хъ годовъ о. Гавріилъ Товицкій кончилъ свое священнослужительское поприще. Его лишили сана и онъ умеръ въ совершенной бѣдности. Во время своей неудавшейся и горемычной жизни онъ былъ подъ судомъ 20 разъ и почти столько же перемѣнилъ приходовъ. Кляузныя писанія его могли бы составить цѣлый своеобразный литературный сборникъ. Не разъ просьбы его доходили до самого государя и, конечно, возвращались обратно. Тогда о. Товицкій подалъ прошеніе государынѣ на самого государя. *)

Отъ оригинала—Товицкаго я перехожу къ другому оригиналу духовнаго вѣдомства. Это—іеромонахъ Іеронимъ, бывшій учитель и субъ-инспекторъ Тамбовской духовной семинаріи, память о которомъ еще и доселѣ сохраняется во всѣхъ закоулкахъ Тамбовской эпархіи. Іеронимъ оставилъ Тамбовъ сравнительно недавно, въ іюнѣ 1854 года, а между тѣмъ семинарскіе подвиги его такъ и просятся въ какую нибудь хронику XVII столѣтія, характеризующую іезуитскіе нравственно-воспитательные принципы... Іезуитскій характеръ іеромонаха Іеронима представляется намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что эта малоизвѣстная, но стоющая обширной извѣстности, личность отличалась замѣчательно многостороннимъ образованіемъ, выражавшимся особенно въ

*) Архивъ дух. консист., № 2837.

языкознаніи. Іеронимъ прекрасно владѣлъ классическими языками, французскимъ языкомъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, что и въ настоящее время составляетъ величайшую рѣдкость въ ученомъ сословіи духовнаго вѣдомства.

Іеронимъ родился въ Польшѣ, въ окрестностяхъ Ченстохова. Отецъ его, по фамиліи Гепнеръ, ремесломъ былъ сапожникъ, но какой онъ былъ націи, польской, нѣмецкой или еврейской, это намъ неизвѣстно, такъ какъ герой нашего очерка не любилъ говорить о своемъ происхожденіи. Молодой Гепнеръ блистательно окончилъ курсъ въ Варшавской гимназіи и затѣмъ поступилъ въ число студентовъ Дерптскаго университета. Въ Дерптѣ случилась съ нимъ какая-то темная исторія и онъ принужденъ былъ на время переселиться въ Соловецкій монастырь. Невольное путешествіе въ Соловки произвело рѣшительный переворотъ въ судьбѣ Гепнера. Бывшій Дерптскій студентъ принялъ православіе (прежде онъ былъ католикомъ) и, при помощи одного извѣстнаго епископа, сдѣлался слушателемъ 2-го курса Кіевской духовной академіи. Въ Кіевѣ студентъ Гепнеръ превратился въ іеромонаха Іеронима. Это было въ началѣ 40-хъ годовъ. Съ этого времени начинаются служебныя его похожденія. Первые опыты педагогической дѣятельности о. Іеронима начинаются въ Харьковѣ. Тамъ онъ не ужился съ ректоромъ архимандритомъ Агафангеломъ, впослѣдствіи Волынскимъ архіепископомъ, и затѣмъ послѣдовательно служилъ въ Тамбовѣ, Астрахани, Кишиневѣ, Кишиневскомъ Гербовецкомъ монастырѣ, Нѣжинѣ и Оренбургѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, послѣдовавшей въ концѣ 70-хъ годовъ, Іеронимъ переведенъ былъ архимандритомъ въ Лебедянскій монастырь, но уже не успѣлъ воспользоваться новымъ служебнымъ своимъ поприщемъ.

Наиболѣе опредѣленно дѣятельность Іеронима проявилась въ Тамбовѣ. Прежде всего онъ поражалъ сво-

ихъ учениковъ отрицательнымъ отношенiемъ къ обрядамъ православной церкви. Одинъ изъ этихъ учениковъ, со словъ котораго мы теперь пишемъ, однажды, по обязанности семинарскаго старшаго былъ въ квартирѣ о. Iеронима. Это было во время какого-то праздника, кажется Троицы. Почтенный субъ-инспекторъ пилъ чай и закусывалъ. Потомъ онъ пошелъ въ церковь и *отслужилъ обѣдню*. Впослѣдствiи нѣкоторые семинаристы, вышедшiе уже изъ семинарiи, выражали о. Iерониму свое недоумѣнiе по поводу его крайняго религiознаго либерализма, на что получили слѣдующiй отвѣтъ: «какiе вы глупые! Развѣ вы не знаете, что тайная вечеря была уже послѣ обѣда».

Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ шла рѣчь о назначенiи духовенству жалованья. Какъ извѣстно, противъ этого проэкта явились сильные противники, въ томъ числѣ и покойный Московскiй митрополитъ Филаретъ. Узналъ объ этомъ Iеронимъ, бывшiй сторонникомъ матерiальнаго обезпеченiя духовенства, и съ обычною ему безцеремонностiю говорилъ однажды приближеннымъ ученикамъ своимъ слѣдующее: «и чего это смотрятъ наши попы: сговорились бы они потихоньку, да вдругъ во всѣхъ церквахъ и объявили бы народу: православные! такiе-то и такiе-то вельможи наши и архiереи—еретики».

Въ особенности iеромонахъ Iеронимъ памятенъ бывшимъ Тамбовскимъ семинаристамъ, какъ неутомимый, безжалостный и искусный гонитель всей семинарской молодежи. Несомнѣнно, каждый открытый имъ проступокъ семинариста доставлялъ ему большое наслажденiе, какъ сыщику по призванiю. Iеронимъ разъѣзжалъ иногда по семинарскимъ квартирамъ въ полночь и позднѣе, и если ворота квартиръ были заперты и на стукъ его долго не отворялись, то онъ, подобравши рясу, ловко перелѣзалъ черезъ заборы. Цѣль этихъ внезапныхъ по-

сѣщеній была та, чтобы прослѣдить: нѣтъ-ли у семинаристовъ водки и не пахнетъ-ли у нихъ гдѣ нибудь табачнымъ дымомъ. Ученики должны были дышать на него, послѣ чего Іеронимъ устремлялся въ кухню, въ сарай, въ разныя другія мѣста и все нюхалъ, нюхалъ... Положимъ, кто нибудь изъ учениковъ навлекалъ на себя подозрѣніе въ куреніи табаку. Тогда его исключали изъ семинаріи, или же, въ видѣ особенной милости, *сѣкли подъ звонкомъ*. Сѣченіе производилось съ особенною церемоніею. Ученика били розгами, а сторожъ въ это время медленно звонилъ въ колокольчикъ. Всѣ эти церемоніальныя сѣченія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Іеронима и доставляли ему видимое удовольствіе. Узналъ объ этомъ епископъ Николай, человѣкъ несомнѣнно добрый и жалостливый по отношенію къ обездоленной бурсѣ, и приказалъ нашему инквизитору быть поснисходительнѣе къ семинаристамъ. Тогда Іеронимъ началъ заставлять учениковъ подавать прошенія въ семинарское управленіе примѣрно слѣдующаго содержанія: «не желая быть исключеннымъ изъ семинаріи и такимъ образомъ лишиться правъ образованія, покорнѣйше прошу отечески наказать меня». Разумѣется, просители были удовлетворяемы немедленно и почти неумолкавшій звонъ семинарскаго колокольчика снова возвѣщалъ всей бурсѣ о жертвахъ іеромонаха Іеронима.

Отъ публичнаго сѣченія не были избавлены и старшіе ученики семинаріи, такъ наз. *богословы*. Въ 1853 году въ Тамбовской семинаріи въ одномъ отдѣленіи этихъ учениковъ было 87 человѣкъ и изъ нихъ только *7 богослововъ избѣжали отеческаго наказанія*.

Іеронимъ организовалъ изъ Тамбовскихъ семинаристовъ цѣлую шайку шпіоновъ, доносившихъ ему о всѣхъ подробностяхъ бурсацкой жизни. Положимъ, какой нибудь *богословъ* былъ имянинникъ. Іеронимъ, разумѣется, зналъ объ этомъ и посылалъ кого нибудь изъ

своихъ соглядатаевъ на имянины. Гость просилъ угощенія. Хозяинъ отказывалъ ему въ этомъ за неимѣніемъ денегъ. Но гость былъ человѣкъ лукавый, онъ вынималъ изъ кармана нѣсколько монетъ, *данныхъ ему Іеронимомъ*, и тогда на столѣ имянинника воздвигался полштофъ водки съ соотвѣтственною закускою. Въ это время *неожиданно* появлялся въ семинарской квартирѣ субъ-инспекторъ Іеронимъ и затѣмъ болѣе или менѣе скоро начиналось для него великое торжество, т. е. исключеніе или сѣченіе семинариста.

Въ прежнія времена въ Тамбовской семинаріи часто бывали рекреаціи, т. е. майскіе праздники. Учениковъ увольняли отъ классовъ и предоставляли въ ихъ распоряженіе архіерейскій загородный садъ. Въ садъ везли потомъ всякую семинарскую *яству* и обильное угощеніе прерывалось разными играми въ мячъ и горѣлками. Самъ Іеронимъ входилъ въ толпу семинаристовъ и плѣнялъ ихъ простотою обращенія. Между тѣмъ шпіоны его не дремали. Они соблазняли старшихъ семинаристовъ водкой и уводили ихъ тайкомъ въ лѣсъ. Для многихъ это было секретомъ, но не для Іеронима... И такъ какъ майскихъ рекреацій бывало иногда по 16, то жертвъ іеромонашескаго шпіонства набиралось не мало.

Какъ мы сказали уже, Іеронимъ былъ отличнымъ сыщикомъ. Подтверждаемъ это слѣдующимъ фактомъ. Однажды въ семинарской церкви шла всеношная, во время которой одинъ семинаристъ снялъ съ себя шинель и положилъ на окно. По окончаніи богослуженія Іеронимъ этого самаго семинариста остановилъ, такъ какъ шинель его оказалась мокрою, и пригласилъ въ правленіе для сѣченія. «Во всю всенощную шелъ дождь,— говорилъ онъ,— а шинель у тебя мокрая,— стало быть ты уходилъ изъ церкви.» Ни въ чемъ неповинный *богословъ* обратился къ защитѣ самого ректора архимандрита Платона, который, къ счастію, самъ видѣлъ это-

го *богослова* въ церкви и остановилъ сѣченіе, но въ то же время приказалъ Іерониму розыскать виновнаго, бравшаго чужую шинель и уходившаго въ ней изъ церкви. «На утро,—разсказывалъ пишущему эти очерки бывшій владѣлецъ злополучной шинели,— я пришелъ къ обѣднѣ и оказалось, что виновный давно былъ найденъ и уже чуть свѣтъ высѣченъ».

Довольно оригиналенъ былъ нашъ Іеронимъ въ отношеніяхъ къ товарищамъ и къ начальству. Съ первыми повидимому онъ былъ пріятеленъ, но обо всѣхъ ихъ житейскихъ погрѣшностяхъ и слабостяхъ съ удовольствіемъ пересказывалъ о. ректору. По отношенію ко вторымъ Іеронимъ являлся покорнѣйшимъ слугою и искуснымъ льстецомъ.

Въ 1852 году Іеронимъ былъ назначенъ ревизоромъ въ 1-е Тамбовское духовное училище. Ревизія его была самая строгая. Во время экзаменовъ онъ билъ учениковъ по лицу и по головѣ, а иногда наматывалъ имъ на шеи четки и угрожалъ повѣшеніемъ. Понятно, все училище пришло въ ужасъ отъ грознаго ревизора, что и было единственною цѣлію его ревизіи. Отвѣты получались на экзаменахъ самые неудачные и въ изобиліи ставились въ ученическихъ спискахъ единицы, приводившія въ особенное уныніе тѣхъ мальчиковъ, которые должны были перейти въ семинарію. Всѣхъ этихъ неудачниковъ Іеронимъ призывалъ къ себѣ и обѣщалъ имъ повысить ихъ баллы, если только они съ подробностями перескажутъ ему объ образѣ жизни старшихъ семинаристовъ. И конечно напуганная и мало развитая молодежь покорно слушалась опытнаго искусителя и усердно наушничала. Такимъ образомъ полагались начала тому ябедничеству, которое до послѣдняго времени въ широкихъ размѣрахъ практиковалось многими причтами Тамбовской эпархіи...

Самая наружность іеромонаха Іеронима производила непріятное впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ средняго

роста, съ весьма крупными чертами лица, рыжебородый и косой. Когда онъ начиналъ говорить, то первое впечатлѣніе только усиливалось отъ его невнятной и гнусливой рѣчи.

Въ домашнемъ быту Іеронимъ отличался цинизмомъ, не стѣсняясь присутствіемъ сослуживцевъ и постороннихъ гостей. Повидимому онъ находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы смѣяться надъ приличіями общежитія. Даже на службѣ, во время уроковъ, онъ издѣвался надъ своею наукою—церковною исторіею, потѣшая учениковъ разными соблазнительнаго содержанія разсказами и разсужденіями. «Когда Іеронимъ говорилъ о православной церкви и ея дѣятеляхъ,—передавалъ мнѣ одинъ изъ бывшихъ его слушателей,— то видно было, что передъ нами рисуется своимъ либерализмомъ человѣкъ невѣрующій.»

Прощаясь съ однимъ изъ своихъ любимцевъ—семинаристовъ, который уѣзжалъ въ Казанскую духовную академію, іеромонахъ Іеронимъ сказалъ ему въ напутствіе слѣдующія характерныя слова: «знаешь ли ты нашу братію-монаховъ? Конечно, не знаешь. Такъ знай же. Злѣе насъ никого на свѣтѣ нѣтъ. Мірской человѣкъ проститъ тебѣ обиду, а монахъ никогда.»

То, что мы написали сейчасъ объ Іеронимѣ, конечно, маленькая замѣтка. Цѣль ея написанія заключается между прочимъ въ томъ, чтобы вызвать на судъ исторіи болѣе обстоятельныя свѣденія о бывшемъ Тамбовскомъ педагогѣ—монахѣ, имѣвшемъ въ свое время громадное ретроградное вліяніе на молодежь духовнаго вѣдомства, при чемъ это вліяніе проявлялось съ самою безцеремонною откровенностію и даже не маскировалось казенно-лицемѣрнымъ фразерствомъ новѣйшихъ нашихъ обскурантовъ.*)

*) Тамб губ. вѣдомости, 1881-й г. № 89-й, наша статья.

Отъ неудавшихся типовъ о. о. Товицкаго и Іеронима съ особеннымъ удовольствіемъ мы обращаемся къ свѣтлой памяти Тамбовскаго протоіерея Стефана Березнеговскаго, имя котораго должно быть дорого мѣстному краю, а между тѣмъ о покойномъ своемъ соотечественникѣ мы ничего почти не знаемъ. Молчатъ о немъ даже близкіе его родственники, которые, повидимому, могли и умѣли бы познакомить съ его симпатичною личностію Тамбовскую публику, не чуждую научныхъ интересовъ и уваженія къ скромнымъ подвижникамъ кропотливаго и полезнаго труда...

Протоіерей Березнеговскій всю жизнь свою разработывалъ источники мѣстной исторіи. Скроменъ былъ его тяжелый научный трудъ и не гнался онъ за литературною славою, воодушевляясь единственно чистою любовію къ отечественной наукѣ и родинѣ.

Случайно намъ попался одинъ № Тамбовскихъ губернскихъ вѣдомостей, безъ указанія года его изданія, съ статьею Березнеговскаго подъ такимъ заглавіемъ: «нѣсколько историческихъ извѣстій объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ заложенію города Тамбова, его постройкѣ и населенію». И вотъ мы пользуемся этою статьею съ цѣлію хотя нѣкотораго освѣщенія личности покойнаго, безвѣстнаго, но заслуживающаго извѣстности, автора.

О. Березнеговскій глубоко любилъ мѣстный край. Это видно изъ слѣдующихъ его словъ: «любопытно читать что нибудь о Тамбовѣ. Темныя преданія о набѣгахъ Татаръ, о Булавинѣ и о Пугачевской шайкѣ, разбитой въ селѣ Разсказовѣ, плѣняютъ душу и невольно заставляютъ подумать: жутко было нашимъ предкамъ—Тамбовцамъ жить въ дремучихъ лѣсахъ и на дѣвственныхъ степяхъ, покрытыхъ сѣдымъ ковылемъ».

Подобно всѣмъ истинно умнымъ и преданнымъ своему дѣлу труженникамъ, протоіерей Березнеговскій не

любилъ *выставлять* себя и отзывался о своихъ работахъ съ самою трогательною простотою.

«Живя въ Тамбовѣ болѣе 40 лѣтъ,—писалъ онъ,— я старался узнать о старомъ бытѣ Тамбова и досталъ о немъ рукописную лѣтопись. Конечно, мои разсказы не полны. По крайней мѣрѣ не все поглотитъ ненасытное время и можетъ быть будущій Тамбовскій историкъ найдетъ въ нихъ что нибудь нужное для себя».

Далѣе нашъ авторъ приступаетъ къ своей главной темѣ, нѣкоторыя подробности развитія которой я привожу въ слѣдующихъ строкахъ, имѣя въ виду библіографическую рѣдкость статей о. Березнеговскаго.

«Мѣсто, на которомъ заложенъ городъ Тамбовъ, покрыто было непроходимыми вѣковыми лѣсами, тянувшимися непрерывною грядою отъ Хопра до Балтійскаго моря и отъ Волги до Дона. Только въ уѣздахъ Кирсановскомъ, Борисоглѣбскомъ и частію Козловскомъ коегдѣ проскальзывали поляны, покрытыя травою, какъ оазисы среди песчаныхъ степей Аравійскихъ».

Желая доказать огромность и непроходимость Тамбовскихъ лѣсовъ до послѣдняго времени, нашъ покойный историкъ ссылается на извѣстныя событія 1774 года.

«Въ 1774 году,—говоритъ онъ,—когда шайка Емельки Пугача приближалась къ селу Разсказову, жители города Тамбова спѣшили укрыться отъ неминучей бѣды не за тридевять земель, а просто пробирались съ имуществомъ за рѣчку Студенку и твердо увѣрены были, что въ тамошней лѣсной глуши пугачи не найдутъ ихъ».

Весьма любопытны указанія о. Березнеговскаго на перестройку Тамбова по новому плану въ 1782 году. Во всѣхъ трехъ нынѣшнихъ городскихъ частяхъ, по словамъ нашего автора, владѣвшаго большею частію мѣстными лѣтописными источниками,—росли огромныя рощи. Ихъ рубили, какъ для проведенія улицъ по плану, такъ и на постройки и дрова. Справедливость этихъ

словъ тчасти подтверждается воспоминаніями мѣстныхъ старожиловъ, которые въ дѣтскіе годы свои сами видѣли довольно значительное количество рощъ и густаго кустарника въ городской чертѣ, около вала и по Студенцу.

Разбираемый нами писатель не былъ простымъ пересказчикомъ разныхъ событій мѣстной исторіи. Онъ любилъ копаться въ разныхъ архивахъ и исторіи Карамзина, дѣлалъ изъ нихъ выписки и такимъ образомъ являлся если не ученымъ историкомъ, то во всякомъ случаѣ просвѣщеннымъ популяризаторомъ мѣстной исторіи. Относительно же нѣкоторыхъ мѣстно-историческихъ вопросовъ о. Березнеговскій былъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Такимъ онъ является въ разсказѣ о заложеніи и постройкѣ города Тамбова.

Приводимъ изъ его статьи нѣсколько довольно любопытныхъ выдержекъ.

«Рабочіе для постройки Тамбова вызваны были изъ Рязани и Шацка. Строитель города стольникъ Романъ Ѳеодоровичъ Бобарыкинъ прибылъ на работы въ мартѣ 1636 года. Избранное мѣстоположеніе подъ постройку города Тамбова защищалось съ востока крутыми берегами рѣки Цны, съ сѣвера—таковыми же берегами рѣчки Студенца, съ юга—обрывистымъ и крутымъ буеракомъ, съ запада—болотами и топями, лежавшими среди непроходимыхъ лѣсовъ. Самая слабая сторона при защитѣ города Тамбова была съ запада, но эту сторону Бобарыкинъ укрѣпилъ искусственно.»

Заложеніе Тамбова послѣдовало 17 апрѣля 1636 года въ первый день пасхи. Объ этомъ событіи о. Березнеговскій повѣствуетъ такъ:

«Прежде всего Бобарыкинъ заложилъ деревянную церковь Преображенія Господня. Священнодѣйствовалъ при этомъ священникъ Позняковъ. Въ то же самое время положены основныя бревна и другихъ крѣпостныхъ зданій. Преображенская церковь въ теченіи трехъ мѣ-

сяцевъ срублена была въ два этажа и 6 августа была освящена».

Тогда же начали строить деревянную Знаменскую церковь, казачью слободу, воеводскую избу, тюрьму и запасные магазины. Осенью 1636 года всѣ эти работы были окончены и 1 октября новый городъ Тамбовъ былъ открытъ и освященъ. Такимъ образомъ праздникъ Покрова имѣетъ для насъ особенное значенiе. Это — день рожденiя нашего города.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ настоящаго столѣтiя не одинъ протоiерей Березнеговскiй украшалъ собою Тамбовское духовенство. Въ это время нарождавшееся нравственное развитiе массы этого почтенаго сословiя выражалось уже довольно разнообразно. Въ Тамбовской семинарiи пользовался вполнѣ заслуженною извѣстностiю преподаватель философiи И. А. Савостьяновъ, авторъ прекрасныхъ записокъ по Логикѣ. Человѣкъ всецѣло преданный своей наукѣ, въ высшей степени скромный и чуждый всѣхъ свѣтскихъ развлеченiй, Иванъ Алексѣевичъ находилъ единственную отраду своей черствой и горемычной жизни только въ своемъ авторитетномъ и глубоко нравственномъ общенiи съ семинарскою трудящеюся молодежью. И не напрасенъ былъ его житейскiй подвигъ. Молодежь чтила его при жизни, повинуясь каждому его слову, почтила его дорогую память и по смерти его, совершившейся въ 1849 году. Надъ могилой И. А. Савостьянова на Успенскомъ кладбищѣ усердные ученики его воздвигли памятникъ. Припоминается намъ только одна нѣкоторая слабость покойнаго Тамб. педагога. На публичныхъ экзаменахъ, въ присутствiи многочисленной и разнообразной публики, онъ любилъ вызывать всѣхъ, не исключая и преосвященнаго Николая на ученые диспуты и почти всегда являлся побѣдителемъ. Кажется, только въ этихъ побѣдахъ и заключалось все его весьма понятное и извинительное честолюбiе.

Въ описываемое нами время были весьма почтенные дѣятели и среди Тамбовскаго сельскаго духовенства. Къ такимъ пастырямъ мы относимъ священника села Двойни о. Тимоѳея Лысогорскаго. Это былъ человѣкъ высокаго благочестія и обширнаго природнаго ума. Недостатки своего школьнаго образованія онъ восполнялъ постояннымъ чтеніемъ серьезныхъ книгъ духовной и свѣтской литературы. Понятно послѣ этого, почему всѣ прихожане глубоко уважали его и всякій совѣтъ его исполняли, какъ приказаніе. Но они и любили его, потому что о. Лысогорскій самъ любилъ своихъ прихожанъ не какъ *наемникъ*, а какъ *пастырь добрый*. Случалось ли горе какое въ бѣдной крестьянской хатѣ, онъ шелъ туда безъ зова и посѣщеніе его всегда приносило изстрадавшемуся народу извѣстную степень отрады. Бывала ли изрѣдка радость въ крестьянской семьѣ, и тутъ первымъ участникомъ ея являлся о. Тимоѳей. Съ теченіемъ времени пастырское вліяніе его распространилось на всѣ ближайшія окрестности. Къ Тимоѳею стали пріѣзжать за подобными совѣтами не одни крестьяне, но и помѣщики. Такимъ образомъ скромная нравственно-религіозная сила взяла верхъ надъ сословными предразсудками, слишкомъ сильными въ былыя времена... Пользуясь немногими своими досугами, о. Тимоѳей составлялъ свою деревенскую лѣтопись, въ которую вносилъ обстоятельныя и живыя замѣтки относительно хозяйства, явленій природы и важнѣйшихъ событій внутренней и внѣшней русской политики. Объ этой лѣтописи много напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1880 годъ, подъ заглавіемъ: деревенскій лѣтописецъ.

Теперь мы намѣрены приступить къ краткому указанію церковныхъ событій мѣстнаго края за послѣднее время.

Епископъ Николай оставилъ Тамбовскую каѳедру въ 1857 году. Преемниками его были слѣдующіе епи-

скопы: Макарій, недавно скончавшійся митрополитъ Московскій, Ѳеофанъ—проживающій на покоѣ въ Шацкой Вышенской пустыни, Ѳеодосій—въ настоящее время епископъ Вологодскій, Палладій—переведенный отъ насъ на Рязанскую и потомъ на Казанскую каѳедру и Палладій—современный намъ Тамбовскій архипастырь. Эпоха позднѣйшихъ нашихъ владыкъ ознаменована въ жизни Тамбовскаго духовенства многими важными событіями. Макарій и Ѳеофанъ, несомнѣнно, подняли умственно-нравственный уровень нашей эпархіи, привлекши въ среду духовенства нѣсколько лицъ съ академическимъ образованіемъ, что до нихъ было большою рѣдкостію. Съ этого времени стали издаваться мѣстныя эпархіальныя вѣдомости, далеко не послѣднія въ Россіи. Такимъ образомъ явился Тамбовскій церковный органъ, не мало содѣйствующій пробужденію литературныхъ стремленій въ нашемъ духовенствѣ. При епископѣ Ѳеодосіи открыто было женское эпархіальное училище, временно учрежденъ былъ викаріатъ и вошло въ силу извѣстное эпархіальное выборное начало. Послѣдняя реформа сразу выразилась въ лучшемъ составѣ благочинныхъ и въ болѣе широкомъ развитіи мѣстной церковной жизни. Періодическіе эпархіальные съѣзды, при всей неопытности и неподготовленности о. о. депутатовъ, привыкшихъ, по старой семинарской привычкѣ, повиноваться не закону и служебному долгу, а грозному начальническому окрику,—значительно улучшили нравственный и особенно матеріальный бытъ духовно—учебныхъ заведеній, пріобрѣли въ Тамбовѣ огромныя зданія для общежитія духовныхъ воспитанниковъ, завели приходскія библіотеки и чрезъ все это положили прочное начало дальнѣйшему усовершенствованію мѣстнаго духовенства.

Въ заключеніе этого очерка не можемъ пройти молчаніемъ еще одного весьма важнаго факта. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Спасскомъ уѣздѣ построена и освя-

щена единовѣрческая церковь и къ ней назначенъ единовѣрческій священникъ, бывшій поповецъ—начетчикъ. Такимъ образомъ и у насъ началось серьезное сближеніе раскола съ православіемъ, и у насъ понемногу начала сглаживаться давняя и тяжелая религіозная вражда людей одной плоти и крови...

Дописывая эту главу, мы съ сожалѣніемъ отмѣчаемъ слѣдующее. Произошли у насъ важныя церковныя реформы, авторитетъ духовенства значительно возвысился — и всетаки въ среду священно-служителей не идутъ люди постороннихъ профессій. Отъ чего это? Конечно—не отъ извѣстныхъ предубѣжденій противъ званія и не отъ трудностей поступленія, а отъ доселѣ еще существующихъ неправильностей экономическаго и нравственнаго быта духовенства...

III.

ТАМБОВСКІЯ ПИСЦОВЫЯ КНИГИ.

Третью главу своего труда я посвящаю изслѣдованію вопроса объ извѣстныхъ исторіи первыхъ поселенцахъ Тамбовскаго края и о первоначальномъ русскомъ землевладѣніи, съ краткимъ указаніемъ всѣхъ первобытныхъ промысловъ нашихъ древне—русскихъ колонистовъ. Главнымъ источникомъ для этого своего отдѣла мы признаемъ мѣстныя писцовыя записи, усиленное составленіе которыхъ началось, какъ извѣстно, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по благословенію и по мысли святѣйшаго патріарха Филарета. Въ началѣ XVII столѣтія вслѣдствіе финансовыхъ государственныхъ затрудненій во всѣ области русскаго царства посланы были *писцы и дозорщики*, обязанность которыхъ состояла въ подробномъ описаніи городовъ и селъ и въ перепискѣ жителей и ихъ земельныхъ дачъ. Цѣль этого предпріятія была чисто фискальная. Въ настоящее время первобытное значеніе писцовыхъ книгъ, конечно, утратилось, но за то онѣ пріобрѣли огромное значеніе научное, такъ какъ сдѣлались первенствующими источниками для бытовой русской исторіи XVII вѣка.

Принимая во вниманіе серьезный научный характеръ писцовыхъ книгъ, а также и то, что ихъ изданіе вообще далеко еще не окончилось, Тамбовскіе же писцовые

документы и вовсе неизвѣстны,—мы принимаемъ на себя трудъ изданія мѣстныхъ писцовыхъ отрывковъ, большею частію случайно найденныхъ нами въ разномъ бумажномъ хламѣ архива Тамбовскаго окружнаго суда. Самымъ усерднымъ нашимъ *писцомъ и дозорщикомъ* былъ Тамбовскій воевода и стольникъ В. В. Крапоткинъ. Подручнымъ дѣльцомъ состоялъ при немъ подъячій Иванъ Татариновъ. Подлинниковъ ихъ работъ въ Тамбовѣ, разумѣется, нѣтъ: они должны храниться въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, да и то еще сомнительно, потому что названный нами архивъ въ 1812 году почти въ полномъ своемъ составѣ выброшенъ былъ Французами въ одинъ ровъ и долго гнилъ тамъ подъ вліяніемъ дождей и исчезалъ отъ разныхъ весьма понятныхъ причинъ... Но за то у насъ отчасти сохранились съ этихъ подлинниковъ оффиціально засвидѣтельствованныя копіи 1785-го года, въ теченіи котораго происходило во всей Россіи генеральное межеваніе. Слѣдовательно, достовѣрность издаваемыхъ нами документовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Впрочемъ, прежде изслѣдованія писцовыхъ записей, мы обратимъ вниманіе на нашихъ мѣстныхъ аборигеновъ—Мещеру и Мордву. Первые давно уже подверглись русской ассимиляціи и потому отъ нихъ не осталось никакихъ національныхъ преданій. Намъ извѣстно только то, что съ самаго начала русской исторіи и до XVII-го вѣка край нашъ именовался по преимуществу Мещерской стороною. Значитъ, большинство нашего народонаселенія было искони именно Мещерское. Но Мещера всегда отличалась крайне мирнымъ характеромъ и вслѣдствіе этого жутко ей было жить въ нашихъ лѣсахъ дремучихъ и поляхъ дикихъ...

Въ давнія темныя времена громили тихихъ аборигеновъ нашего тихаго края Половцы, Хазары и иные воинственные степняки. Позднѣе и русскіе Рязанскіе и Черниговскіе князья не церемонились съ ними. Нако-

нецъ въ XIII столѣтіи свалилась на нашу землю извѣстная татарская гроза и съ тѣхъ поръ началось медленное и безповоротное вымираніе и обезличеніе Мещеры. Татарское иго со временемъ стало ослабѣвать. Очнулись и русскіе и все крѣпче и крѣпче стали утверждаться во всей восточной Европѣ... Даже Мордва и покоренные нами Татары долго еще крѣпились, упорно выдерживая въ своихъ укрѣпленныхъ городкахъ приступы Московскихъ дружинъ. Одна Мещера пассивно покорилась ходу историческихъ событій и добровольно укрылась въ сѣверо-восточномъ углу нынѣшней Тамбовской губерніи. Единственными ея національными памятниками служатъ въ настоящее время Спасскіе Мещерскіе женскіе костюмы и своеобразный выговоръ многихъ русскихъ словъ, наблюдаемый въ особенности въ селахъ Кириловѣ, Сядемкѣ и Красной Дубровѣ.

Прочнѣе Мещеры оказалась Мордва. Къ историческимъ судьбамъ этого племени мы и переходимъ теперь.

Мордва, населяющая въ настоящее время въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ сѣверные уѣзды Тамбовской губерніи, какъ народъ издавна политически слабый и крайне неразвитой, не имѣетъ своихъ письменныхъ историческихъ преданій и потому теперь нѣтъ никакой возможности составить ясное представленіе о прошедшихъ судьбахъ этого добродушнаго, трудолюбиваго, но обиженнаго исторіей племени. А указанія на Мордву въ русскихъ лѣтописяхъ настолько кратки и неясны, что по нимъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго относительно обитателей нашего сѣвера. Между тѣмъ это одно изъ самыхъ многочисленныхъ Финскихъ племенъ въ Россіи (болѣе 700 тысячъ), когда то тревожившее своими набѣгами русскія удѣльныя княжества: Рязанское, Суздальское, Черниговское и Нижегородское, такое племя, которое и по присоединеніи къ Москвѣ долго имѣло своихъ князей,

помогавшихъ Московскимъ царямъ собирать русскую землю...

Что Мордва раньше русскихъ населяла теперешнюю Тамбовскую губернію, это доказывается Мордовскими названіями мѣстныхъ городовъ, селъ и урочищъ. Самое названіе губернскаго города Тамбова есть, по всей вѣроятности, Мордовское. По Мордовски Тамбовъ значитъ: омутъ. Не далеко отъ Тамбова есть рѣчка Нару—Тамбовъ. Справляясь съ Мордовскимъ словаремъ мы узнаемъ, что Нару-Тамбовъ означаетъ: травяные омуты, что какъ разъ подходитъ къ свойствамъ названной нами рѣчки. Въ 90 верстахъ отъ Тамбова расположено извѣстное село Пичаево. И это названіе несомнѣнно Мордовское. Когда то очень давно,—говоритъ Мордовская легенда,—одинъ Мордовскій князь кочевалъ на мѣстѣ этого села. Тутъ у него умерла любимая жена и въ память ея огорченный мужъ вырѣзалъ изъ дерева статую, Пичь-аву, т. е. сосновую бабу. Въ окрестностяхъ Тамбова и еще есть много мѣстностей, носящихъ Мордовскія названія. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: поселокъ Ляда (отъ Ляй-оврагъ), Итляй (отъ Иде-Ляй: ребячій ручей), Сюмоляй (корыто-оврагъ) и Пичеяръ—сосновый оврагъ. Въ настоящее время среди Тамбовской Мордвы сохраняются весьма скудныя преданія о сравнительно недавней ея жизни, о послѣднихъ временахъ ея самостоятельности и о Татарскихъ набѣгахъ.

По преданію, послѣднимъ Мордовскимъ княземъ былъ нѣкто Тюштянь, жившій въ XVI столѣтіи. Это былъ правитель справедливый, безпристрастный и гонитель воровъ. За кражу малѣйшей вещи онъ приказывалъ вѣшать преступниковъ на висѣлицахъ. О смерти Тюштяня Мордовское преданіе разсказываетъ такъ. Когда пришло время ему умереть, онъ предложилъ своимъ подданнымъ вопросъ: умереть ли ему передъ глазами ихъ, или удалиться отъ нихъ куда нибудь живому и

тамъ умереть? Народное собраніе на это со слезами объявило ему: *очевидная смерть твоя будетъ для насъ несравненно прискорбнѣе неизвѣстной твоей отлучки. Послѣ видимой смерти твоей намъ не останется никакого утѣшенія, а если ты уйдешь куда и умрешь тамъ, то мы будемъ ожидать твоего возвращенія.*

Тюштянь послушался народа и ушелъ неизвѣстно куда, а на память о себѣ оставилъ будто бы свою трубу въ кустарникѣ близъ города Керенека.

Въ случаѣ непогоды, когда шумѣлъ вѣтеръ, труба эта издавала звуки и Мордовскій народъ, слыша это, съ радостію говорилъ: «царь нашъ еще живъ»... Какъ народъ политически слабый, Мордва издавна была притѣсняема другими народами, отъ которыхъ находила вѣрное убѣжище среди непроходимыхъ лѣсовъ, еще и доселѣ отчасти сохраняющихся въ сѣверныхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи. Свѣжѣе всего въ памяти Мордвы сохранились преданія о нападеніяхъ на нее Ногайскихъ татаръ. Въ Мордовскихъ селахъ и доселѣ еще поютъ пѣсни, содержаніемъ своимъ указывающія на скорбное положеніе и бѣдствія кореннаго Тамбовскаго племени... До обращенія въ христіанство, окончательно совершившагося въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, Мордва исповѣдывала многобожіе. Главнѣйшій Мордовскій богъ назывался Вярдя-шкай, но ему Мордва почти никогда не молилась, считая его существомъ слишкомъ недоступнымъ для людей. Остальные Мордовскіе боги существовали будто бы попарно. Напримѣръ: Мастаръ-ате (отецъ земли) и Мастаръ-ава (мать земли); Вѣдь-ате (отецъ воды) и Вѣдь-ава (мать воды); Пакся-ате (отецъ поля) и Пакся-ава (мать поля); Калдасъ-ате (отецъ двора) и Калдасъ-ава (мать двора); Кудъ-ате (отецъ дома) и Кудъ-ава (мать дома).

О началѣ міра языческая Мордва думала такъ. Сперва не было земли, повсемѣстно разливалась вода. Однажды богъ Вярдя-шкай плылъ въ лодкѣ и плюнулъ въ

воду, отъ чего произошелъ злой духъ въ видѣ птицы. Замѣтивъ его, Вярдя-шкай предложилъ ему принять участіе въ сотвореніи земли и для этого послалъ его на дно моря за землею. Дьяволъ исполнилъ повелѣніе Вярдя-шкая, но при этомъ скрылъ у себя во рту частицу земли. Когда же на поверхности воды стала образовываться суша, то и у злаго духа земля во рту стала увеличиваться, вслѣдствіе чего онъ сознался въ своемъ проступкѣ и выкинулъ изо рта покражу; отъ этого образовалась превысокая гора.

По сотвореніи міра богъ заключилъ съ злымъ духомъ условіе, по которому живые люди должны были принадлежать богу, а мертвые — злому духу. Но такъ какъ по дѣйствію злаго духа люди стали быстро умирать, то Вярдя-шкай вынужденъ былъ принять мѣры къ искупленію рода человѣческаго. Для осуществленія этого намѣренія Вярдя-шкая одинъ изъ его слугъ притворно покорился злому духу, вошелъ къ нему въ довѣренность и похитилъ у него условіе, заключенное съ Вярдя-шкаемъ, которое хранилось на днѣ моря въ одномъ камнѣ.

Объ исторіи перваго человѣка Мордва тоже имѣла свои представленія, именно такія:

Богъ помѣстилъ перваго человѣка, у котораго кожа была твердая, роговая, въ раю, а самъ куда-то отправился, поручивъ охраненіе рая собакѣ, которая тогда еще не была покрыта шерстью и считалась чистымъ животнымъ. Въ отсутствіе Вярдя-шкая къ райскимъ воротамъ подошелъ злой духъ, пообѣщалъ собакѣ покрыть ее шерстью и безпрепятственно вошелъ въ рай и оплевалъ всего человѣка, кромѣ оконечностей пальцевъ на рукахъ и ногахъ. Между тѣмъ въ рай вернулся Вярдя-шкай, и какъ онъ ни старался очистить человѣческое тѣло отъ дьявольской слюны, никакъ не могъ этого сдѣлать и принужденъ былъ снять съ человѣка кожу и выворотить ее наизнанку. Съ тѣхъ поръ человѣкъ

сталъ извергать слюну, а собака сдѣлалась нечистымъ животнымъ.

О сотвореніи второстепенныхъ боговъ Мордва думала такъ. Однажды Вярдя-шкай ударялъ одинъ камень о другой и вслѣдствіе этого вылетали изъ камней разные боги. Увидѣлъ эту работу злой духъ и самъ сталъ дѣлать тоже, только изъ его камней вылетали подобные же ему злые духи. Наконецъ Вярдя-шкай увидѣлъ это и произнесъ надъ работою злаго духа заклятіе. Тогда изъ камней, вмѣсто злыхъ духовъ, стали вылетать огненныя искры.

Общественное богослуженіе совершалось у Мордвы въ лѣсахъ. За нѣсколько дней до него жители Мордовскихъ селъ варили пиво, жарили мясо, пекли пироги и все это въ опредѣленное время приносили въ священный лѣсъ. Когда всѣ являлись на мѣсто, почтеннѣйшій изъ нихъ взлѣзалъ на вершину какого нибудь высокаго дерева, а остальные, ставъ на колѣни, молились ему такими словами: «Вярдя-шкай атя! тукъ тейнекъ шумбра параши, т. е. Всевышній Боже! дай намъ доброе здоровье». Тогда сидѣвшій на деревѣ громогласно отвѣчалъ: «дамъ, дамъ». Потомъ молившіеся просили у Вярдя-шкая урожая хлѣба, многочисленнаго и крѣпкаго скота и другихъ сельско-хозяйственныхъ благъ и на всѣ молитвы получали сверху тотъ же отвѣтъ: «дамъ, дамъ». По окончаніи молитвы начинался всеобщій пиръ.

Изъ языческихъ Мордовскихъ праздниковъ въ настоящее время извѣстны только два. Одинъ въ честь полевыхъ боговъ, другой въ честь домовыхъ боговъ. Первый праздникъ происходилъ въ полѣ и состоялъ главнымъ образомъ во всеобщемъ пированіи съ пѣснями и плясками, причемъ кости, оставшіяся отъ трапезы, бросались въ рѣки. Въ рѣкѣ Чіушѣ, протекающей у села Покровскихъ Селищъ, Спасскаго уѣзда, и теперь указываютъ мѣсто, куда бросали жертвенныя кости, чтобы предохранить ихъ отъ съѣденія домашними животными.

Мѣсто это называется: Пакарнь-Тамба-костяной омутъ. Кромѣ того, во время полеваго праздника среди пировавшихъ лежала высокая коврига съ зажженною на ней свѣчей... Въ ковригу усердные богомольцы клали серебряныя копѣйки, а по окончаніи пиршества поручали ее для сохраненія до слѣдующаго года какому нибудь почтенному человѣку. Объ этой ковригѣ есть такое преданіе. Когда Мордва приняла христіанство, въ нынѣшній Спасскій уѣздъ пріѣхалъ по порученію правительства какой-то чиновникъ, по имени Алексѣй Тимоѳеевичъ, и взялъ себѣ ковригу, польстившись на хранившіяся въ ней серебрянныя деньги. Это крайне возмутило Мордву, еще чтившую по старой памяти бывшія языческія святыни, и она приготовилась раздѣлаться съ Алексѣемъ Тимоѳеевичемъ по своему. Но тотъ и самъ уже образумился, потому что его постигли разныя несчастія. Онъ возвратилъ ковригу Мордвѣ и подарилъ серебряную ризу на образъ въ церковь села Покровскихъ Селищъ. Риза эта будто бы до сихъ поръ цѣла.

Обряды въ честь домоваго бога совершались Мордвою уже безъ особенной торжественности и каждымъ семейством на своемъ дворѣ. Въ этомъ случаѣ сперва было моленіе, а потомъ на ночь старики клали на столбахъ маленькіе хлѣбы и ежели на утро хлѣбовъ не оказывалось на мѣстѣ, то это считалось добрымъ предзнаменованіемъ. Значитъ, домовый богъ принималъ жертву.

Замѣчательно, что Мордва, еще въ періодъ язычества, почитала за праздники дни Св. Николая и ради этого еще до разсвѣта напивалась и наѣдалась.

При родинахъ особыхъ обрядовъ у языческой Мордвы не было. Имя новорожденному давала повивальная бабка. Если отецъ новорожденнаго во время родовъ былъ въ лѣсу, то давалось имя, выражавшее какую нибудь принадлежность лѣса. А если отецъ былъ въ полѣ, то новорожденнаго нарекали названіемъ того хлѣ-

ба, который сѣялъ или косилъ отецъ, или—того урочища, гдѣ онъ работалъ.

Свадебные обряды, по преданію, совершались у Мордвы слѣдующимъ образомъ. Отецъ жениха высматривалъ невѣсту и если она ему нравилась, то онъ бралъ хлѣбъ съ медомъ, верхомъ подъѣзжалъ къ ея дому, бросалъ хлѣбъ черезъ заборъ на дворъ и при томъ старался, чтобы его замѣтили, а за тѣмъ скакалъ домой. Отецъ же невѣсты или братья ея немедленно отправлялись за нимъ въ погоню и если не желали породниться съ нимъ, то догоняли его и возвращали ему хлѣбъ съ медомъ; въ противномъ случаѣ погоню дѣлали только для виду, а по возвращеніи съ погони созывали родныхъ и сосѣдей и ѣли съ ними подброшенный хлѣбъ.

Самый обрядъ брака совершался какою нибудь пожилою женщиною, которая брала у жениха шапку, а у невѣсты ленту, тѣмъ и другимъ водила нѣсколько разъ надъ ихъ головами и потомъ надѣвала на невѣсту шапку, а на жениха ленту. Тѣмъ и кончалось бракосочетаніе. Изъ старинныхъ Мордовскихъ пѣсень видно, что Мордва часто женила своихъ сыновей, когда они были еще въ колыбели. Дѣвушки же почти всегда вступали въ замужество около 30-лѣтняго возраста и воспитывали мужей своихъ вмѣсто дѣтей. Близкое родство при этомъ нисколько не служило препятствіемъ. Изъ одной Мордовской пѣсни видно, что вдовы должны были выходить замужъ за братьевъ умершихъ своихъ мужей, а вдовцы—жениться на своихъ свояченицахъ.

Касательно Мордовскихъ погребальныхъ обрядовъ извѣстно только то, что Мордва съ умершими клала въ могилу всѣ ихъ любимыя вещи и рабочіе инструменты. А съ дѣтьми клали въ могилу ихъ игрушки и тѣ сосуды, изъ которыхъ принимали они пищу. На это между прочимъ указываютъ случайныя раскопки старинныхъ Мордовскихъ кладбищъ.

Мордва совершала также поминовеніе своихъ умершихъ. Съ этою цѣлію родственники шли на могилы, привязывали около нихъ быковъ или барановъ, молились и за тѣмъ рѣзали животныхъ и пировали. Пиръ этотъ чаще всего происходилъ ночью, потому что Мордва думала, что покойники именно ночью могутъ приходить къ своимъ роднымъ.

Въ настоящее время Мордва имѣетъ самыя странныя понятія о приличіи. Молодая Мордовка ни за что не покажется свекру или другому какому нибудь пожилому своему родственнику босая и безъ головнаго покрывала.

Въ этихъ видахъ Мордовки даже спятъ въ обуви, въ лаптяхъ, или же въ большихъ сапогахъ съ напускомъ. Между супругами эти приличія доходятъ даже до того, что они никогда не называютъ другъ друга по имени, а вмѣсто того употребляютъ мѣстоимѣнія, или же прилагательныя, означающія какіе нибудь недостатки того или другой, напримѣръ рябой, хромой; косая, кривобокая... Въ теченіи нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ послѣ брака молодые стыдятся разговаривать между собою при постороннихъ людяхъ о чемъ бы то ни было.

Браки у Мордвы совершаются безъ всякаго предварительнаго согласія жениха и невѣсты. Въ данномъ случаѣ все зависитъ рѣшительно отъ воли родителя. До вѣнчанія и во время вѣнчанія женихъ даже не можетъ видѣть лица невѣсты, закрытаго бѣлымъ платкомъ.

Когда женихъ пріѣзжаетъ съ поѣзжанами за невѣстою въ домъ отца ея и входитъ въ избу, гдѣ она сидитъ за столомъ совсѣмъ уже снаряженная, то принужденъ бываетъ выслушивать отъ будущей своей жены слѣдующія привѣтствія: «не въ домъ отца моего взошелъ бы ты, вышній богъ прокляни тебя, а на острый ножъ пошелъ бы ты.» Когда женихъ садится около невѣсты, она продолжаетъ: «не на лавку отца моего присѣлъ бы ты, а между досками въ гробѣ растянулся бы

ты.» Съ подобными же словами невѣста обращается и къ своимъ подругамъ, которыя убираютъ ей волосы. Наконецъ она проклинаетъ и себя за то, что идетъ замужъ. Послѣ этого женихъ насильно беретъ ее за руки, между тѣмъ какъ невѣста изо всѣхъ силъ отбивается отъ него, и тащитъ ее къ выходу, причемъ молодая въ дверяхъ упирается руками и ногами въ дверные косяки. На другой день свадьбы молодыхъ ведутъ къ колодцу и при этомъ молодая бросаетъ въ воду какую нибудь монету, а затѣмъ они наливаютъ ушатъ водою и несутъ домой. Гости же вырываютъ у нихъ этотъ ушатъ и водою изъ него поливаютъ другъ друга. Затѣмъ молодой даютъ новое имя. Этихъ именъ только пять: Мази, Вяжи, Тязи, Павай и Тяти. Первое имя означаетъ: красивая, остальныя не имѣютъ опредѣленнаго смысла. Новое имя даетъ молодой какой нибудь мальчикъ, чаще всего родственникъ молодаго, и при этомъ ударяетъ ее по лбу три раза небольшой ковригой хлѣба. И какъ только молодая получитъ новое имя, прежнее ея христіанское имя въ семьѣ уже не употребляется.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Мордовскомъ языкѣ. Мордовскій языкъ въ лексическомъ отношеніи самый бѣдный и въ настоящее время видимо изчезаетъ. Нѣкоторыя Мордовскія села, напримѣръ: Леплейка, Вечуткино и Кельгенино, на нашихъ глазахъ подвергаются русской ассимиляціи и уже не далеко, повидимому, то время, когда вся Мордва окончательно сольется съ массою русскаго народа, какъ это уже сдѣлалось съ Тамбовской Мещерой. Въ Мордовскомъ языкѣ имена существительныя не различаются по родамъ, а глаголы имѣютъ пять наклоненій: неопредѣленное, изъявительное, повелительное, желательное и уступительное. Чистаго Мордовскаго языка въ настоящее время уже нѣтъ. Рѣчь Мордовская часто перемѣшивается съ русскими словами, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ одной Мордовской пѣсни:

«Вандыни Ушмань Байкась порашась,
Седландазе сѣрый-бурый аламанцъ
Сергя-дизнь вислоухій-борзый нзанъ...

Хотя эта пѣсня вовсе не отличается ритмическими совершенствами, тѣмъ не менѣе мы приводимъ ее въ буквальномъ переводѣ, такъ какъ она не лишена историческаго интереса и указываетъ намъ на былые факты горемычной Мордовской жизни.

—И сегодня Байка Ушмань на охоту,
И завтра Байка Ушмань на охоту.
Осѣдлалъ онъ сѣро-бураго коня
И позвалъ вислоухихъ псовъ своихъ.
Задумалъ Байка ѣхать въ Ногайское поле,
И загналъ онъ тамъ бѣлаго зайца.
И поймалъ его старый Ногаецъ.
Заставили Байку дитя качать.
Баюшки-баю, Ногайское дитя,
Ногайское, проклятое...
—Зачѣмъ, Мордовскій сынъ, ругаешься?
Отвѣчалъ Мордвинъ: вы взяли въ полонъ сестру мою,
Словили потомъ и меня самого.
—Скажи мнѣ, Мордовскій сынъ, откуда ты?
Такъ спросила его жена Ногайцева.—
— Большаго села, села Ачадова.
— Изъ Ачадова чей ты сынъ?
— А сынъ я Ушмая старика.
— Сама я, братецъ, сама я, матушка,
— Ушмая старика дочка.
— Не тужи, не печалься,
— Старикъ Ногаецъ отпустилъ тебя.
— Убѣжимъ, сестра, уйдемъ, моя матушка!

— Не пойду я, братецъ мой,
— Сыновей своихъ не покину я... *)

Здѣсь мы оканчиваемъ свои сообщенія о Тамбовской Мордвѣ и возвращаемся къ Тамбовскимъ писцовымъ книгамъ.

Въ царствованіе царя Өеодора Алексѣевича уполномоченному села Питерскаго, Моршанскаго уѣзда, *Савкѣ Корнилову, сыну Зайцеву* дана была изъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ выпись на тяглую и оброчную землю и въ той выписи было написано:

«Село Питерское, на рѣкѣ Цнѣ, а въ немъ церковь Пресвятыя Богородицы Казанская древяна съ трапезою, крыта тесомъ, на церкви глава обита чешуею, на ней крестъ и яблоко опаиваны бѣлымъ желѣзомъ, а въ церкви образовъ довольно (слѣдуетъ перечень) и писаны они на празелени, межъ ними образъ благоразумнаго разбойника; сосуды церковные оловянные, ризы миткалинныя, оплечье червчатой тафты, подризникъ полотняный, оплечье крашенинное, эпитрахиль—камка синяя, опушена киндякомъ; поясъ нитяный. А книги церковныя старой и новой печати и оныхъ полный кругъ.

Въ XVII столѣтіи село Питерское было уже значительнымъ поселеніемъ. Это видно изъ слѣдующаго продолженія нашей писцовой записи: «въ томъ же селѣ Питерскомъ другая церковь великаго чудотворца Николая древяна на подклѣтяхъ, олтарь прирубленъ, крыта тесомъ, на ней крестъ древянъ, а въ церкви образовъ довольно (между ними опять образъ благоразумнаго разбойника). Передъ образомъ Спасовымъ паникадило мѣдное о 12-ти перахъ, у паникадила кисть нитная, да

*) Пѣсня эта, а равно и всѣ свѣденія о Мордвѣ заимствованы нами изъ рукописей Бориса Алексѣева Мурзаева, родомъ Мордвина, который былъ волостнымъ старшиною въ селѣ Зарубкинѣ, Спасскаго уѣзда. Это былъ человѣкъ замѣчательно начитанный и умный. За составленіе записки о Мордвѣ онъ получилъ званіе члена-корреспондента императорскаго географическаго общества.

въ олтарѣ престолъ поволоченъ съ трехъ сторонъ выбойкою, а съ четвертой—холстиною. У образа Пресвятыя Богородицы прикладъ денегъ рубль 7 алтынъ 2 денги, предъ образомъ подсвѣчникъ древяный, а вѣсу въ немъ три гривенки. Колокольня рублена въ четыре стѣны, крыша шатромъ, на верху крестъ древянъ, на колокольнѣ три колокола. А обѣ тѣ церкви—строеніе священника Ивана Григорьева съ прихожаны и около церквей площади для погребенія умершихъ, длиннику тридцать сажень, поперечнику тожъ.»

Изъ этого описанія Питерскихъ церквей безъ всякаго объясненія видна ихъ скудость, особенно во внутреннемъ украшеніи и облаченіи. При этомъ, между прочимъ, обращаемъ вниманіе читателей на странную икону благоразумнаго разбойника, повидимому указывающую на особенности нравовъ отжившаго Тамбовскаго народонаселенія...

Даже слѣдуетъ перечисленіе жителей села Питерскаго, начиная съ духовенства.

«У церкви попъ Иванъ Григорьевъ и у него дѣти: Митька 12-ти лѣтъ, Лазарка 8-ми, Федотка 5-ти лѣтъ, Марька—году. У него жъ братья: Якушка, Федотка, Ларька съ дѣтьми. При той же церкви церковный дьячекъ Сафрошка Самсоновъ и у него дѣти Ивашка да Степка, оба женаты; у Ивашки дочь Параска—году, у Степки сынъ Фирска—полугоду. Да притой же церкви просвирница Марьица Никитина».

Земельный надѣлъ Питерскаго причта, сравнительно съ теперешнимъ таковымъ же обезпеченіемъ духовенства, былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Это видно изъ дальнѣйшихъ словъ писцовой книги.

«А попу съ причтомъ государева жалованья пашенныя земли дано противъ писцовыхъ книгъ Богдана Карпова да дьяка Третьяка Копнина по 24 десятины въ полѣ, а въ дву потому жъ, изъ завытной крестьянской земли. А сѣнные покосы ему съ причетники коситъ

300 копенъ. И чтобъ у него попа ссоры не было, дана той церковной землѣ межа отъ дуба, что стоитъ у рѣчки Ивенки, а на томъ дубѣ двѣ грани, прямо поперегъ поля на столбъ, на немъ двѣ грани, а отъ того столба столбовой дорожкой на столбъ же, на немъ двѣ грани.»

Всѣхъ крестьянскихъ тягловыхъ дворовъ въ селѣ Питерскомъ было 80, да 6 дворовъ *бобыльскихъ людей*.

А оброку имъ бобылямъ,—говорится въ писцовой записи,—въ казну великаго государя платить съ бобыльскаго двора по 8 алтынъ и по 2 деньги на годъ.»

Перечень крестьянскихъ дворовъ и ихъ обитателей, конечно, неинтересенъ и потому мы значительно сокращаемъ его. Выдержку изъ этого перечня мы приводимъ единственно съ тою цѣлію, чтобы показать тягловыя отношенія Питерскихъ крестьянъ къ казнѣ.

«Вытчикъ Степка Андреевъ, тягла подъ нимъ полдесятины, а у Сеньки Шелудяка тягла десятина, а у Аникея Бражникова тягла четь десятины, отецъ его Гаврилка посланъ на службу на Донъ. Да у Сеньки Ильина тягла полчети десятины; у Ивашки Кузнецова тягла четь десятины да у него жъ купленный дѣтина Литовскаго полону Ивашка Михаиловъ да Литовскаго жъ полону дѣтинка Наумка 2-хъ лѣтъ. У Антипки Иванова тягла 1 $^{1}/_{2}$ десятины.»

Земельный надѣлъ Питерскихъ крестьянъ былъ очень щедрый. *Подъ дворами и животинными выпусками* у нихъ было по 30 десятинъ.

«Пашутъ же оные крестьяне,—продолжаютъ писцовыя книги,—по 16 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна косятъ по 500 копенъ. Да они жъ крестьяне пашутъ сверхъ своихъ тягловыхъ жеребьевъ завытной земли по 11 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣна на всѣ выти 1666 копенъ. Да у нихъ же сверхъ ихъ дачи лишней примѣрной земли 2507 десятинъ въ полѣ, а во всѣхъ трехъ поляхъ 7521 десятина. Да четвертной пашни 15042 четверти и та примѣрная

земля, дикая степь, отдана имъ же крестьянамъ въ оброкъ. А въ лѣсъ имъ, села Питерскаго крестьянамъ, въѣзжать въ черный Ценскій лѣсъ и сѣчь хоромный и дровяной лѣсъ опричь бортнаго деревья».

Въ имѣющихся у насъ писцовыхъ отрывкахъ одна и та же рѣчь, кромѣ села Питерскаго, ведется еще и о слѣдующихъ селахъ: Алкужахъ, Серповомъ, Алгасовѣ, Темашевѣ и Мутасьевѣ. Тамъ же есть свѣденія подобнаго рода и о бывшей Мамонтовой пустыни. Такимъ образомъ оказывается, что экономическій быть нашихъ крестьянъ XVII вѣка отличался вполнѣ удовлетворительнымъ состояніемъ, крайне завиднымъ для современнаго обезземеленнаго крестьянства.

«Село Алкужи, — сказано въ писцовой записи, — на рѣкѣ на Цнѣ и на рѣкѣ Пичаевѣ. А въ немъ церковь воскресенія Христа Бога нашего древяна на подклѣтяхъ, и та церковь крыта тесомъ, на ней верхъ шатровый, на осмерикѣ глава обита чешуею, крестъ и яблоко опаиваны бѣлымъ желѣзомъ, а въ церкви иконъ довольно (между ними на сѣверныхъ дверяхъ опять образъ благоразумнаго разбойника). Евангеліе на престолѣ печатное въ десть, поволочено бархатомъ, евангелисты мѣдные и ветхіе; сосуды церковные древяные, воздухъ объяри золотныя, покровы атласъ золотный, ризы и подризникъ полотняные, оплечье выбойчатое, эпитрахиль выбойчатая, а книгъ печатныхъ и письменныхъ полный кругъ».

Въ селѣ Алкужахъ дворовъ тяглыхъ крестьянъ и бобыльскихъ было ровно столько же, сколько и въ селѣ Питерскомъ, т. е. 80 тяглыхъ и 6 бобыльскихъ. Но, очевидно, въ селѣ Алкужахъ въ XVII столѣтіи жить было не безопасно и не легко. На это указываетъ слѣдующая характерная приписка бывшей въ нашихъ рукахъ писцовой записи:

«А въ томъ селѣ Алкужахъ увѣчныхъ 122 человѣка. Да изъ того жъ села бѣжало на Донъ 280 человѣкъ».

О селѣ Серповомъ наши документы говорятъ такъ:

«Новосельскаго десятку село Серповое на рѣкѣ Серповой, а въ немъ церковь обновленія Храма воскресенія Христа Бога нашего древяная на подклѣтяхъ, рублена въ красномъ лѣсу; кровля ветха; на церкви крестъ древяный, а въ церкви строеніе иконъ немалое и на иконахъ убрусцы кумачные красные; сосуды церковные древяные, воздухъ и покровъ выбойчатые, опушены кумачемъ краснымъ. Колокольня у той церкви на одномъ столбѣ, крыта тесомъ,—на ней 2 колокола».

Духовенство въ селѣ Серповомъ обезпечено было землею сравнительно не богато. Ему дано было 24 десятины въ полѣ да сѣна 200 копенъ. Состояло оно изъ слѣдующихъ лицъ: попа Мирона Иванова («а у него дѣтинка польскаго полону Никитка Федоровъ 13 лѣтъ»). и дьячка Алешки Матвѣева («да у него купленый человѣкъ полякъ Федька»).

Село Серповое было служилое и потому въ XVII вѣкѣ посылали изъ него на службу великаго государя на Донъ по 416 человѣкъ.

Надѣлъ Серповскихъ крестьянъ былъ такой же, какъ у жителей селъ Питерскаго и Алкужей. Межи означены были у нихъ по обычаю деревьями, столбами и ямами, а въ ямахъ *уголья, береста и черепья.*

Извѣстное село Моршанскаго уѣзда Алгасово, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, уже въ XVII столѣтіи было весьма населеннымъ пунктомъ. Въ немъ было 272 тяглыхъ двора да бобыльскихъ 29 дворовъ. На службу великаго государя на Донъ послано было изъ Алгасова 96 человѣкъ, да 26 человѣкъ служили по Тамбовскому валу, *оберегаючи его отъ Ногайскихъ Татаръ.*

Писцовое описаніе села Алгасова таково:

«Село Алгасово на рѣкѣ на Вопшѣ, а въ немъ церковь св. пророка Иліи, рублена въ красномъ лѣсу; около церкви и трапезы съ двухъ сторонъ паперти; церковь крыта тесомъ; кресты и яблоки опаиваны бѣ-

лымъ желѣзомъ; на сѣверныхъ дверяхъ писанъ благоразумный разбойникъ; паникадило мѣдное о шти перахъ, на престолѣ евангеліе печатное въ десть, поволочено выбойкою, на престолѣ пелена выбойчатая, воздухъ выбойчатый, а сосуды церковные древяные и ризы брусничныя, оплечье камка зеленая—прикладъ крестьянина Федора Наумова, да ризы полотняныя—оплечье выбойчатое и красный стихарь полотняный. И книгъ церковныхъ, печатныхъ и письменныхъ, довольно—прикладъ крестьянина Федора Наумова».

Другая церковь въ селѣ Алгасовѣ была построена въ 1656 году во имя великомученика Димитрія Селунскаго. Была она такая же бѣдная, какъ и первая церковь. Обѣ церкви-строеніе приходскихъ людей. При нихъ священники: Иванъ Марковъ, Симеонъ Васильевъ и Алексѣй Марковъ; дьяконъ Иванъ Афанасьевъ; церковные дьячки: *Ярошка Ѳоминъ, Микитка Ѳоминъ и Данилка Борисовъ*; *а просвирница Лукерьица Борисова*.

«А священникамъ села Алгасова и причту,—сказано въ писцовой записи,—дано государева жалованья изъ вытной крестьянской земли 25 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому жъ; сѣнныхъ покосовъ 300 копенъ, которые сѣнные покосы дадены имъ крестьянами изстари».

Села Тимашево и Мутасьево описаны въ нашихъ писцовыхъ книгахъ весьма кратко. Поэтому и мы скажемъ о нихъ немного.

«Село Тимашево на рѣкѣ Вопшѣ, а въ немъ церковь великаго чудотворца Николая, древяная, крыта тесомъ, а строена въ 1650 году. Всѣхъ дворовъ въ Тимашевѣ 108. Въ тягло поспѣло 61 человѣкъ, недорослей 204 человѣка. На службу на Донъ послано 49 человѣкъ. Увѣчныхъ 5 человѣкъ. Есть въ селѣ 8 дворовъ солдатскихъ, что служатъ по Тамбовскому валу, да 5 дворовъ бобыльскихъ. Платятъ они въ казну великаго государя по 8 алтынъ по 2 деньги».

О жителяхъ села Мутасьева намъ извѣстно только то, что они ссорились съ жителями извѣстнаго села Пичаева-вотчиною Рязанскаго Радовицкаго монастыря. Ссора эта выражалась въ томъ, что Мутасьевскіе крестьяне не пускали своихъ сосѣдей Пичаевцевъ въ лѣсъ для рубки хоромнаго и дровянаго дерева. По этому поводу бывали у нихъ даже серьезныя рукопашныя схватки. Наконецъ миръ былъ заключенъ на томъ условіи, чтобы Пичаево платило Мутасьеву ежегодную дань по 3 рубля.

Что касается Мамонтовой пустыни, которая въ XVII столѣтіи была приписана къ Саввино-Сторожевскому монастырю, то относительно ея намъ извѣстно лишь то, что ее сильно притѣсняли Тамбовскіе воеводы. Поэтому изъ Москвы послѣдовалъ слѣдующій царскій указъ: «стрѣльцовъ, пушкарей и разсыльщиковъ отъ Тамбовскаго воеводы въ пустынь не посылать и монастырскихъ крестьянъ и бобылей ему, воеводѣ, не вѣдать.»

Земли у Мамонтовой пустыни было 500 четвертей въ полѣ, покосовъ на 5000 копенъ. Вся монастырская земля сначала была *дикою степью* и для братскаго пропитанія ее распахивали монастырскіе крестьяне. Когда *дикая степь* превратилась въ пашню, монахи пожаловались царю на свое *сиротство* и *обнищанье* и дано было имъ примѣрной земли 400 четвертей въ полѣ...

Между тѣмъ какъ въ XVII столѣтіи Моршанскій уѣздъ наполнялся русскимъ населеніемъ, сѣверные наши уѣзды въ то время почти исключительно были Мордовскими и Татарскими. Это видно изъ писцовыхъ книгъ Темниковскаго *писца, мѣрщика и дозорщика* Степана Хрущова. Дѣятельность его относится къ 1621 году.

Въ XVII столѣтіи большинство Темниковскихъ и Кадомскихъ Татаръ принадлежало къ служилымъ людямъ и были у нихъ русскіе холопы. Земледѣліе въ томъ краѣ, *за худыми пашнями,* было слабое, вслѣдствіе этого обыватели кормились больше звѣроловствомъ, для котораго дремучіе боры представляли обширное поле. Въ этихъ

борахъ охотники ловили медвѣдей, волковъ, лисицъ, куницъ, бобровъ, зайцевъ; ловили птицу всякую и бортную пчелу. Все это вполнѣ подтверждается слѣдующею писцовою выписью:

«У Темниковскаго мурзы Позняка въ деревнѣ Караевѣ дворъ помѣщиковъ съ пристройками, да у него жъ дворовыя избы, а живутъ въ нихъ дворовые люди: Микулка Васильевъ да бобыль Любимка Ивановъ, да Гаврюшка Тихоновъ—прозвище Милованка, и у тѣхъ дворовыхъ людей многія дѣти. А пашни у Позняка худыя и малыя и сѣнные покосы по Сокольской дорогѣ къ Ногайскимъ воротамъ. Да у него жъ Позднякa бортные ухожьи со пчелами и безъ пчелъ, рыбныя ловли, омута и всякія угодья, и звѣриныя ловли съ лосемъ, медвѣдемъ и волкомъ и лисицею и куницею и зайцемъ и бѣлкою, и орловымъ и ястребовымъ гнѣздомъ, бобровыми гонами, раменьями и перевѣсьями. И тѣ земли порубежныя съ Мордвою.»

Служилые Темниковскіе Татары, повидимому, отличались вѣрностію Московскому правительству. Это видно изъ ихъ коллективнаго прошенія на имя царя Алексѣя Михаиловича.

«Въ 7109 году,—жаловались они,—въ бунтъ воровскихъ казаковъ домы наши разорили и всякія крѣпости подрали и пожгли и крестьянъ и бобылей нашихъ побили.»

Такъ какъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ изъ Темниковскихъ татаръ составляли рейтарскій полкъ, то правительство относилось къ нимъ съ крайнею предупредительностію и щедро надѣляло ихъ землями и угодьями. Однако потомки Чингизхана не довольны были Московскою щедростію и постоянно добивались новыхъ пожалованій.

«Нынѣ мы грѣхами своими,—плакались они,—обнищали, стали увѣчны и скорбны и службы служить намъ не въ мочь, и то увѣчье наше вѣдомо боярину Ильѣ Данило-

вичу Милославскому и засвидѣтельствовано аптекарскими грамотами лѣкарей Юрья Еганова да Данилы Утѣшева».

Всѣ Темниковскіе неслужилые люди платили ясакъ. Такимъ образомъ самая форма сбора казенныхъ податей указываетъ на первобытность культурнаго быта Темниковскаго народонаселенія въ XVII вѣкѣ.

Издѣльная промышленность Темниковскихъ обывателей въ описываемое нами время выражалась въ гонкѣ смолы и поташа и въ сидкѣ дегтя. Въ Темниковскихъ лѣсныхъ дебряхъ образовалась тогда Починковская поташная волость съ воеводой во главѣ. Къ этой волости, между прочимъ, принадлежали и теперь существующія наши села: Анаево, Вадовскія Селищи и Пичкиряевскій Майданъ.

Въ 1622 году мѣрили и описывали Кадомскій уѣздъ. Составителемъ *дозорныхъ* книгъ на Кадомскія пашенныя земли и на бортные *ухожьи* и на сѣнные покосы былъ стольникъ Афанасій Степановъ Нармацкій съ подъячимъ Макаромъ Внуковымъ. Въ это время почти всѣ жители Кадомскаго уѣзда были язычники—Мордва. Обращеніе ихъ въ христіанство началось уже при Никонѣ, который естественно принималъ къ сердцу духовные интересы своихъ земляковъ — соплеменниковъ. Православныхъ церквей вокругъ Кадома было очень мало. Большею частію въ дремучихъ Кадомскихъ лѣсахъ ютились Мордовскія юрты и починки. Селъ было тоже мало. Къ числу ихъ принадлежало и теперь существующее село Стандрово, о которомъ въ писцовыхъ книгахъ написано такъ:

«Село Стандрово на рѣчкѣ на Сендорѣ, а въ немъ живутъ Мордва Бокай Мансютовъ, Богдашка Межинъ, Учай Атятинъ, Нухтай Пороватовъ и другіе. А всего въ той деревнѣ 21 пашенный дворъ, да не пашенныхъ 5 дворовъ да пустыхъ 2 двора. А съ живущихъ въ томъ селѣ подати съ выти 2 чети ржи, овса тожъ; съ бобылей оброку 16 алтынъ 4 деньги, по гривнѣ съ двора. Съ тое жъ Стандровскія Мордвы съ ихъ вотчинъ по

ихъ сказкѣ медвянаго оброку 4 пуда 15 гривенокъ, да пошлины по 5 денегъ съ пуда, ясачныхъ денегъ 20 алтынъ 5 денегъ да съ 2 куницъ 26 алтынъ 4 деньги, и тѣ ясачныя деньги платить въ Кадомѣ и Темниковѣ».

Стандровская и окрестная Мордва, повидимому, отличалась зажиточностію. Она снимала въ Кадомѣ рыбныя ловли по всему бассейну рѣки Вада и всегда сполна платила оброкъ, *не запущая платежей въ доимку.*

Рядомъ съ Кадомскою Мордвою, въ юго-восточномъ направленіи, была, такъ называемая, Мещерская земля, но въ XVII столѣтіи она была уже подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ и вся—христіанская. Все это достигнуто было усиленною раздачею Мещерскихъ земель русскимъ землевладѣльцамъ. Въ 1626 году, *по государеву царя и великаго князя Михаила Өеодоровича указу,* Мещерскія земли описывалъ князь Леонтій Ивановичъ Шаховской съ подъячимъ Боженомъ Степановымъ. Онъ же нарѣзывалъ вотчинныя угодья новымъ владѣльцамъ Мещерскимъ. Такъ, стремянному конюху Ивану Арбеневу дано помѣстье близъ села Подъясакова, въ Подлѣсскомъ стану.

«А въ томъ селѣ,—говоритъ писцовая выпись,—церковь Воздвиженія да придѣлъ Введенія и та церковь древяна, клѣцки, и стоитъ она безъ пѣнія и въ ней 5 мѣстъ».

Послѣднее указаніе для насъ очень важно. Ясно, что Мещерская земля была слишкомъ глухою стороною, если церкви ея стояли безъ пѣнія и церковныя мѣста оставались вакантными.

Многіе Мещерскіе надѣлы, по случаю обилія пустопорожнихъ земель, отличались весьма значительными размѣрами. Это видно изъ мѣрныхъ книгъ князя Леонтія Мещерскаго. «Около села Дуткина,—сказано въ этихъ книгахъ,—за Иваномъ Яковлевымъ Вельяминовымъ и братьями Свищовыми написана земля и той земли вдоль 2 версты, а поперекъ верста, и всей той вотчинѣ сдѣланы грани».

Въ 1645 году присланъ былъ въ Шацкую область писецъ и мѣрщикъ Семенъ Глѣбовъ съ дьякомъ Герасимомъ Лавровымъ. Черезъ 13 лѣтъ работы его повѣрялись и дополнялись стольникомъ Иваномъ Ладыженскимъ и дьякомъ Никитою Насоновымъ. Повидимому, обоимъ писцамъ пришлось работать не мало, потому что они описали всю Шацкую провинцію, а въ той провинціи были уже сотни селъ, пригородовъ, остроговъ, деревень, погостовъ и починковъ обывательскихъ и сторожевыхъ. Сохранилась ли вполнѣ колоссальная работа нашихъ тружениковъ XVII вѣка, мы не знаемъ. Мы встрѣчались только съ отрывками ихъ описей. Съ ними и знакомимъ нашихъ читателей *).

Въ половинѣ XVII столѣтія Шацкій уѣздъ былъ раздѣленъ на слѣдующіе станы: загородный (въ немъ упоминается село Апушка), Борисоглѣбскій, Залѣсскій (съ селами Шибряемъ и Рамзою и вотчинами стольника Грибоѣдова), Среднй (а въ немъ села Петъ, Прудищи и Подтенигузово), Ценскій станъ, Подлѣсскій съ селомъ Агишевымъ и Замокшенскій станъ.

«Въ Замокшенскомъ стану,—говоритъ писцовая выпись,—есть Благовѣщенскій погостъ, а на погостѣ церковь древеная, клѣцки, а въ церкви образы и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе приходное; а у церкви попъ Иванъ Григорьевъ, попъ Петръ Поликарповъ да пономарь Тимошка Петровъ съ сыномъ съ Игнашкою и просвирница Катерина Афанасьева. Да на погостѣ нищіе питаются отъ церкви Божіей 22 человѣка. А пашни церковныя, земля добрая, 100 четвертей въ полѣ, а сѣна по Ерховской дорогѣ 530 копенъ.»

Изъ этого писцоваго отрывка мы видимъ, что Шацкіе приходы отличались излишествомъ священнослужителей и такъ называемыхъ церковныхъ бобылей.

---

*) Недавнія поѣздки наши въ Москву для занятій въ тамошнихъ архивахъ убѣдили насъ, что въ центральныхъ архивахъ хранится масса Тамбовскаго писцоваго матеріала.

Оба эти обстоятельства были главнымъ условіемъ бѣдности нашего приходскаго духовенства и слабости его пастырскаго авторитета. Но были у насъ и состоятельные приходы, удовлетворительно обезпеченные писцовой землей. При Добренской соборной церкви жалованной царской земли было 378 десятинъ, при Богоявленскомъ погостѣ—400 десятинъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти земли во времена генеральнаго межеванія были секуляризованы, или же въ позднѣйшіе годы ихъ *оттягали*. Такъ, въ 1811 году у Тамбовской Знаменской церкви были отняты секретаремъ Протасовымъ земля и лѣсъ (при впаденіи Периксы въ Цну*).

Дальнѣйшія выписи, бывшія въ нашихъ рукахъ, указываютъ на господствующіе промыслы Шацкой провинціи. Обиліе лѣсовъ по Цнѣ и Ваду вызывало народонаселеніе на лѣсные промыслы, въ особенности на сидку смолы. «И тотъ промыселъ былъ отъ сосновыхъ пней и сидѣли крестьяне смолу ведръ по 300 и болѣе. Да тѣ жъ крестьяне сплавляли лѣсъ и валежникъ рѣками на продажу».

Въ прежнія времена Шацкія рѣки были гораздо многоводнѣе и вслѣдствіе этого по нимъ плавали большія суда. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по теченію рѣки Выши найденъ остовъ большой затонувшей барки, между тѣмъ въ настоящее время и самыя малыя суда не могутъ уже идти по совершенно обмелѣвшей Вышѣ.

Многоводныя Шацкія рѣки отличались въ XVII столѣтіи обиліемъ всякой рыбы». Изъ Волги,—читаемъ мы въ нашихъ документахъ,—заходятъ въ Цну и Мошку осетры и бѣлуга, а всегдашняя рыба въ тѣхъ рѣкахъ такова: стерляди, судаки, лещи, головли, язи, налимы, караси, окуни, плотва, щуки, сомы и разная мелкая рыба. И ту рыбу сушатъ и коптятъ и продаютъ зимою и лѣтомъ. А ловятъ ее неводами, поѣздами, сѣтьми и вентерями».

---

*) Архивъ Тамбовской духовной консисторіи № 670. 13 Ноября.

Шацкая провинція славилась въ XVII столѣтіи множествомъ пустопорожнихъ земель и крайнею дешевизною любой десятины. Десятина *доброй* земли стоила меньше рубля. Впрочемъ, въ концѣ XVII столѣтія разные служилые люди быстро начали разбирать эти земли, при чемъ лучшіе участки достались служилымъ Татарамъ, которые постоянно плакались Московскому правительству на свое убожество. «Волею Божіею,—билъ челомъ царямъ Іоанну и Петру мурза Канчуринъ,—дворишка мой сгорѣлъ безъ остатку и многіе крестьяне мои и бобыли разбѣжались и сталъ я нагъ и убогъ». Мурзѣ Канчурину даны земли въ Керенскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь село Пимбуръ.

Обиліе инородческаго населенія въ Шацкомъ краѣ было причиною бѣдности провинціальныхъ храмовъ. Въ описываемое нами время Шацкій протопопъ Никитинъ вотъ что писалъ мѣстному воеводѣ: «въ ономъ городѣ Шацку имѣется соборная церковь, а приходу въ ней ничего не имѣется и во время божественнаго пѣнія подаянія къ сооруженію оной церкви ни отъ кого никакого не бываетъ. А когда бываетъ молебное пѣніе и то пѣніе, за малоимѣніемъ при той церкви колоколовъ, весьма скудно звономъ».

Между прочимъ намъ попались писцовые отрывки, касающіеся нынѣшняго Лебедянскаго уѣзда. Лебедянскія земли мѣрилъ и описывалъ въ 1625 году Леонтій Погожевъ съ подъячими Кирилою Семеновымъ. Вотъ образцы ихъ записей: «за Артемьемъ Ивановымъ сыномъ Яковлевымъ въ деревнѣ Копылѣ на рѣчкѣ Копылѣ на его жеребій дворъ помѣщиковъ со крестьянскими и бобыльскими дворами, да за нимъ же пашенной земли да перелогу 67 четвертей, да дикаго поля 30 четвертей, и та земля добрая».

«А за Борисомъ Перовымъ жеребій подъ Романцевымъ лѣсомъ и того жеребья 77 четвертей. Да въ деревнѣ Озеркахъ, Возгривая тожъ, Микитинское помѣстье

Будаева и тѣ земли въ Бруслановскомъ стану 65 четвертей. Да безпомѣстному Ельчанину Ивану Матвѣеву, сыну Иванову, дано помѣстье со всѣми угодьи 150 четвертей и та земля въ Журавейникѣ до Яблоноваго верху».

Лебедянскія степи въ XVII вѣкѣ большею частію были пустошью и дикимъ полемъ. Въ лѣтнюю пору водились въ нихъ массы всякой перелетной дичи и правительство Московское всячески привлекало туда переселенцевъ. Особенно заботился объ этомъ царь Алексѣй Михаиловичъ. «И тѣмъ крестьяномъ,—писалъ онъ,—которые въ томъ полѣ учнутъ жити, пашни пахать и сѣно косить и быть во всякомъ береженьи».

Изъ всѣхъ Тамбовскихъ писцовыхъ книгъ намъ съ ясностію открывается тотъ фактъ, что Тамбовскій край со времени русской колонизаціи былъ преимущественно земледѣльческимъ краемъ. Къ земледѣльческому труду наше крестьянство было привлекаемо прежними обширными крестьянскими надѣлами и тучностію еще непочатой почвы. Правда, лишніе хлѣбные запасы не имѣли у насъ въ XVII столѣтіи правильнаго и постояннаго сбыта, за то не было въ Шацко-Тамбовскомъ краѣ и голодовокъ.

Нѣкоторые Тамбовскіе обыватели, кромѣ земледѣлія, обращались въ указанное нами время и къ другимъ промышленнымъ предпріятіямъ, напримѣръ, какъ мы сказали уже, къ рыбной ловлѣ.

«По рѣкѣ Цнѣ ловимъ мы, крестьяне селъ Серповой и Пеньковъ,—сказано въ имѣющихся у насъ писцовыхъ отрывкахъ,—разную про себя рыбу, а въ уловѣ рыба бываетъ: щука, лещъ, карась, плотва, окунь, язь; и ловимъ мы въ вешнее время неводомъ, а тотъ неводъ 15 сажень, сѣтьми, бредьнями, неретами мочальными и вязаными и острогою; а неводу бываетъ цѣна 40 алтынъ, а сѣти бываютъ цѣною по гривнѣ и 4 алтына, а бредень бываетъ цѣною въ 2 алтына и 7 копѣекъ, а не-

реты и верши дѣлаемъ сами; и въ продажѣ рыба бываетъ малое число денегъ, на 6, на 2 и на 3 алтына, и то немногіе люди промышляютъ. Оброку платимъ въ казну великаго государя 40 рублевъ 23 алтына съ полуденьгою. А будетъ того вышеписаннаго оброку въ казну великаго государя платить не станемъ или куда сбѣжимъ и тотъ оброкъ на нашихъ поручикахъ сполна.— Къ сей сказкѣ села Серповой дьячекъ Савка Акимовъ, вмѣсто села Серповой крестьянъ, по ихъ велѣнью, руку приложилъ.»

Эта сказка дана была въ 1654 году Тамбовскому воеводѣ и стольнику Ивану Акинфіеву да подъячему Петру Фирсову.

Тамбовскіе предпріимчивые люди, желая увеличить свои имущественные рессурсы, снимали также въ казнѣ сѣнокосныя поляны. «Всемилостивѣйшій Государь,—писалъ царю села Пеньковъ попъ *Данила*,—прошу Вашего Величества, вели, Государь, сѣнокосныя поляны отдать мнѣ во оброкъ на 3 года, а сверхъ прежняго оброку буду платить тебѣ, Государь, семь алтынъ на годъ.»

По этой челобитной, принятой Тамбовскимъ воеводою Федоромъ Даниловичемъ Дурново, въ Тамбовѣ въ торговые дни *бирючи кликали и охочихъ людей къ торгу полянъ вызывали и оныхъ охочихъ людей къ торгу не явилось*. Слѣдовательно казенная поляна осталась за попомъ Данилою.

Въ Тамбовскихъ писцовыхъ книгахъ есть краткія указанія и на старо-русскій бортный промыселъ.

«Бортникъ Ивашко Ивановъ,—читаемъ мы,—ходитъ по обоимъ берегамъ рѣки Цны. Съ меду ясаку платитъ онъ 4 алтына съ деньгою, съ куницы 3 алтына 2 деньги.»

«Бортникъ Кондрашка Гавриловъ да бортникъ Прошка Васильевъ ходятъ въ бортные ухожеи на рѣкѣ Цнѣ и въ Залѣсѣхъ. Да они жъ Кондрашка и Прошка платятъ со Цны рѣки водяного оброку по 6 алтынъ 2 деньги.»

Всѣ эти бортники, они же и звѣроловы, упоминаются въ писцовыхъ книгахъ два раза: подъ 1656 и 1657 годами. Подати съ нихъ брали Тамбовскіе воеводы и стольники Иванъ Васильевичъ Теряевъ и преемникъ его Иванъ Саловъ.

Бортники и звѣроловы, кромѣ денегъ, платили въ казну и натурою: медомъ и звѣриными шкурами. Изъ нихъ самыми значительными промышленниками въ концѣ XVII столѣтія были Тамбовецъ Чекалинскій и подъячій Авдѣевъ. Вѣроятно вслѣдствіе обилія въ Тамбовскомъ краѣ бортныхъ ухожаевъ и произошелъ впослѣдствіи извѣстный Тамбовскій гербъ. Съ увеличеніемъ Тамбовскаго народонаселенія мѣстное пчеловодство постепенно уменьшалось. Но еще въ началѣ XIX вѣка, именно въ 1804 году, пчеловоды одного города Тамбова имѣли у себя 2600 пчелиныхъ колодъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ оффиціальный отчетъ губернатора Кошелева. А въ Лебедянскомъ уѣздѣ ульевъ было 22,000... Относительно другихъ городовъ и уѣздовъ въ отчетѣ сказано: «пчеловодство въ нихъ въ изобиліи.»

Къ серьезнымъ статьямъ мѣстныхъ промысловъ въ XVII вѣкѣ, безъ сомнѣнія, относится и мѣховой промыслъ. Къ сожалѣнію, наши свѣденія о немъ очень кратки и отличаются не столько историческимъ, сколько филологическимъ характеромъ. У насъ есть села, которыя изстари именуются *Куньими или Куньими Липягами,* есть у насъ лѣсныя урочища, называемыя *бобровыми гонами...* Къ числу важнѣйшихъ пунктовъ мѣховой торговли принадлежало село Спасское—вотчина Московскаго Новоспасскаго монастыря, теперь городъ Спасскъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ этой вотчинѣ совершались, напримѣръ, такія торговыя операціи.

«2 января 1748 года Московскій купецъ Журавлевъ купилъ въ Спасскомъ пушнаго товару на 530 рублей. Зайцевъ куплено имъ 13,000, лисицъ—100, волковъ—

20, горностаевъ—100, хорей и бѣлокъ—100, зеленыхъ и бѣлыхъ бѣлокъ—12,000, да онъ же Журавлевъ купилъ мерлушки, черной и бѣлой, 20 рублей тысяча. А пошлинъ съ купца Журавлева взято 38 рублей 47 копѣекъ» *).

Кстати, здѣсь не можемъ мы оставить безъ вниманія и сравнительно мелкихъ мѣстныхъ промысловъ. Тамбовско-Шацкій край издавна богатъ былъ краснымъ и чернымъ лѣсомъ. Крупныя сосновыя бревна продавались у насъ на Донъ по 5 рублей десятокъ.

Въ первой половинѣ прошлаго вѣка разнообразіемъ особенно отличалась у насъ Спасская торговля. Жители села Спасскаго въ обширныхъ размѣрахъ торговали щетиною, цѣна которой была по рублю пудъ. Тамъ же немалый торгъ былъ и кожами. Такъ, 13 января 1748 года, Переяславскій купецъ Викулинъ принялъ въ Спасскѣ яловочныхъ кожъ на 250 рублей, по 5 рублей за 100, и отправилъ свой товаръ въ Серпуховъ, заплативши пошлины 18 рублей 75 копѣекъ.

Въ сѣверныхъ же уѣздахъ нынѣшней Тамбовской губерніи въ старину гнали деготь и продавали его въ Москву и Коломну. Сало—сырецъ шло изъ Спасскаго на Касимовъ и Вологду.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, что Шацко-Тамбовская промышленность выражалась въ одномъ *сырьѣ*. Крайняя скудость ея промысловой культуры удостовѣряется, между прочимъ, тѣмъ, что въ первой половинѣ прошлаго столѣтія во всемъ районѣ нынѣшняго Спасскаго уѣзда изготовляли только коневыя и бараньи голицы и рогожи. Весь этотъ товаръ отправляемъ былъ на Оку и Волгу.

Вотчинное землевладѣніе въ нашемъ краѣ начинается, судя по мѣстнымъ архивнымъ источникамъ, въ началѣ XVI вѣка, именно во времена великаго князя Василія

---

*) Тамбовской губерніи вѣдомость 1882 г. № 34-й, наша статья.

III, ограничиваясь почти исключительно пожалованіями татарскихъ князей и мурзъ. А русское землевладѣніе стало усиливаться у насъ въ первой половинѣ XVII вѣка при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Причина этого явленія заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ, имѣвшихъ вотчины въ нынѣшнемъ Лебедянскомъ уѣздѣ, Тамбовскія и Шацкія украйны тщательно были укрѣплены крѣпостями, острожками, засѣками и земляными валами. Слѣдовательно селиться въ нашемъ краѣ стало безопаснѣе. Жалованныя грамоты царя Михаила Ѳеодоровича, конечно, и теперь еще сохраняются у нѣкоторыхъ нашихъ землевладѣльцевъ и въ научно-историческихъ интересахъ желательно было бы, чтобы онѣ были обнародованы.

Недавно намъ пришлось разбирать одну жалованную грамоту отъ 1614 года. Въ ней говорится о томъ, *что дворянину Крюкову за Московское осадное сидѣніе и за многое дородство противъ Польскихъ, Литовскихъ и Русскихъ воровскихъ людей жалуются земли и угодья и повелѣвается писцамъ и мѣрщикамъ немедленно описать жалованную землю на память внукамъ и правнукамъ.* Мы думаемъ, что обнародованіе подобныхъ грамотъ съ полнымъ текстомъ многое объяснило бы въ исторіи Тамбовскаго землевладѣнія, долго бывшаго инородческимъ.

Надобно замѣтить, что въ XVII столѣтіи крупныхъ пожалованій у насъ почти не было, а равно не было и такихъ вотчинъ, которыя жаловались бы вмѣстѣ съ крестьянами. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ только обширныя вотчины боярина Льва Кирилловича Нарышкина, пожалованныя царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами.

Въ Шацкихъ переписныхъ книгахъ намъ встрѣчались большею частію такія выписи:

«За Федоромъ Артемьевымъ, сыномъ Веденяпинымъ, въ селѣ Веденяпинѣ, дворъ помѣщиковъ, а въ немъ живетъ человѣкъ Васька Ивановъ, у него сынъ Ивашка

3-хъ лѣтъ; а крѣпокъ онъ Васька по кабальному холопству и записанъ въ Кадомъ, а кабалу ту въ бунтъ воровскіе казаки изодрали. Да въ томъ дворѣ бобыльскій дворъ и въ немъ Оська Акинфіевъ съ братомъ съ Лукашкою, и всего за Федоромъ Веденяпинымъ людей 4 человѣка.»

Подобныя пожалованія цари раздавали исключительно служилымъ людямъ. Такъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ *бѣлозерцу Москвитину многіе ухожьи за московское осадное сидѣніе Королевичева приходу*. Царь Алексѣй Михаиловичъ сталъ раздавать уже населенныя мѣста, напримѣръ: братьямъ Постниковымъ, Григорію да Никитѣ, пожаловано село Пятаково, а дворянину Тяпкину—село Панково *за немалыя службы*. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ числѣ Тамбовскихъ вотчинниковъ появляется знатный бояринъ Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій, которому даны земли, сѣнные покосы и рыбныя ловли, да еще бояринъ Салтыковъ—основатель извѣстнаго Спасскаго села Салтыковыхъ Бутъ. Въ то же время жалованы были разныя угодья дворянамъ Мосоловымъ и Вышеславцевымъ. Не скупъ былъ на пожалованія и Петръ 1-й. Только онъ жаловалъ людей дѣйствительно послужившихъ отечеству и при томъ не очень щедро, потому что великій царь всегда имѣлъ въ виду прежде всего интересы отечества, а потомъ уже и слугъ его. Воронежскому губернатору Соловому Петръ 1-й далъ 300 четвертей въ полѣ, двумъ братьямъ Апушкинымъ по 200 четвертей въ полѣ, да около того дано было стольникамъ Лихареву и Тарбѣеву, дворянину Башкину и знаменитому царскому любимцу Меньшикову. Впрочемъ, Александръ Даниловичъ Меньшиковъ вскорѣ сдѣлался весьма крупнымъ Тамбовскимъ вотчинникомъ. Въ 1708 году на Тамбовскія окрестности Крымцы сдѣлали обычный свой наѣздъ и при этомъ изъ одного Меньшиковскаго села Ключей взято было ими въ полонъ 3,000 человѣкъ...

Сравнительно крупныя вотчины въ нашемъ краѣ принадлежали монастырямъ и архіерейскимъ каѳедрамъ. Богатѣйшими землевладѣльцами были у насъ слѣдующіе монастыри и церкви: Черніевъ Николаевскій (ему принадлежало село Чернеево), Сергіевская пустынь (—село Проломъ), Московскій Благовѣщенскій соборъ (—село Нармушеди), Новоспасскій монастырь (—села Увезъ и Спасское), Страстной монастырь (—село Голенищево), Воскресенскій монастырь (—село Андреянова пустынь), Спасо-Евфиміевъ Суздальскій монастырь (—село Баклуши), Богословскій монастырь (—село Соколово), Солотчинскій монастырь (—село Пичаево) и Борисоглѣбскій монастырь (—село Измайловъ поселокъ).

Впрочемъ, были у насъ и чрезвычайно бѣдные монастыри, напримѣръ: Конобеевскій женскій и Казанскій мужской, находившійся во 100 верстахъ отъ Тамбова на рѣкѣ Воронѣ. Первый содержался на счетъ Нарышкиныхъ, а второй скудно кормился 20 десятинами жалованной земли. Бѣдность обоихъ монастырей выражалась, между прочимъ, въ томъ, что кельи въ нихъ *топились по черному*.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія количество крупныхъ землевладѣльцевъ въ нашемъ краѣ значительно увеличилось. Въ это время водворились у насъ Пашковы, Сухотины и Лобановы-Ростовскіе. Императрица Елизавета Петровна щедро надѣлила Шацкими вотчинами графа Кирилла Разумовскаго, главное имѣніе котораго было въ селѣ Тарадѣяхъ,—Бобрищева-Пушкина, Фролова—Багрѣева, Олсуфьева и лейбъ-компанца Татаринова, основавшаго свою резиденцію въ селѣ Студенцѣ.

Тѣмъ не менѣе въ первой половинѣ прошлаго вѣка у насъ было еще множество свободной и никѣмъ не занятой земли. Поэтому жители разнаго званія и разныхъ національностей свободно селились на нашихъ дикихъ полямъ и въ лѣсныхъ трущобахъ. И было въ нашихъ захолустьяхъ такое приволье, что охотно шли

къ намъ Башкиры, Калмыки, Поляки, Евреи и Малоруссы. Всѣ они съ теченіемъ времени подчинились преобладающему вліянію великорусскаго племени и край нашъ теперь, не смотря на разнообразный этнографическій составъ, почти исключительно русскій. Слѣдовательно, національно—русская сила Шацко-Тамбовской украйны весьма солидная, если она съумѣла въ короткое время свести свои счеты съ инородцами.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія у насъ былъ особый классъ безземельныхъ крестьянъ. Это такъ называемые майданники. Въ 1649 году въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ было 9 майдановъ съ населеніемъ въ 2860 душъ мужескаго полу. «И тѣ наши майданы,—жаловались безземельные крестьяне,—въ лѣсахъ на росчистяхъ сидятъ, а пашенной крѣпостной земли, сѣнныхъ покосовъ, лѣсовъ, рыбныхъ ловель и прочихъ угодій ничего при тѣхъ майданахъ не имѣется и ни откуду не отведено и во владѣніе не укрѣплено, и хотя небольшое число земли и есть и ту расчистили сами майданники, вырубая лѣсъ на поташное дѣло. И отъ того хлѣбъ и сѣно покупаемъ мы за немалыя деньги» *).

Въ царствованіе императрицы Екатерины II-й майданники, бывшіе *подъ командою Починковской поташной конторы*, устранены отъ своего спеціальнаго дѣла и такимъ образомъ остались не при чемъ. Уже въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія они были сравнены съ государственными крестьянами по землевладѣнію.

Самыя щедрыя пожалованія земель и крестьянъ въ Тамбовской губерніи начались при Екатеринѣ II-й и Павлѣ I-мъ. Одному князю Потемкину дано было у насъ 150,000 десятинъ земли съ селомъ Унксовымъ и съ того времени Тамбовскій край сталъ по преимуществу дворянскимъ краемъ и притомъ такимъ, въ которомъ водворились знаменитѣйшія русскія фамиліи: Салтыковы,

---

*) Тамб. губ. вѣд. 1881 г. № 103-й, наша статья.

Нарышкины, Чевкины, Долгоруковы, Волконскіе, Колычовы, Аничковы, Воронцовы, Воейковы, Огаревы, Жеребцовы, Протасьевы, Гагарины, Вяземскіе, Голицыны, Кологривовы, Архаровы, Урусовы, Толстые, Ермоловы, Волковы, Измайловы, Шуваловы и другіе.

Край нашъ вступилъ такимъ образомъ въ новую эпоху своего существованія. На его тучныхъ равнинахъ поселились люди богатые, властные, болѣе или менѣе образованные, и отъ нихъ-то ждетъ наша скромная родина просвѣтительной общественной инидіативы, въ особенности въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, въ этомъ величайшемъ и благороднѣйшемъ человѣческомъ дѣлѣ...

Теперь нашему рѣшенію подлежитъ еще одинъ вопросъ: откуда на наши Тамбовскія поля переселялись крестьяне. Переселялись они, разумѣется, изъ мѣстностей сравнительно плотно и изстари населенныхъ, напримѣръ, изъ селъ Шацкаго и бывшаго Кадомскаго уѣздовъ. Приводимъ списокъ этихъ селъ: Чернитово, Ялтуново, Березово, Темешево, Шацкая Черная слобода, Студенецъ, Конобеево, Кашково и деревня Чермныхъ. Кромѣ того въ нынѣшній Моршанскій уѣздъ являлись переселенцы изъ Рязанской области (Бѣлоомута и Старой Рязани), Муромской, Владимірской и Пензенской. Большинство этихъ переселенцевъ состояло изъ бѣглецовъ, уходившихъ въ Тамбовскія *дикія степи* отъ разныхъ житейскихъ невзгодъ и отъ суда и расправы. Значительная часть бѣглецовъ приходится на долю монастырскихъ крестьянъ, преимущественно изъ вотчинъ бывшаго Запроломскаго монастыря. Съ усиленіемъ же крѣпостнаго быта переселенцы стали являться массами изъ старыхъ вотчинъ нашихъ Тамбовскихъ магнатовъ.

Вмѣстѣ съ писцовыми и мѣрными выписями наши провинціальные архивы представляютъ намъ интересные матеріалы для опредѣленія фискальныхъ отношеній и цѣнъ первой половины прошлаго вѣка. Въ указанное

нами время пошлинный сборъ въ Тамбовской и Шацкой провинціяхъ касался всѣхъ сторонъ народно-промышленной жизни; даже домашній бытъ не ускользнулъ отъ фиска. Вслѣдствіе этого происходило сильное обремененіе народонаселенія, и безъ того отличавшагося безденежьемъ.

Во всѣхъ нашихъ уѣздахъ, въ городахъ и базарныхъ селахъ, до временъ Елизаветы Петровны были таможни, на которыхъ со всѣхъ торговыхъ статей брали пошлины по расчету съ рубля по гривнѣ. Платили съ покупнаго и продажнаго. Размѣры пошлинъ мы беремъ за 1737 годъ.

На кружечныхъ дворахъ брали въ казну съ ведра по 10 копѣекъ. Усиленная пошлина шла также съ лошадей, издавна составлявшихъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей мѣстной торговли. Между прочимъ таможенные сборы производились со всякаго мелкаго товара. Самые значительные сборы были, конечно, *съ питей*. Такъ, въ селѣ Земетчинѣ съ мелкаго товара въ базарный день собирали копѣекъ по 40, а кружечной пошлины бывало рубля по 3 и болѣе.

Повидимому, самымъ торговымъ селомъ Шацкой провинціи въ 1737 году была Апушка. Мелкаго сбора собирали тамъ въ торговые дни рубля по 4.

Въ царствованіе Анны Іоанновны обложены были податью даже бани, безъ которыхъ въ прежнія времена обходился рѣдкій крестьянскій дворъ. Съ каждой бани полагался рубль въ годъ.

Если ко всему этому мы прибавимъ разнообразныя штрафныя деньги, подушныя подати по 69 копѣекъ съ души и многочисленныя натуральныя повинности, рекрутскія, ямскія, дорожныя и церковныя, то въ результатѣ получится весьма неутѣшительная картина нашего прежняго народно-экономическаго быта.

Отъ конечнаго разоренія наши предки спасаемы были дешевизною продуктовъ и земли. Цѣна простому

вину была по 86 копѣекъ ведро, медъ продавался по 24 копѣйки за ведро, а пиво—по 12 копѣекъ. Четверть ржи стоила 48 копѣекъ.

Но особенно дешева была земля—исконная русская кормилица. Въ 1731 году крестьянинъ Леонтій Сухановъ снялъ на 4 года казенную *пустовую* землю недалеко отъ Шацка. Земли той было въ трехъ поляхъ 324 четверти да 9 десятинъ и сѣнныхъ покосовъ на 50 копенъ. За все это годовая плата была 2 рубля 66 копѣекъ. Такая дешевизна свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ торговомъ и промышленномъ застоѣ, который обыкновенно характеризуетъ страны, только что начинающія свою культурную жизнь. Правда, къ 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія Тамбовская и Шацкая культура уже достаточно созрѣла въ извѣстномъ смыслѣ. Въ бывшихъ Мещерско-Мордовскихъ дебряхъ появились землевладѣльцы съ нѣмецкими фамиліями и интересами, а въ присутственныхъ мѣстахъ началась широкая бюрократическая практика, едва ли содѣйствовавшая оживленію края. Въ нашихъ канцеляріяхъ неустанно стали исписывать цѣлыя стопы бумагъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Возникали кляузныя дѣла листовъ въ 600 и болѣе... То было время, когда канцелярскіе дѣльцы, *поработавъ* нѣсколько лѣтъ, легко становились болѣе или менѣе крупными помѣщиками.

Слабая культура нашего края замѣтнѣе всего выражалась въ низкомъ уровнѣ благоустройства мѣстныхъ городовъ. Всѣ факты, которые мы сейчасъ сообщимъ, заимствованы нами изъ «экономическаго описанія Тамбовскаго намѣстничества», оффиціально составленнаго въ 1781 году, во время извѣстнаго генеральнаго межеванія *).

Начинаемъ съ главнаго города намѣстничества.

---

*) Подлинникъ экономич. описанія хранит. въ Тамб. межевой канцеляріи.

Городъ Тамбовъ. «Дворовъ въ немъ 354, всѣ деревянные. Жителей обоего пола 5664 человѣка. Всей городской земли, усадебной и пашенной, покосовъ и лѣса, а также и неудобныхъ мѣстъ—4402 десятины 1435 сажень».

Не особенно красивъ нашъ городъ и теперь, но сто лѣтъ тому назадъ онъ походилъ на обширную деревню. Это видно изъ слѣдующаго перечня Тамбовскихъ публичныхъ зданій.

«Публичныя зданія въ городѣ Тамбовѣ таковы: градская крѣпость, именуемая кремль; съ востока и сѣвера укрѣплена она рѣками Цною и Студенцомъ, съ юга—рвомъ, съ запада—рвомъ и землянымъ валомъ. Въ крѣпости соборная Преображенская церковь каменная, а колокольня деревянная, и въ той же крѣпости каменная кладовая для храненія денежной казны, да бывшій воеводскій дворъ, занятый присутственными мѣстами. Слободы въ предмѣстьи Тамбовскаго кремля слѣдующія: Покровская, Стрѣлецкая, Пушкарская и Полковая. А въ тѣхъ слободахъ монастырей два: мужской Казанскій и Вознесенскій дѣвичій. Въ первомъ двѣ церкви деревянныя, Казанская и Успенская, деревянный архіерейскій домъ въ 20 келлій; ограда монастырская деревянная съ башнями по угламъ; надъ воротами колокольня каменная, невысокая. Вознесенскій женскій монастырь весь деревянный. И въ томъ городѣ Тамбовѣ съ предмѣстьями приходскихъ церквей 11: пять каменныхъ и шесть деревянныхъ, въ томъ числѣ три кладбищенскихъ. Жители того города и предмѣстій торгъ имѣютъ мелочными товарами и закупаютъ по селамъ масло, медъ, воскъ, юфть, сало, шерсть, пеньку, рогатый скотъ и отпускаютъ все это для продажи въ Москву и другіе города. Постоялыхъ дворовъ въ Тамбовѣ не мало, а герберговъ (гостинницъ) нѣтъ. Рѣка Цна противъ Тамбова глубиной бываетъ $2^1/_2$ аршина. Студенецъ лѣтомъ пересыхаетъ. А къ западу отъ города идетъ земляной

валъ до Усмани. Построенъ онъ въ древнія времена для защиты отъ набѣговъ Ногайскихъ Татаръ».

Экономическое описаніе города Тамбова оканчивается перечнемъ церковной писцовой земли.

«У Преображенскаго собора писцовой земли 333 десятины 688 саженъ. У того же собора хуторъ къ востоку отъ города и подъ тѣмъ хуторомъ земли 29 десятинъ 500 саженъ. У Знаменской церкви писцовой земли 180 десятинъ 334 сажени; у Покровской церкви—145 десятинъ 958 саженъ; у Трегуляевскаго монастыря всей писцовой земли 671 десятина».

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ было уже очень много богатыхъ помѣщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ жили въ своихъ вотчинахъ, поэтому въ окрестностяхъ Тамбова уже и тогда встрѣчались обширныя и благоустроенныя барскія усадьбы, напримѣръ: Охлебинина, Полетики, Хвощинскаго, Арапова и графа Воронцова. Эти-то усадьбы, построенныя на широкую ногу и наполненныя толпами многочисленной дворни, и служили единственными декораціями нашего бѣднаго намѣстничества.

Въ указанное нами время Тамбовскій уѣздъ былъ самымъ культурнымъ во всемъ намѣстничествѣ. Это видно изъ тогдашняго состоянія добывающей и обрабатывающей промышленности въ нашемъ уѣздѣ. Недалеко отъ Тамбова была тогда суконная фабрика купца Тулинова (цѣна сукна отъ 50 до 75 копѣекъ). Въ Разсказовѣ находилась суконная фабрика купца Олесова, а въ Бондаряхъ было такихъ три фабрики и между ними возвышался огромный каменный домъ фабриканта Гарденина. Кромѣ того, въ селѣ Кершѣ работалъ винокуренный заводъ помѣщика Чубарова. Спирту выкуривалось тамъ ежегодно по 800 ведеръ (цѣна ведру 75 копѣекъ). Въ то же время въ селахъ Никольскомъ и Куньихъ Липягахъ у помѣщиковъ Іевлева и Новосильцева были извѣстные въ свое время конскіе заводы, на которыхъ

разводились лошади русской породы, арабской, английской и нѣмецкой.

Переходимъ къ краткому описанію городовъ Тамбовскаго намѣстничества. Всѣ они, въ настоящее время далеко не послѣдніе между уѣздными городами имперіи, при открытіи намѣстничества отличались крайнею бѣдностію, что видно изъ слѣдующаго ихъ описанія.

Городъ Козловъ. «Дворовъ въ немъ 269, жителей обоего пола 776. Публичныя строенія въ немъ таковыя: градская крѣпость, именуемая кремль, окружена натуральнымъ рвомъ. Въ крѣпости соборная церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, кладовая для храненія денежной казны, винный и соляной выходы—каменные, а присутственныя мѣста деревянныя».

Кругомъ Козлова было нѣсколько предмѣстій, лучшихъ во всемъ намѣстничествѣ, такъ какъ въ нихъ изрѣдка попадались каменные дома.

«Предмѣстье города,—говорится въ экономическомъ описаніи,—по теченію Каменки и Лѣснаго Воронежа. Укрѣплено оно съ восточной стороны рѣчкою, а съ другихъ сторонъ землянымъ валомъ, и въ немъ приходскихъ церквей 2 и 7 каменныхъ домовъ».

«Сторожевская и Пушкарская слободы расположены по обѣимъ сторонамъ большой Тамбовской дороги. Здѣсь выстроена каменная Тихвинская церковь да въ этихъ же слободахъ 2 каменныхъ купеческихъ дома».

«По Ряжской дорогѣ еще Козловское предмѣстіе—Стрѣлецкая слобода. Въ немъ 2 каменныя церкви, Троицкая и Казанская, первая о двухъ этажахъ. Да въ Полковой слободѣ—каменная Успенская церковь, да на Суходолѣ кладбищенскаяВоздвиженская церковь—деревянная. А всѣхъ жителей въ Козловскомъ уѣздѣ,—неожиданно прибавляетъ экономическое описаніе,—87024 человѣка».

Такъ же кратки и однообразны описанія и другихъ городовъ Тамбовскаго намѣстничества.

Городъ Моршанскъ. «Дворовъ въ немъ 655. Жителей 3730. Публичныя строенія въ Моршанскѣ таковы: каменная соборная Николаевская церковь и 3 церкви деревянныя. Да въ томъ же городѣ 3 фабрики деревянныя, парусная, полотняная и бумажная. При бумажной фабрикѣ поставлена пильная мельница о 6 рамахъ. Еще во099 ономъ городѣ 6 салотопень. Внутри города есть пристань, судовой ходъ за мелкостію воды бываетъ только въ полую воду».

Городъ Борисоглѣбскъ. «Дворовъ въ немъ 384. Жителей обоего пола 1934 человѣка. Въ томъ городѣ земляная крѣпость, именуемая кремль, деревянная соборная Борисоглѣбская церковь и деревянныя жъ присутственныя мѣста. За кремлемъ еще 2 деревянныя церкви, а торгъ идетъ въ Борисоглѣбскѣ мелочными товарами».

Городъ Шацкъ. Про этотъ городъ существуетъ въ мѣстномъ краѣ мнѣніе, будто онъ когда то былъ значительнымъ центромѣ цѣлой области. Правда, Шацкъ былъ провинціальнымъ городомъ, но никогда не былъ значительнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Это видно изъ его «экономическаго описанія».

«Въ городѣ Шацкѣ домовъ 46, жителей мужескаго пола 156 человѣкъ. Публичныя строенія въ немъ слѣдующія: градская крѣпость, укрѣпленная землянымъ валомъ, въ крѣпости Михайловская соборная церковь—каменная, да 2 каменныя и 2 деревянныя церкви. Кругомъ города много слободъ: Ямская слобода (жителей 461 человѣкъ обоего пола), Стрѣлецкая (жителей 290 душъ), Казачья (жителей 2605) и Черная слобода».

Послѣдняя, въ 1780 году принадлежала графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому; въ ней было 3 церкви, а жителей 2547 человѣкъ.

«Экономическое описаніе», между прочимъ, перечисляетъ села Шацкаго уѣзда, при чемъ оказывается, что этотъ уѣздъ былъ плотно населенъ изстари, такъ какъ почти вся земля его была писцовая.

Между Шацкими пустошами встрѣчаются нѣкоторыя съ оригинальными названіями, указывающими на прежнія бытовыя условія Шацкаго уѣзда. Напримѣръ: Выжельцова пустынь, Кнутовая, Бобровые гоны.

Извѣстный Шацкій Черніевъ монастырь въ 1780 году былъ уже довольно значительнымъ учрежденіемъ. Въ немъ было 3 церкви: 2 каменныя и 1 деревянная.

Городъ Липецкъ. Этотъ городъ, въ настоящее время одинъ изъ самыхъ красивыхъ уѣздныхъ городовъ въ имперіи, въ описываемое нами время былъ обширною деревнею. «Экономическое описаніе» его таково:

«Въ городѣ Липецкѣ дворовъ 664. Жителей 4070 человѣкъ. А публичныя строенія въ томъ городѣ: Воздвиженская соборная церковь каменная да приходскихъ двѣ—обѣ деревянныя. Да еще въ томъ городѣ 6 питейныхъ домовъ деревянныхъ и 16 деревянныхъ лавокъ. А купцы и мѣщане торгуютъ съ Москвою пенькою, шерстью и кожами. Женщины же вяжутъ для продажи чулки, варыги и перчатки. Да въ томъ же городѣ на запруженномъ прудѣ состоитъ казенный литейный чугунный заводъ, на немъ прежде основанія намѣстничества выливались пушки и прочія воинскія орудія».

Къ крайнему своему удивленію въ экономическомъ описаніи города Липецка мы ни слова не встрѣтили о Липецкихъ минеральныхъ водахъ. Ясно, онѣ были заброшены и ждали для своего открытія наступленія лучшей поры для Тамбовскаго края, именно—царствованія императора Александра I-го.

Городъ Лебедянь. «Въ ономъ городѣ крѣпость, а въ ней 15 дворовъ, жителей 718, да тамъ же Казанская соборная церковь каменная. А дома въ крѣпости и предмѣстьяхъ всѣ деревянные и жители торгуютъ скотомъ, особенно лошадьми».

О знаменитой Лебедянской ярмаркѣ, прославившейся въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ «экономическомъ описаніи» ничего не сказано. Слѣдовательно, ея еще не было.

Городъ Кирсановъ. «Дворовъ въ немъ 314, душъ 3141. Въ городѣ деревянная соборная церковь во имя Николая Чудотворца, а приходскихъ нѣтъ. Да присутственныя мѣста, тюремная изба и 5 питейныхъ домовъ—всѣ деревянные и весьма малые».

Городъ Спасскъ. Этотъ городъ считается теперь наименѣе культурнымъ во всей губерніи. Такимъ онъ представляется намъ и въ «экономическомъ описаніи».

«Дворовъ въ городѣ Спасскѣ,—сказано въ этомъ описаніи,—389, жителей обоего пола 3005 человѣкъ. Въономъ городѣ управленія по новости никакого нѣтъ. А публичныя зданія таковы: 2 церкви деревянныя древняго строенія и третья церковь на кладбищѣ».

Городъ Усмань. «Число дворовъ въ немъ 6, жителей обоего пола 46 человѣкъ. Публичныя въ немъ строенія: земляная крѣпость и въ оной деревянныя присутственныя мѣста. Въ предмѣстіи города каменная соборная церковь, а приходскихъ церквей 2, каменная и деревянная. Жители того предмѣстья имѣютъ торгъ разными мелкими *щепетильными* товарами».

Очевидно, Усмань въ XVII и началѣ XVIII столѣтія была чисто военнымъ городомъ, на что указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что извѣстная *Тамбовская черта* доходила какъ разъ до Усмани.

Переходимъ теперь къ двумъ сѣвернымъ, наиболѣе древнимъ, уѣздамъ Тамбовской губерніи, Темниковскому и Елатомскому.

Городъ Темниковъ. «Дворовъ въ немъ 484, душъ обоего пола 2676. Въ томъ городѣ публичныя строенія: каменная соборная Преображенская церковь да приходскихъ 3 каменныхъ и 4 деревянныхъ церкви. Жители большею частію купцы и мѣщане. Они закупаютъ въ разныхъ мѣстахъ хлѣбъ, пеньку, медъ, воскъ, деготь, лубья и мочалу и все это отправляютъ въ Арзамасъ, Спасскъ и Елатьму. Иные жъ мѣщане промыслъ имѣютъ въ каменной и штукатурной работѣ въ разныхъ городахъ».

Объ извѣстной Саровской пустыни, а также и о заштатномъ городѣ Кадомѣ, древнѣйшемъ въ нашей губерніи, въ «экономическомъ описаніи» ничего не сказано. О Санаксарскомъ монастырѣ сказано также не много, именно вотъ что: «вокругъ онаго монастыря сдѣлана каменная стѣна шестиугольникомъ; въ немъ 3 церкви каменныя; кельи о 2-хъ этажахъ. За оградой домъ каменный для гостепріимства».

Городъ Елатьма. «Дворовъ въ немъ 765, жителей мужескаго полу 1919. Въ немъ старое городище съ каменною церковію во имя Рождества Пресвятыя Богородицы; въ томъ городѣ былъ прежде мужской монастырь, а нынѣ жительство имѣютъ священно-церковнослужители. Да въ немъ же слѣдующія публичныя строенія: Преображенская соборная церковь каменная, приходскихъ церквей 6—всѣ каменныя, а присутственныя мѣста деревянныя».

Какъ на достопримѣчательности города Елатьмы, «экономическое описаніе» указываетъ на два дворянскіе каменные дома и на Петропавловскую ярмарку, торговавшую пенькою, холстомъ, кожами, мясомъ, саломъ и рыбою. «Женщины города Елатьмы,—продолжаетъ описаніе,—упражняются въ пряжѣ льна и шерсти и холсты ткутъ и сукна дѣлаютъ».

При открытіи Тамбовскаго намѣстничества Елатомскій уѣздъ, очевидно, былъ самымъ культурнымъ послѣ Тамбовскаго. Это видно изъ слѣдующаго перечисленія Елатомскихъ фабрикъ и заводовъ.

«Въ Елатомскомъ уѣздѣ есть полотняная фабрика купца Коржевина. На ней 36 становъ, а работаютъ фабричные крестьяне. Отпускъ съ фабрики на Москву и Петербургъ. Да въ томъ же уѣздѣ Унженскій желѣзный заводъ Баташова, сѣрно-купоросный и красочный заводъ купца Семизорова, стеклянный заводъ купца Гусева и таковой же заводъ братьевъ Коржевиныхъ».

Лѣса Елатомскаго и Темниковскаго уѣздовъ въ описываемое нами время были совершенною глушью. Тамъ были бортные *государевы и царевичевы* въѣзжіе лѣса. Тамъ были урочища съ слѣдующими оригинальными, указывающими на глубокую древность, названіями: Медвѣжья пустошь, Чертово поле, Старая Каверза, Ермакова пустошь, Колодина и Лѣшая Поляна. Тамъ же между поселеніями постоянно встрѣчались погосты и починки, т. е. такія формы селъ, которыя свойственны исключительно старинной Руси.

Заключая третью главу, мы невольно обращаемъ вниманіе на современное состояніе городовъ Тамбовской губерніи. Теперь эти города далеко не послѣдніе въ массѣ всероссійскихъ городовъ. Слѣдовательно культурная живучесть нашего края не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, хотя проявленія ея до сихъ поръ пока еще довольно медленны и неопредѣленны. Постановку и развитіе этой мысли мы и имѣли въ виду, когда писали свою третью главу.

IV.

Нравственно-бытовыя черты Тамбовскаго края по мѣстнымъ документамъ XVIII и XIX столѣтій.

У насъ нерѣдко выражаютъ любовь къ отечеству преувеличенными ему похвалами, при чемъ намѣренно умалчивается о такихъ фактахъ отечественной жизни, которые, понятно, всякому изъ насъ весьма не желательны. Такимъ образомъ происходитъ лицемѣрная и фарисейская подтасовка фактовъ, а въ результатѣ получается фальсификація, т. е. непростительное преступленіе противъ науки.

Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, мы въ предлагаемой главѣ не будемъ скрывать былыхъ несовершенствъ нашей родины—Тамбовской губерніи. Горячо любя ее и доказывая эту любовь не одними словами, мы лично въ данномъ случаѣ будемъ утѣшаться сопоставленіемъ прошлаго съ настоящимъ. Кромѣ того, въ отрицательныхъ явленіяхъ нашей старины мы будемъ видѣть нравственные уроки для современныхъ нашихъ поколѣній. Но въ то же время при малѣйшей возможности съ особеннымъ удовольствіемъ мы будемъ отмѣчать и такіе мѣстные факты, въ которыхъ съ большею или меньшею силою проявлялась умная и добрая русская натура. Съ половины XVIII столѣтія край нашъ

сталъ по преимуществу дворянскимъ. О Тамбовскомъ дворянствѣ на первыхъ порахъ мы и поведемъ свою рѣчь.

Не на веселыя мысли наводятъ насъ Тамбовскіе дворяне XVIII столѣтія, пріютившіеся преимущественно въ нашихъ сѣверныхъ Татарскихъ и Мордовско-Мещерскихъ уѣздахъ. Люди большею частію неразвитые и праздные, они всю свою энергію тратили единственно на подвиги самаго необузданнаго самодурства, которое было тѣмъ рельефнѣе, что неразвитость Тамбовскаго дворянства весьма нерѣдко выражалась въ совершенной неграмотности. Въ 1789 году у насъ были слѣдующія неграмотныя инородческаго происхожденія дворянскія фамиліи: Маматказины, Булушевы, Енгалычевы, Бигловы, Кашаевы, Еникѣевы, Маматовы, Дивѣевы, Елышевы, Мусьевы, Тюменевы, Бекмаевы, Канчурины, Сакаевы и Сампалаевы. Всѣ они оффиціально аттестованы были такъ: «въ службѣ не были, грамотѣ и писать не умѣютъ». По словамъ Г. Р. Державина, опытнаго знатока Тамбовскаго края,—*Тамбовское дворянство было такъ грубо и необходительно, что ни одѣться, ни войти, ни обращаться какъ должно благородному человѣку не умѣли, кромѣ нѣкоторыхъ, которые жили въ столицахъ.*

Конечно, были у насъ образованные и гуманные дворяне, такъ какъ лучшіе люди нашего отечества все таки принадлежали всегда именно къ дворянскому сословію, но таковыхъ у насъ было очень немного.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы здѣсь почтенное имя Козловскаго помѣщика И. Г. Рахманинова, извѣстнаго основателя типографіи въ селѣ Казинкѣ и замѣчательнаго переводчика сочиненій Вольтера; не можемъ не вспомнить также и г. Ниловой, усерднѣйшей сотрудницы Державина въ его Тамбовскихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Съ любовію передаемъ мы современникамъ дорогое имя Козловскаго депутата въ зако-

нодательномъ собраніи 1767 года дворянина Коробьина, который чуть не одинъ возвысилъ свой голосъ въ защиту крѣпостнаго крестьянства. Голосъ его заглушенъ былъ оппозиціею противоположнаго ему направленія, тѣмъ не менѣе высокая инициатива Коробьина заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ особенности же въ данномъ случаѣ вниманіе наше останавливается на высокогуманной личности Елатомскаго помѣщика А. А. Ушакова.

Ушаковъ имѣлъ 600 душъ въ селѣ Изтлеевѣ. Въ 1796 году въ это село пріѣхали изъ разныхъ полковъ на постоянное жительство три сына Андрея Алексѣевича. Отецъ такъ любилъ ихъ, что позволилъ имъ совершенно самостоятельно распоряжаться въ имѣніи. И начали они распоряжаться: стонъ пошелъ по всей деревнѣ отъ ихъ управленія... Андрей Алексѣевичъ не сѣкъ своихъ крѣпостныхъ, а дѣти его то и дѣло препровождали на конюшню и старыхъ и малыхъ. Не перенесъ этого добрый старикъ и рѣшился всѣхъ своихъ крѣпостныхъ отпустить на волю и написалъ объ этомъ министру В. П. Кочубею. Письмо начинается такъ: «Внуши, Боже, молитву мою и не презри моленія моего! Не удивись, сіятельный графъ, началу сему; оно слѣдуетъ отъ оскорбленнаго отца».

Далѣе слѣдуетъ изложеніе уже извѣстныхъ намъ обстоятельствъ. Съ особенною силою Андрей Алексѣевичъ настаивалъ на томъ, что дѣти его не могутъ послужить благу крестьянства и что въ нихъ слишкомъ много сословнаго эгоизма. «Почему,—заключаетъ онъ свое письмо,—учиня крестьянъ моихъ свободными, утверждаю всѣ мои земли съ угодьями въ вѣчное ихъ владѣніе».

Такимъ образомъ отъ тяжкаго крѣпостнаго ига освобождено было 600 душъ. Дѣтямъ же своимъ Андрей Алексѣевичъ завѣщалъ по нѣсколько тысячь рублей. А между тѣмъ еще при жизни своей снова опредѣлилъ

ихъ на службу. «Пусть—говорилъ онъ,—узнаютъ они, что такое нужда и что такое долгъ, тогда ко всѣмъ людямъ они лучше относиться будутъ» *).

Кромѣ Ушакова въ средѣ Тамбовскаго дворянства было и еще очень много истинно добрыхъ русскихъ людей и вѣрныхъ слугъ царскаго престола. Не кичась своимъ привиллегированнымъ положеніемъ и не злоупотребляя имъ, они потріархально вникали въ безчисленныя крестьянскія нужды и искренне радовались по поводу скромнаго мужицкаго довольства. Къ такимъ лицамъ мы относимъ Темниковскаго помѣщика князя А. В. Дивѣева, дворянина Григорова и госпожу Шталину. Безъ всякаго сомнѣнія, подобныхъ гражданъ между нашими помѣщиками было не мало, но изъ документовъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, имена ихъ и поступки намъ неизвѣстны. Къ сожалѣнію, въ этихъ самыхъ документахъ встрѣчается намъ масса фактовъ, изображающихъ отжившее Тамбовское дворянство въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Многіе дворяне наши отличались крайнимъ самоуправствомъ и неуваженіемъ къ установленной власти. Именно въ такомъ направленіи въ 1780 году дѣйствовалъ Кирсановскій помѣщикъ Можаровъ.

Можаровъ поссорился съ своимъ сосѣдомъ Шишковымъ и раздѣлался съ нимъ по своему. 1-го сентября 1780 года крестьяне его, по его личному приказанію, напали на сѣнокосъ помѣщика Шишкова и свезли оттуда 340 копенъ сѣна. Въ октябрѣ того же года Шишковъ послалъ рабочихъ на 40 подводахъ за сѣномъ на свои луга. Наложили они сѣно и тронулись домой, какъ вдругъ напали на нихъ Можаровскіе крестьяне и все отняли. Обиженный помѣщикъ далъ знать объ этомъ капитанъ-исправнику Волкову и тотъ съ понятыми немедленно поѣхалъ на слѣдствіе.

---

*) арх. Тамб. двор. собр. № 14-й.

У воротъ Можаровской усадьбы исправника встрѣтили человѣкъ 100 дворовыхъ и крестьянъ, вооруженныхъ цѣпами и дубинами.

— Что вы за люди? громко спросили они у приближавшагося къ нимъ полицейскаго поѣзда.

Волковъ прикрикнулъ на нихъ и объяснилъ имъ, что онъ капитанъ—исправникъ, представитель царской власти.

— Врешь,—отвѣчали ему,—вы всѣ разбойники и пріѣхали грабить господскій домъ, да не на таковскихъ напали: въ дубье мы васъ примемъ...

Нечего дѣлать, исправникъ долженъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ.

Въ томъ же 1780 году 21 марта черезъ Тамбовъ проѣзжалъ помѣщикъ Шегаровъ. Пріѣзжій подкатилъ къ почтовому двору съ многочисленною свитою и грозно потребовалъ лошадей и проводниковъ. Къ несчастію, всѣ почтовыя лошади были въ разгонѣ. Тогда Шегаровъ пошелъ къ правителю Тамбовскихъ ямовъ маіору Федерману.

— Читалъ ли ты, нѣмчура, подорожную мою?—сказалъ онъ—Сейчасъ же подавай ямщиковъ!

Федерманъ посовѣтовалъ ему обратиться за проводниками въ воеводскую канцелярію.

Это обидѣло Шегарова и онъ схватилъ Федермана за грудь и сталъ колоть его пальцами въ глаза.

— Ты нѣмецкій бѣглецъ,—кричалъ онъ,—и я велю заковать тебя въ кандалы.

Федерманъ попытался возразить: и я де такой же штабъ, какъ и ты, а ты меня порочишь,—но тутъ подбѣжали къ нему Шегаровскіе дворовые, схватили его и высѣкли на его же собственномъ дворѣ.

Федерманъ убѣжалъ, а Шегаровъ получилъ то, что требовалъ, и кромѣ того—сани съ подрѣзами, принадлежавшія побитому почтовому начальнику. На этихъ саняхъ, съ громомъ и звономъ, подкатилъ онъ къ дому

одного своего Тамбовскаго пріятеля и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ, а затѣмъ совершенно благополучно прослѣдовалъ въ село Талинку, откуда и отпустилъ ямщиковъ, не заплативъ имъ прогоновъ...

Подобную же необузданность иногда проявляли и такіе Тамбовскіе дворяне, которые нигдѣ никогда не служили и слѣдовательно не имѣли ни какого оффиціальнаго положенія. Таковъ былъ недоросль Вельяминовъ.

Однажды онъ съ цѣлою шайкою въ полночь подъѣхалъ къ дому нелюбимаго имъ дьякона Лысогорскаго, ворота въ его домѣ выломалъ, окна выбилъ, всю семью избилъ... Дьяконскій сынъ въ одномъ изорванномъ бѣльѣ выбѣжалъ тогда изъ дому и зазвонилъ въ церковный колоколъ. Священникъ и пономарь прибѣжали въ церковь. Явился туда же и Вельяминовъ, священника и пономаря ударилъ *рожномъ*, а самъ направился на колокольню и для собственнаго удовольствія началъ звонить во всѣ колокола. Собрался народъ. Дивились всѣ, а ничего не могли сдѣлать съ *бариномъ*...

Въ то же время мелкое Тамбовское дворянство, которое изъ-за куска хлѣба шло въ разныя канцеляріи, тоже не блистало нравственными совершенствами.

Какъ поступали служилые Тамбовскіе дворяне съ подчиненными имъ сельскими жителями, это очень ясно видно изъ письма Кадомскаго секретаря Карева къ крестьянскому старостѣ Мирону Курмашову. Вотъ это письмо:

«Я къ тебѣ писалъ передъ тѣмъ, чтобы ты, плутъ и мошенникъ, выслалъ сюда въ Кадомъ солдата Пайкова. Да онъ уже здѣсь хотя подушныя деньги платилъ, но отсюда, не взявъ квитанціи, бѣжалъ. И для того къ тебѣ еще пишу, чтобы ты непремѣнно его выслалъ сюда еще съ подушными деньгами, ибо ежели челобитную солдатъ подастъ, то я увѣряю васъ всѣхъ, будетъ она ему больше 200 рублей стоить».

Солдатъ, привозившій въ Кадомъ подушныя деньги, которыя очутились въ карманѣ у секретаря Карева, дѣйствительно подалъ въ судъ челобитную съ жалобою на то, что секретарь требуетъ съ міра двойной подушной подати, но за такую *дерзость* попалъ подъ арестъ, а ловкій секретарь ухитрился выдти изъ подъ слѣдствія совершенно оправданнымъ.

Надобно однако замѣтить, что всѣ эти приведенные нами факты были невинными шалостями въ сравненіи съ дикими выходками знаменитыхъ Тамбовскихъ самодуровъ К—рова и К—чинскаго, печально прославившихъ нашу сѣверную Татарско-Мордовскую сторону.

Имя К—рова, ознаменованное крайнею жестокостію къ крѣпостнымъ и самымъ необузданнымъ цинизмомъ въ развратѣ, и донынѣ слишкомъ памятно всѣмъ жителямъ Тамбовской губерніи, не смотря на то, что въ этомъ краѣ крѣпостническія злоупотребленія практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и слѣдовательно болѣе или менѣе примелькались всѣмъ и каждому.

Въ имѣніи у К—рова заведены были самые строгіе порядки. Въ случаѣ малѣйшей неисправности крестьянъ наказаніе производилось немедленно. Давали по 400 ударовъ кнутомъ, такъ что наказанные лежали больными мѣсяца по три и болѣе. Одного крестьянина К—ровъ высѣкъ въ теченіи великаго поста 16 разъ, каждый разъ по 100 ударовъ. Бывало и такъ, что наказанные уже не вставали съ мѣста и трупы ихъ безъ всякой огласки были препровождаемы на кладбища. Такой участи чаще всего подвергались дѣти. Какъ человѣкъ съ чрезвычайно жестокою натурою, К—ровъ, наказывая, любилъ издѣваться надъ своими жертвами. Такъ, у одной дѣвочки послѣ сѣченія онъ сжегъ на головѣ волосы, а у другой обезобразилъ лицо зажженной свѣчкой. У оброчныхъ крестьянъ К—ровъ обыкновенно отнималъ имущество и переводилъ ихъ въ дворовые.

При такомъ порядкѣ вещей не удивительно, что многіе К—ровскіе крестьяне охотно шли въ солдаты, или же куда глаза глядятъ, рискуя попасть изъ огня въ полымя. Вообще, К—ровъ былъ настоящимъ пугаломъ для своихъ крестьянъ. Съ пріѣздомъ его въ какую нибудь деревню,—а ихъ у него было много,—на всѣхъ деревенскихъ жителей нападалъ паническій ужасъ: женщины и дѣти бѣжали тогда куда попало—въ конопли, во ржи, а зимою къ гумнамъ и въ овраги.

Кромѣ того, К—ровъ весьма неумѣренно пользовался своими правами надъ крѣпостными женщинами и дѣвушками, даже малолѣтними, отъ 7 и 8 лѣтъ. За несогласіе билъ кнутомъ, розгами и брилъ головы. Затѣмъ все—таки добивался своей цѣли и непослушныхъ отдавалъ впослѣдствіи замужъ нарочно за самыхъ безобразныхъ мужиковъ. Замѣчательно, что К-ровъ пользовался иногда правомъ primae noctis въ присутствіи своей жены, и госпожа К-рова не только не возмущалась этими зрѣлищами, но какъ будто сочувствовала имъ, вѣроятно—изъ принципа помѣщичьей власти. По крайней мѣрѣ извѣстно, что нѣкоторыхъ малолѣтнихъ дѣвочекъ она сама приводила къ мужу и въ случаѣ ихъ сопротивленія помогала ему...

Въ 1844 году К—ровъ пріѣхалъ въ одно изъ своихъ имѣній Темниковскаго уѣзда и потребовалъ къ себѣ старостиху Акулину Папкову. Старостихѣ отданъ былъ приказъ собрать къ барину молодыхъ бабъ и дѣвокъ. Тѣ долго не являлись. Тогда К—ровъ, въ наказаніе за нераспорядительность, подвергъ публичному позору на улицѣ 70-лѣтнюю Акулину Папкову... Обиженная пожаловалась губернатору, а помѣщикъ за это отдалъ въ солдаты ея единственнаго сына.

Подвиги К—рова дошли до свѣденія высшаго правительства и въ 1845 году надъ нимъ назначено было слѣдствіе. Въ его резиденцію отправился губернаторскій чиновникъ Сумароковъ и жандармскій офицеръ

Телѣгинъ. Слѣдователи, имѣя въ виду очевидныя улики противъ К—рова, подвергли его строгому заключенію. Днемъ держали его подъ карауломъ въ кабинетѣ, а ночью въ спальнѣ. Повидимому К—рову приходилось плохо и уже между его крестьянами распространился слухъ, что барина непремѣнно засудятъ и что онъ пытается отравиться. Самъ К—ровъ увидѣлъ, что съ нимъ не шутятъ и, какъ очень богатый человѣкъ, сталъ подкупать слѣдователей. Слѣдователи оказались однако честными людьми и не польстились на богатыя взятки. Тогда К—ровъ сталъ писать на нихъ жалобы губернатору и шефу жандармовъ. Слѣдователей перемѣнили. На мѣсто Сумарокова и Телѣгина прибыли полковникъ Ходневъ и совѣтникъ Поповъ. Но и второе слѣдствіе произведено было не въ пользу К—рова. Къ прежнимъ обвиненіямъ присоединено было еще одно, именно: будто бы К—ровъ судилъ своихъ крестьянъ за уголовныя преступленія самъ, *какъ независимый владѣтель* *).

Когда о дѣйствіяхъ К—рова стали разсуждать въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, то онъ обратился къ нему письменно съ слѣдующимъ патетическимъ заявленіемъ: «настоящія обвиненія противъ меня представляютъ случай небывалый, ибо безпорочный дворянинъ, дожившій почти до 60 лѣтъ, обвиняется въ нарушеніи будто бы права, предоставленнаго ему верховною властію. Не страдаетъ ли отъ этого незапятнанная честь моя? И гдѣ же у слѣдователей моихъ страхъ Божій?»

Между тѣмъ этотъ Елатомскій баронъ, прикинувшійся такимъ невиннымъ страдальцемъ, тысячу разъ заслуживалъ самаго строгаго уголовнаго суда. Онъ, напримѣръ, приказывалъ своимъ крѣпостнымъ женщинамъ кормить грудями щенятъ и неистовствовалъ въ своемъ крѣпостномъ районѣ. «Какъ безчеловѣчный бичъ,—жаловались

*) Древняя и Новая Россія 1877 г., стр. 128-я, наша статья.

на него графу Орлову,—какъ тиранъ и пугачъ, К—ровъ приводилъ въ ужасъ даже стороннихъ крестьянъ, кои называютъ его фармазономъ, ибо онъ никогда въ церковь не ходилъ, Богу не молился, не говѣлъ и св. таинъ не пріобщался. Только онъ богачъ необыкновенный и мѣстное начальство судить его не можетъ. Лѣтъ 10 тому назадъ К—ровъ засѣкъ одного мальчика до смерти и ему за это ничего не было. Онъ же лишилъ дѣвства 11—лѣтнюю Татьяну и 9—лѣтнюю Прасковью и за это ему ничего не было. Сама барыня своеручно розгами и кнутомъ сѣчетъ людей нещадно и тоже никто ей слова не скажетъ. А сѣчетъ она истинно безъ всякой жалости: крестьянина Владиміра Румянцева не устыдясь сама сѣкла; женщину Авдотью Сергѣеву, нагую и беременную, повела въ баню и тамъ долго издѣвалась надъ ней, три пучка розогъ перемѣнила и головой объ стѣну била. Въ 1845 году у насъ въ имѣніи на первый день пасхи шла обѣдня и К—ровъ въ это время сѣкъ кнутомъ своихъ дворовыхъ, щипалъ ихъ и палилъ имъ волосы лучиною».

Эта жалоба предъявлена была подсудимому, но онъ упорно увѣрялъ слѣдователей въ своей невинности и въ испорченности своихъ крестьянъ. «Крестьяне мои,—объяснялся онъ,—самые развращенные и все лгутъ».

По какому же поводу происходили всѣ эти дикія оргіи самодурства и за что страдали крестьяне? Отвѣтъ на это представляетъ разбираемое нами слѣдственное дѣло. «За каждыя малости били насъ,—показывали крестьяне жандармскому полковнику Ходневу,—къ намъ придирались и винили насъ за то, что не такъ подали, не такъ вошли, не такъ потрафили *).

Скотина была худа, за это скотниковъ сѣкли. Скотина потолстѣла—и за это сѣкли. Баринъ былъ не въ духѣ, онъ сѣкъ съ досады; баринъ былъ веселъ—для потѣхи дралъ».

*) Слѣдственное *дѣло* о К—ровѣ хранится въ архивѣ Тамб. губ. правленія.

Слѣдующая жалоба всего лучше иллюстрируетъ прежніе крѣпостные порядки. Крестьянинъ Яковъ Графовъ вотъ что объяснялъ слѣдователямъ: «дочь Анну отымалъ у меня баринъ, а я не далъ и за это меня съ хозяйкою сѣкли, дали ударовъ по 100. И отъ того сѣченія были у насъ рубцы въ указательный палецъ и не заживали 4 недѣли».

Особенною неутомимостію К—ровъ отличался, какъ мы сказали уже, въ преслѣдованіи малолѣтнихъ дѣвочекъ. Одну изъ нихъ за извѣстное упорство онъ привязалъ въ скотной избѣ къ кровати, потомъ посадилъ въ погребицу, откуда она ушла чрезъ худую крышу въ поле и спряталась въ горохѣ. Тамъ-то и нашелъ ее баринъ, высѣкъ розгами, остригъ и изнасиловалъ. Въ это время отецъ дѣвочки, Хмурый, стоялъ неподалеку и пересталъ работать. Увидѣла это барыня, всегда покровительствовавшая продѣлкамъ своего мужа, и начала злополучнаго старика таскать за волосы. Послѣ этого поруганная дѣвочка сбѣжала со двора и скрылась неизвѣстно куда, за что старика—отца снова позвали къ барину...

Иногда К—ровъ впадалъ въ игривый тонъ, когда собирался кого нибудь сѣчь.

— Карпуша,—ласково приказывалъ онъ своему человѣку,—сними съ гвоздика собачій кнутикъ.

Кнутикъ, т. е. сыромятный охотничій кнутъ съ узлами, снимали и начиналась варварская расправа...

Слѣдствіемъ обнаружено, что въ имѣніяхъ К—рова не было ни одного небитаго и несѣченнаго крестьянина. За все про все отдувалась терпѣливая мужицкая спина. Не было также у К—рова ни одной крѣпостной дѣвушки, непоруганной.

Слѣдователи вызвали изъ Елатьмы врача Туберовскаго и поручили ему освидѣтельствовать К—ровскихъ крестьянъ. Врачъ успѣлъ пересмотрѣть только 27 человѣкъ и больше уже не смотрѣлъ, такъ какъ дѣло было ясно. Всѣ эти 27 человѣкъ имѣли на себѣ глубокіе рубцы и синебагровые знаки.

Тогда о К—ровѣ сдѣлали въ Елатомскомъ уѣздѣ повальный обыскъ. Къ удивленію, большинство Елатомскихъ дворянъ дало о подсудимомъ такой отзывъ: «К—ровъ истинно благородный человѣкъ и о жестокостяхъ его мы не слышали».

Иные къ этому прибавляли: «К—ровъ истинный христіанинъ и исполняетъ всѣ христіанскіе обряды».

А уѣздный предводитель Карачинскій написалъ губернатору, что между крестьянами уѣзда, по поводу извѣстнаго слѣдствія, стали ходить слухи о вольности «Весь уѣздъ,—заявлялъ онъ,—встревоженъ по случаю бѣдствій господина К—рова.

Только не многіе дворяне показывали правду. Одинъ изъ нихъ, Стокасимовъ, говорилъ: «ничего хорошаго и приличнаго званію дворянина я въ К—ровѣ не видѣлъ, у литургіи не видалъ его ни разу, а живемъ мы съ нимъ въ одномъ селѣ. Жестокость супруговъ К—ровыхъ не сообразна съ правами помѣщиковъ и не имѣетъ границъ; вопли и крики въ ихъ домѣ раздаются постоянно. Въ дополненіе ко всему этому прибавлю, что многіе К—ровскіе крестьяне ходили и ходятъ по міру, такъ какъ мучимы были барщиною въ воскресные дни и въ праздники».

Мѣстные полицейскіе чиновники, очевидно кѣмъ слѣдуетъ задаренные, тоже всячески препятствовали слѣдователямъ, уклоняясь отъ слѣдствія и отговариваясь важными служебными дѣлами.

При такихъ условіяхъ К—ровъ пріободрился и сталъ писать высшимъ властямъ смѣлѣе, указывая имъ на свою посрамленную дворянскую честь. «Безъ власти моей,—писалъ онъ Тамбовскому губернатору Булгакову,—въ имѣніяхъ моихъ пошли безпорядки: земля осталась не вспаханною, дворовые люди предались буйству и дракѣ, женскій полъ—распутству, чего прежде не было, и оброки не собраны». Словомъ, по мнѣнію К—рова, всякое вмѣшательство представителей закона въ дѣй-

ствія помѣщиковъ, каковы бы они ни были, представлялось уже нарушеніемъ государственныхъ основъ и народнаго спокойствія... И странно, всѣ эти соединенныя усилія, направленныя къ огражденію К—рова отъ законной кары, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Правда, подсудимаго вызвали въ Тамбовъ подъ надзоръ полиціи, имѣніе его нѣсколько времени было въ опекѣ, но.... тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ томъ же направленіи, какъ и К—ровъ, дѣйствовалъ другой Елатомскій помѣщикъ К—чинскій. Имя его извѣстно мѣстному краю въ особенности вслѣдствіе трагической участи, постигшей его въ декабрѣ 1859 года, когда измученные имъ крестьяне, не видя себѣ ни откуда помощи, рѣшились положиться, какъ они выражались на судѣ, на судъ Божій и убили своего помѣщика. Въ свое время это убійство надѣлало большого шуму даже въ Петербургѣ. Шефъ жандармовъ князь Долгорукій телеграфировалъ въ Тамбовъ на имя губернатора Данзаса: «18 декабря помѣщикъ К—чинскій умеръ. Примите мѣры къ огражденію его имущества отъ расхищенія возмутившихся крѣпостныхъ».

Въ 1859 году К—чинскій былъ уже дряхлымъ старикомъ. Это былъ человѣкъ мрачный и нелюдимый. Домъ у него былъ настоящій дворецъ, съ башнями, теплицами и оранжереями. За свое богатство К—чинскій пользовался въ своемъ уѣздѣ понятнымъ уваженіемъ и былъ избираемъ въ предводители и попечители губернской гимназіи. Между тѣмъ крестьяне его страшно бѣдствовали вслѣдствіе малаго надѣла, тяжелой барщины и частыхъ переселеній съ лучшей земли на худшую.

Крестьянскія жалобы на К—чинскаго начались въ началѣ 1859 года. «Баринъ,—писали крестьяне,—переселялъ насъ съ мѣста на мѣсто 7 разъ и совсѣмъ разорилъ и измучилъ. Когда мы упрашивали его не трогать насъ, онъ томилъ насъ голодомъ и сѣкъ розгами и плетьми, а избы наши велѣлъ разметать и сжечь». Жалоба эта

однако не была уважена. Просителей наказали розгами и посадили въ Елатомскій острогъ. Всѣ остальные крестьяне, понятно, притихли послѣ этого урока.

Впрочемъ тишина была передъ бурею. Въ декабрѣ 1859 года три крестьянина села Русанова, Николай и Иванъ Балдины и Лукьянъ Куренковъ, сговорились между собою покончить съ бариномъ. Всѣ они имѣли давніе счеты съ К—чинскимъ: онъ ихъ пустилъ по міру и лишилъ семейнаго спокойствія и чести. Часто подолгу стаивали они на барскомъ дворѣ, на вѣтру и на холодѣ безъ шапокъ, ожидая позволенія войти въ барскую переднюю. Думали они слезами да мольбами укротить барское сердце, но К—чинскій не любилъ видѣть мужичьи слезы... Въ заговорѣ Балдиныхъ и Куренкова участвовала также крестьянка Агафья Никитина, по неволѣ принадлежавшая старику—сластолюбцу, у котораго разъ на всегда было приказано, чтобы лѣтомъ приводили къ нему каждый день по 8 женщинъ, а зимой—по 4.

18 декабря К—чинскій имѣлъ свиданіе съ Агафьей Никитиной въ садовой оранжереѣ. Въ это время неожиданно вошли къ нему заговорщики. Первый заговорилъ Иванъ Балдинъ. «Долго ли,—сказалъ онъ,—будешь ты мучить насъ переселеніями».

К—чинскій молчалъ.

Тогда Николай Балдинъ крикнулъ: «мы пришли не разговаривать съ бариномъ, а дѣло дѣлать». Вслѣдъ за этими словами на несчастнаго старика посыпались удары. Трупъ К—чинскаго раздѣли до-нага, ругались надъ нимъ и звѣрски оскопили его.

Убійцы сразу повинились. Старшій изъ нихъ, 50-ти лѣтній Николай Балдинъ, слѣдующимъ образомъ показывалъ на допросѣ.

«Житье у насъ въ Русановѣ было такое плохое—и сказать нельзя. А тутъ баринъ велѣлъ переселяться въ село Петровское, гдѣ всѣ крестьяне ходили по міру, да еще отнялъ у меня овесъ и рожь. Не въ моготу мнѣ это стало».

Иванъ Балдинъ и Куренковъ, повторяя вышесказанное, съ своей стороны жаловались: «баринъ отнялъ у насъ женъ на другой день послѣ вѣнчанья».

Одна женщина Анисья Сѣрина говорила слѣдователямъ: «господинъ нашъ такой былъ, что не давалъ проходу не только намъ, молодымъ бабамъ, но и нашимъ матерямъ и бабкамъ». А дворовая Марья Шильнова къ этому показанію добавила: «позвали меня въ хоромы въ самую свадьбу и на прощанье давалъ мнѣ баринъ 5 копѣекъ».

Крестьянинъ Егоръ Тюринъ, человѣкъ степенный и уважаемый всѣмъ сельскимъ обществомъ, такъ плакался на свою обиду: «была у меня всего одна дочка, пошелъ ей 15-й годъ, и ее не пожалѣлъ господинъ нашъ, взялъ съ собой въ городъ и продержалъ тамъ три года».

Трое стариковъ, спрошенныхъ по дѣлу К—чинскаго, отказались давать показанія. «По старости лѣтъ нашихъ,—сказали они,—намъ непригоже разговаривать про дурныя барскія дѣла».

Когда во время повальнаго обыска спросили о поведеніи Балдиныхъ и Куренкова, то всѣ показали, что убійцы, до своего несчастія, были люди работящіе, только очень ужъ бѣдные. Иные прямо называли ихъ людьми хорошими, рѣшившимися на грѣхъ отъ натужной жизни.

Замѣчательно между прочимъ показаніе помѣщика Дьяконова: «барщина въ имѣніи г. К—чинскаго,—писалъ онъ,—была безусловно тягостна, развратное поведеніе владѣльца перешло всякое воображеніе и всѣ женщины его помѣстій имѣютъ право другъ надъ другомъ смѣяться».

Нѣкоторые помѣщики, хотя не отвергали несомнѣнныхъ пороковъ К—чинскаго, однако и тутъ старались всячески обѣлить его память. Такъ, помѣщикъ Путиловъ пытался извинить развратъ К—чинскаго примѣромъ Евангельской блудницы.

По окончаніи слѣдствія начался судъ. Убійцамъ дали по 100 ударовъ плетьми и затѣмъ сослали ихъ въ Сибирь въ безсрочную каторгу. *)

Подобныхъ К—рову и К—чинскому героевъ крѣпостнаго права мы могли бы указать цѣлые десятки. Но мы не дѣлаемъ этого, такъ какъ цѣль нашего очерка заключается не въ увѣковѣченіи отжившихъ печальной памяти типовъ, а въ простомъ указаніи на былыя несовершенства мѣстной внутренней жизни. Всѣ эти мрачныя стороны нашего быта уже прикрыты свѣтлымъ ореоломъ 19-го февраля; и какъ воинскія знамена въ прошломъ столѣтіи возстановляли поруганную честь, такъ и великая крестьянская реформа незабвеннаго царя-освободителя примиряетъ насъ съ прошлымъ...

Былъ у насъ въ Тамбовской губерніи и еще одинъ дворянскій типъ. Это совершенно разорившіеся дворяне. Ничего не имѣя, они докучали всѣмъ состоятельнымъ людямъ о пособіи. Таковъ былъ прапорщикъ Зеттингеръ. Вотъ что писалъ онъ однажды губернскому предводителю Ознобишину: «гремящая повсюду слава о добродѣтельной вашего превосходительства душѣ и творимыхъ благахъ страждущимъ подаетъ мнѣ безсомнѣнную надежду, что лучъ вашего благодѣянія и ко мнѣ коснется».

Въ награду за такое краснорѣчіе Зеттингеръ получилъ отъ Ознобишина 25 рублей.

Нѣкоторые Тамбовскіе помѣщики были тяжелы для своихъ крѣпостныхъ еще и тѣмъ, что имѣли обыкновеніе держать при себѣ очень лихихъ управляющихъ, старостъ и бурмистровъ. Отъ этого происходили иногда самыя печальныя явленія. Напримѣръ.

Однажды крестьянинъ помѣщика Анцыферова Захаръ Никитинъ косилъ сѣно на лугахъ села Разсказова. Въ это время позвалъ его къ себѣ бурмистръ Федоръ

*) Дѣло о К—чинскомъ хранится въ архивѣ Тамб. губ. правленія.

Ефимовъ и началъ ножницами стричь ему голову и остригъ полъ-головы.

—Ну, теперь ступай работай,—сказалъ бурмистръ,—а вечеромъ приходи на конюшню: сѣчь буду.

Зло взяло Никитина и онъ изо всей силы ударилъ своего притѣснителя косою и опрокинулъ его на землю. Къ вечеру бурмистръ умеръ. Начался судъ.

— За что ты убилъ бурмистра? спросили судьи.

— Житья мнѣ не было отъ бурмистра,—отвѣчалъ Никитинъ. Не было у меня своей избы, шлялся я съ женой со двора на дворъ и слушалъ попреки. И содержаться было не чѣмъ: получалъ я отъ барина въ мѣсяцъ пудъ и 30 фунтовъ ржаной муки и гарнецъ пшена—и все тутъ. Убѣжалъ я, куда глаза глядятъ, но меня поймали и тутъ то бурмистръ началъ тиранить меня: днемъ я работалъ не покладая рукъ, а ночью меня заковывали въ желѣза. А иногда замѣсто того сѣкли на конюшнѣ. Вотъ я и убилъ Ефимова, думаю—одинъ конецъ.

При такихъ-то и подобныхъ обстоятельствахъ, утвердившихся въ нашемъ краѣ съ половины прошлаго столѣтія, объявлена была высочайшая жалованная грамота 24 апрѣля 1785 года. Понятно, что первыя попытки къ самоуправленію со стороны Тамбовскихъ дворянъ были весьма неудачны. Были у насъ права и полномочія, а дѣятелей достойныхъ того и другаго почти не было. Выбраны были у насъ дворянскіе депутаты, но рѣдкіе изъ нихъ охотно шли на службу. Большинство отказывалось отъ общественной службы по разнымъ причинамъ. Елатомскій депутатъ Мещериновъ не являлся къ должности *по болѣзни*. Между тѣмъ предводитель Языковъ такъ писалъ о немъ: «въ дворянское собраніе оный Мещериновъ не является, а со псовою охотою ѣздитъ въ отъѣзжихъ поляхъ, въ медвѣжьихъ островахъ и на рыбныхъ ловляхъ бываетъ же почасту по Окѣ рѣкѣ и по заливамъ».

Даже въ дворянскіе предводители мѣстные дворяне шли неохотно и при малѣйшемъ удобномъ случаѣ подавали въ отставку. Были у насъ и такіе служилые дворяне, которые по своему поведенію оказывались недостойными своего званія. Напримѣръ Усманскій депутатъ Малышовъ. Онъ переправлялъ въ другія губерніи бѣглыхъ крестьянъ, чужой хлѣбъ продавалъ вмѣсто своего и кромѣ того осужденъ былъ Воронежскимъ епископомъ Тихономъ за кровосмѣшеніе.

Если же наконецъ кое-какъ составлялись Тамбовскія дворянскія собранія, то при этомъ начинались вмѣсто дѣла взаимныя ссоры и пререканія. Выступали на сцену личныя антипатіи и шла по этому поводу болѣе или менѣе крупная перебранка.

Отъ дворянскихъ междоусобій трудно было уклониться даже и такимъ людямъ, какъ Г. Р. Державинъ, бывшій Тамбовскій губернаторъ. Въ 1787 году съ нимъ поссорился губернскій предводитель А. Г. Пановъ. Причиною ссоры послужило то обстоятельство, что Тамбовское намѣстническое правленіе осмѣливалось писать на имя Панова указы. Между тѣмъ губернскому предводителю хотѣлось получать предписанія прямо отъ губернатора. Когда узналъ объ этомъ Державинъ, то онъ написалъ Панову пространное письмо, въ которомъ на основаніи законовъ доказывалъ, что не только *отъ намѣстническаго правленія, но и отъ верхняго земскаго суда предводитель долженъ принимать указы.* *)

«Признаюсь вамъ,—заключаетъ Державинъ свое письмо,—будучи на вашемъ мѣстѣ я бы пріятнѣе принималъ указы изъ намѣстническаго правленія подъ заглавіемъ священнаго императорскаго имени, предъ коимъ все раболѣпствовать и преклоняться должно, нежели какое либо предписаніе отъ губернатора, тѣмъ паче младшаго васъ лѣтами, а службою и можетъ быть самыми способностями далеко отъ васъ отстоящаго».

---

*) Переписка Державина съ Пановымъ находится въ Тамб. двор. архивѣ.

Вскорѣ послѣ Панова Тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ былъ генералъ Баратынскій, а губернаторомъ въ то же время состоялъ Кошелевъ. Эти губернскіе сановники сначала жили согласно, а потомъ поссорились до того, что стали жаловаться другъ на друга Петербургскимъ властямъ. Въ ссорѣ этой приняли участіе и нѣкоторые уѣздные предводители, какъ это видно изъ слѣдующаго. Однажды Кошелевъ приглашалъ предводителей въ Тамбовъ для разсужденій о рекрутскомъ наборѣ. На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: три предводителя отказались пріѣхать по случаю какихъ-то текущихъ дѣлъ, а самъ Баратынскій ночью тихонько выѣхалъ изъ Тамбова въ деревню.

Нравственно безсильное Тамбовское дворянство прошлаго столѣтія, разумѣется, не могло заботиться о благѣ своего края и неоднократно доказывало это самымъ положительнымъ образомъ. Еще задолго до знаменитой жалованной грамоты, именно въ 1767 году, дворянство призывалось къ широкой и плодотворной дѣятельности. Мудрая царица призывала всю русскую землю въ лицѣ ея выборныхъ къ великому земскому дѣлу. И охотно шли нѣкоторыя русскія области на царскій зовъ, только нашъ край, вмѣстѣ съ немногими другими, слабо откликнулся на призывъ Екатерины II-й. Нѣкоторые нынѣшніе наши уѣзды, наприм. Моршанскій, Борисоглѣбскій, Кирсановскій, Лебедянскій и Спасскій, совсѣмъ не выбирали дворянскихъ депутатовъ, другіе же выбирали въ законодательную коммисію такихъ людей, которые смотрѣли на свое призваніе, какъ на лишнюю тяготу, и потому по пріѣздѣ въ Москву сразу озаботились тѣмъ, какъ бы имъ поскорѣе оставить столичныя затѣи и снова водвориться въ мирныхъ своихъ захолустьяхъ.

Намъ извѣстны имена слѣдующихъ Тамбовскихъ дворянскихъ депутатовъ 1767 года: Темниковскаго депутата капрала Ильи Васильевича Еникѣева, Шацкаго—

полковника Ивана Лаврентьевича Богданова, Усманскаго-секундъ-маіора Никифора Васильевича Чернова, и Козловскихъ депутатовъ-секундъ-маіора Семена Савича Муравьева и извѣстнаго Коробьина. Кромѣ того въ архивѣ губернскаго правленія намъ встрѣтились еще имена депутатовъ неизвѣстныхъ уѣздовъ: мурзы Ураза Шимакова, князя Елафѣева и Льва Евсюкова. Всѣ эти лица отличались болѣе или менѣе безучастнымъ отношеніемъ къ дѣламъ Московской коммисіи и только одинъ извѣстный Коробьинъ возвышалъ свой голосъ въ защиту крестьянства, нравственное и экономическое положеніе котораго въ XVIII столѣтіи было самое неудовлетворительное.

О судьбѣ нашихъ депутатовъ мы знаемъ очень мало. О капралѣ Еникѣевѣ извѣстно, что въ 1774 году онъ былъ повѣшенъ въ селѣ Леплейкѣ Пугачевцами. А полковникъ Богдановъ ухитрился немедленно по прибытіи въ Москву сложить съ себя депутатскія полномочія. *)

Имена нашихъ доморощенныхъ законодателей такъ бы и исчезли въ нашемъ краѣ, если бы въ концѣ прошлаго столѣтія не состоялось правительственное распоряженіе объ ѳтобраніи отъ бывшихъ выборныхъ въ коммисію ихъ знаковъ. Изъ переписки по этому поводу мы и узнали кое-что относительно нашего представительства въ 1767 году.

Первое дворянское собраніе въ городѣ Тамбовѣ состоялось 3 сентября 1788 года. Въ общемъ своемъ собраніи Тамбовское дворянство прежде всего стало разсматривать *доказательства на дворянское достоинство отъ дворянъ и отъ князей и мурзъ Татарскаго происхожденія*.

Послѣ повѣрки *доказательствъ* въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ оказалось 330 несомнѣнныхъ дворянскихъ фамилій. А лицъ претендовавшихъ на дворянское до-

*) Арх. Шац. пров. канц. № 2,322-й.

стоинство и не имѣвшихъ возможности документами доказать его насчитывали до 3000.

Самыя древнія наши дворянскія фамиліи оказались въ Темниковскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ. Почти всѣ онѣ Татарскаго происхожденія. Древнѣйшія жалованныя грамоты Тамбовскихъ дворянъ восходятъ, какъ это указано выше, ко временамъ великаго князя Василія III-го, отъ котораго сохранилась слѣдующая грамота: «се язъ князь великій всея Руси пожаловалъ есми Микитку Васильева Мордвою въ кормленіе и вы, всѣ люди тое Мордвы чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ по старой пошлинѣ, какъ было пережъ сего».

Но большинство коренныхъ Тамбовскихъ дворянъ жаловано дворянствомъ и помѣстьями, пашнями, сѣнными покосами, бортными ухожьями, рыбными ловлями и всякими угодьями, крестьянами, бобылями и вотчинами—при царѣ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ и при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ. Вотъ наприм. одна жалованная грамота царя Шуйскаго на имя мурзы Барашова, предъявленная въ доказательство дворянства его потомками:

«Служилъ ты намъ подъ Тулою и взяли тебя въ полонъ и приветчи на Тулу били кнутомъ и медвѣдемъ травили и на башню взводили и въ тюрьму сажали, и голодъ и нужу всякую терпѣлъ, и съ Тулы пришелъ къ намъ съ вѣстьми. И мы, великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Россіи, велѣли есмы дати тебѣ жалованную грамоту на княженье.»

А вотъ извлеченіе изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича, имѣвшее ту же цѣль:

«Мурзѣ князь Булаеву, ногаю Айкину да Артуганову—жалованье на дикое поле по 10 четьи въ полѣ, а въ дву потому жъ. А чтобъ межъ ими впредь о той землѣ спору не было, первый рубежъ отъ рѣчки Виндреи на большую кудрявую березу, а отъ той березы

прямо на березу жъ, что подлѣ тальника, а отъ тое березы скрозь тальника на виловатую березу и до орлова гнѣзда.»

Въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей пожалованія производились большею частію вслѣдствіе частыхъ и усиленныхъ домогательствъ просителей. «Въ службу великихъ государей мы поспѣли,—просили служилые люди,—а помѣстными окладами не верстаны».

«Нашихъ женъ и дѣтей посѣкли,—писали другіе,—и въ полонъ побрали и домы наши въ конецъ разорили».

Таковыхъ просителей жаловали крестьянами, мотивируя это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «противъ злодѣевъ нашихъ тѣ челобитчики стояли крѣпко и многое дородство и храбрость и кровопролитіе показали, голодъ и наготу и нужду всякую осадную терпѣли, а на измѣну не покусилися».

Покончивши съ этими и подобными доказательствами дворянства, Тамбовское дворянское собраніе 1788 года порѣшило на разныя нужды дворянства собирать по 10 копѣекъ съ ревизской души. Изъ этихъ и иныхъ сборовъ составился первоначальный дворянскій капиталъ, изъ котораго и разрѣшено было выдавать мѣстнымъ дворянамъ ссуды подъ залогъ.

Немедленно явились многочисленные искатели этихъ ссудъ и въ самое короткое время роздано было Тамбовскимъ дворянамъ нѣсколько тысячъ рублей. Но исправныхъ должниковъ, кромѣ одной бѣдной помѣщицы, не оказалось: всѣ просрочили платежемъ, даже самъ губернскій предводитель Пановъ не платилъ 300 рублей *). Впрочемъ, на это обращено было должное вниманіе. По приказанію ревизовавшихъ въ концѣ прошлаго столѣтія Тамбовскую губернію сенаторовъ Трощинскаго и князя

---

*) Послѣ Панова Тамб. губернскіе предводители дворянства до 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія слѣдовали въ такомъ порядкѣ: полковникъ Лотаревъ, секундъ-маіоръ Жуковъ, VIII класса Мартыновъ, генералъ-лейтенантъ Баратынскій, Сабуровъ, Чубаровъ, Ознобишинъ, генералъ-маіоръ Глазовъ и Чарыковъ.

Щербатова, употреблены были самыя энергическія мѣры для возвращенія выданныхъ въ ссуду дворянскихъ суммъ.

Съ начала XIX столѣтія характеръ дѣятельности Тамбовскаго дворянства измѣняется къ лучшему. Въ 1801 году наше дворянство открываетъ на свои средства училищный корпусъ. Въ 1806 году оно дѣлаетъ въ пользу государства разныя значительныя пожертвованія деньгами (по 2 рубля съ ревизской души) и вещами. Такъ какъ въ то время помѣщичьихъ крестьянъ было у насъ 250 тысячъ, то въ государственномъ казначействѣ непредвидѣннаго приходу оказалось 500,000 рублей. Впослѣдствіи разныя добровольныя пожертвованія Тамбовскаго дворянства все увеличивались и увеличивались и достигли наконецъ громадной суммы шести милліоновъ. Въ 1812 году мѣстное дворянство безплатно поставило въ армію три тысячи воловъ и сформировало пѣхотный полкъ. Въ то же время Тамбовскій помѣщикъ извѣстный Н. П. Архаровъ выставилъ на свой счетъ 500 конныхъ ратниковъ съ провіантомъ на три мѣсяца, а другой Тамбовскій дворянинъ Ліонъ пожертвовалъ на нужды арміи 200 половинокъ армейскаго сукна. Позднѣе Тамбовскіе дворяне содѣйствовали учрежденію мѣстнаго женскаго института и развитію губернской гимназіи. Наконецъ въ 1870 году одинъ мѣстный землевладѣлецъ, имя котораго извѣстно теперь всей Россіи, употребилъ громадную сумму, до 500,000 рублей, на основаніе Тамбовскаго учительскаго института и такимъ образомъ совершилъ подвигъ христіанской любви по отношенію къ тому самому народу, трудами котораго прежніе дворяне пользовались даромъ...

Теперь мы переходимъ къ краткому изображенію нашего отжившаго чиновничества.

Былая роль нашихъ чиновныхъ дѣльцевъ, крупныхъ и мелкихъ, тоже далеко не утѣшительна. Правда, и между ними были у насъ люди добросовѣстно преданные престолу и отечеству и для края весьма полезные. Съ

любовію вспоминаемъ мы воеводу—строителя города Тамбова Романа Федоровича Бобарыкина и знаменитаго правителя нашего намѣстничества Гаврила Романовича Державина. Обращаясь къ болѣе скромной средѣ, мы и тамъ находимъ не мало типовъ, достойныхъ нашего вниманія и совершеннаго сочувствія. Таковъ былъ второй директоръ Тамбовскихъ училищъ А. Жоховъ, много послужившій дѣлу мѣстнаго народнаго просвѣщенія въ концѣ прошлаго вѣка. Таковъ былъ Темниковскій капитанъ-исправникъ Маматовъ, тратившій свое скудное жалованье на нужды бѣдныхъ горожанъ и сельчанъ... Но всѣ они, извѣстные намъ и неизвѣстные, были только счастливымъ исключеніемъ и слишкомъ слабо скрашивали общій темный колоритъ... Конечно, въ этомъ случаѣ не столько люди были виноваты, сколько господствовавшее надъ ними направленіе.

Міръ чиновниковъ въ прежнія времена былъ едвали не сильнѣе дворянской корпораціи. Это, между прочимъ, видно изъ того, повидимому, мелкаго факта, что первые Тамбовскіе вице-губернаторы Зубовъ и Ушаковъ жили у купца Расторгуева *даромъ* и для топки своихъ печей разломали хозяйскіе заборы и ворота... Вся русская жизнь текла подъ чиновничьею эгидою, почти безконтрольно правившею всѣмъ и всѣми. Понятно, плохо было жить русскому человѣку при такихъ условіяхъ. Мы говоримъ объ XVIII столѣтіи и о настоящемъ до великихъ реформъ прошлаго царствованія. То было время, когда вполнѣ оправдывалась старинная русская пословица: до Бога высоко, а до царя далеко.

Каковъ же былъ личный составъ этого отжившаго и властнаго приказнаго сословія, этихъ *великихъ ловцовъ человѣковъ*?

Все это были люди большею частію безъ всякаго образованія, а нерѣдко и малограмотные. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ мѣстные служебные формулярные списки.

Приводимъ выдержки изъ нихъ за 1831-й годъ.

«Судья Тамбовскаго совѣстнаго суда надворный совѣтникъ Алексѣй Федоровичъ Федоровъ. *Образованіе* получилъ въ палатѣ суда и расправы, гдѣ началъ службу копіистомъ, имѣя отъ роду 12 лѣтъ».

«Дворянскій засѣдатель Николай Васильевичъ Федоровъ. Въ школѣ не былъ и учился въ Петербургскомъ казначействѣ.»

«Дворянскій засѣдатель Павелъ Васильевичъ Степановъ. Ни гдѣ не учился, а службу началъ подканцеляристомъ въ Тамбовскомъ губернскомъ правленіи.»

«Уѣздный судья Алексѣй Александровичъ. Въ школахъ не учился, а службу началъ нижнимъ чиномъ въ гарнизонномъ баталіонѣ.»

Что касается лицъ болѣе высокаго положенія въ Тамбовской администраціи 1831 года, то объ нихъ формулярные отзывы большею частію были въ такомъ родѣ: Такой-то. Образованія домашняго. Окончательное образованіе получилъ въ такомъ-то гвардейскомъ полку... *)

Нѣкоторые Тамбовскіе чиновники прежнихъ временъ ухитрялись достигать вліятельныхъ и *теплыхъ* мѣстъ и въ то же время сохраняли полную невинность и, такъ сказать, дѣвственность ума. Именно такимъ чиновникомъ въ 1837 году оказался старшій засѣдатель уѣзднаго суда Булатовъ. Вотъ что писалъ о немъ дворянинъ Зайцевъ.

«Сей еле и кое-какъ пишетъ и читаетъ по русски, имѣя горестную и слабую отъ природы способность, что легко повѣрить даже публичнымъ ему экзаменомъ.»

Крайняя умственная неразвитость отжившаго Тамбовскаго чиновничества съ особенною яркостію выражается въ его канцелярскихъ работахъ, журналахъ, протоколахъ, предписаніяхъ, рапортахъ и подобныхъ

*) Арх. двор. собр. № 97-й.

литературныхъ опытахъ. Эти опыты прежде всего поражаютъ насъ крайнимъ многословіемъ. Прежніе канцелярскіе дѣльцы не жалѣли казенной бумаги и изъ пустяковъ исписывали цѣлыя ея кипы. Такое утомительное празднословіе объясняется отчасти литературною неумѣлостію прежнихъ чиновниковъ, а съ другой стороны—ихъ привычкою намѣренно затемнять всякое дѣло. Да и само общество поощряло безполезное многословіе канцелярскихъ писакъ. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія между Темниковскими дворянами нашелся одинъ такой субъектъ, который въ теченіи полутора года только въ уѣздный и земскій суды подалъ болѣе 600 кляузныхъ бумагъ.

Многія *дѣла* старыхъ приказныхъ дѣльцовъ замѣчательны еще курьезностію изложенія. Напримѣръ.

«Протоколъ Тамбовской палаты уголовнаго суда отъ 14 іюля 1820 года. Палата, слушавъ дѣло, поступившее на ревизію изъ Липецкаго уѣзднаго суда, въ зарѣзаніи якобы губернской секретарши Зеленевой дворовыми людьми находящагося двороваго человѣка Чайковскаго на прокормленіи помѣщицы Вишневской быка, рыжепестраго уѣзднаго казначея Свѣшникова.»

Смыслъ этихъ курьезныхъ словъ совершенно внезапно обнаруживается лишь на 3-й страницѣ *дѣла*. Оказывается, что рыжепестрый быкъ принадлежалъ уѣздному казначею Свѣшникову.

Даже заглавія иныхъ *дѣлъ* отличались большею или меньшею курьезностію, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

«Дѣло Кирсановскаго уѣзднаго суда о появившемся въ тамошнемъ уѣздѣ скотскаго рогатаго падежа.»

«Дѣло объ учинившемся въ селѣ Красивкѣ рогатомъ скоту падежѣ.»

«Дѣло о крестьянинѣ Сидоровѣ, обвиняемомъ якобы въ покушеніи себя къ удавленію.»

«Дѣло по прошенію Трескинскихъ священнослужителей о уничтоженіи діакона.»

«Дѣло объ однодворцѣ Трофимѣ Мордасовѣ въ уязвленіи еретичествомъ однодворку Парфенову.»

«Дѣло о представленіи Шацкаго депутата Тутолмина къ знаку отличія безпорядочной службы.»

Крайняя литературная неумѣлость Тамбовскаго чиновничества была замѣчена даже высшимъ правительствомъ и еще въ январѣ 1797 года отъ генералъ-прокурора Куракина было формальное предписаніе Тамбовскимъ чиновникамъ, *чтобы они во всѣ судебныя мѣста изъяснялись самымъ чистымъ и простымъ слогомъ, употребляя всю возможную точность, а высокопарныхъ выраженій, смыслъ потемняющихъ, всегда избѣгали бы.*

Однако, малограматное и чуждое умственныхъ интересовъ Тамбовское чиновничество въ былыя времена отличалось замѣчательною ловкостію въ преслѣдованіи своекорыстныхъ цѣлей и въ формальномъ судопроизводствѣ. Оно умѣло находить для себя источники наживы тамъ, гдѣ, повидимому, не было ни какого мѣста вмѣшательству начальства, а въ случаѣ появленія такъ называемыхъ интересныхъ дѣлъ для приказнаго міра наступала пора самой обильной жатвы. Тамбовскіе старожилы еще и доселѣ помнятъ бывшаго Кирсановскаго засѣдателя Андреянова, который ѣздилъ по селамъ своего уѣзда и, желая попользоваться мірскимъ карманомъ, за неимѣніемъ другихъ рессурсовъ, приказывалъ запечатывать въ деревенскихъ избахъ печи. Припоминается намъ и другой ловкій дѣлецъ, совѣтникъ казенной палаты Гороховскій, который во время рекрутскаго набора 1814 года собралъ со всего губернскаго крестьянства около 170,000 рублей и при этомъ былъ такъ аккуратенъ, что всѣ полученія свои записывалъ въ особую счетную книгу. Не можемъ не отмѣтить здѣсь и Тамбовскаго городничаго Клементьева, забиравшаго прохожихъ только за то, что они *среди бѣлаго дня ходили*

по улицамъ. Маіоръ Клементьевъ не выдавалъ солдатамъ губернской роты ремонтныхъ денегъ, такъ что инвалиды чинили оружіе и амуницію на свой счетъ. Онъ же отнялъ у роты всѣ полушубки и сухарные мѣшки, а у кого ихъ не было, съ тѣхъ бралъ по 70 копѣекъ. Хищническія продѣлки городничаго Клементьева дошли до высочайшаго свѣденія и виновный исключенъ былъ изъ службы. Однако, награбленное имущество осталось при немъ и государственный хищникъ сыто и весело окончилъ дни свои. *)

Нечистые на руку Тамбовскіе служилые люди умѣли проявлять самое необузданное самоуправство. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ приведемъ слѣдующіе.

Въ 1776 году полковникъ и Тамбовскій воевода Г. А. Сухотинъ собралъ изъ своей дворни и изъ крестьянъ толпу въ 60 человѣкъ и съ этимъ отрядомъ двинулся на село Девятовку, гдѣ разграбилъ домъ помѣщицы Богдановой, а всѣхъ крестьянъ взялъ въ плѣнъ и торжественно водворилъ ихъ въ Тамбовѣ.

Въ городѣ Кирсановѣ въ 1802 году былъ не менѣе замѣчательный случай административнаго самодурства. Мѣстный городничій Таировъ узналъ однажды, что у купца Федюкина гости. Уѣздному юпитеру не понравилось это обывательское пированіе безъ его участія и вотъ онъ собралъ инвалидныхъ солдатъ и 40 человѣкъ плѣнныхъ Турокъ и съ этою толпою оцѣпилъ купеческій домъ. Всѣ гости Федюкина объявлены были арестованными и препровождены въ полицію, въ томъ числѣ священникъ Алексѣевъ. Въ это время Таировъ былъ пьянъ и ѣхалъ по городу безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ.

«Поведеніе городничаго,—жаловался по этому поводу Кирсановскій протоіерей Трескинъ,—по его жестокости *тягостно* и ужасно» **).

*) Арх. губ. правл. № 88-й.

**) Арх. губ. правл. № 2661-й.

Таировъ былъ смѣщенъ. Его должность получилъ нѣкто Кутуковъ, но и этотъ былъ не лучше своего предшественника. Въ 1811 году онъ пріѣхалъ въ село Никольское къ однодворцу Свиридову, разломалъ его сундукъ и взялъ оттуда деньги. Кромѣ того Кутуковъ свелъ со двора Свиридова лошадь. Все это онъ дѣлалъ подъ предлогомъ полицейскаго осмотра: нѣтъ ли у Свиридова бѣглыхъ.

Немного ранѣе описываемаго времени Спасскимъ капитанъ—исправникомъ былъ секундъ—маіоръ Рогожинъ—гроза и бичъ крестьянства. Крестьяне должны были платить въ казну по рублю, а Рогожинъ собиралъ съ нихъ по 10 рублей. 21 іюня 1787 года исправникъ пріѣхалъ въ село Боковой Майданъ. Остановившись въ лучшей сельской избѣ, онъ потребовалъ къ себѣ голову Бондарева и спросилъ у него обычную дань. Тотъ на этотъ разъ оказался неисправнымъ плательщикомъ. Тогда Рогожинъ привязалъ его къ сохѣ и собственноручно билъ по лицу, а за тѣмъ связаннаго водилъ по селу. Вели Бондарева не просто, а за волосы, и при томъ два солдата били его палками. Измученнаго и избитаго голову послѣ этой экзекуціи доставили въ квартиру Рогожина, на дворъ, гдѣ расходившійся капитанъ—исправникъ производилъ судъ и расправу надъ сотскимъ Логиновымъ и отставнымъ солдатомъ Васильевымъ. Оба они привязаны были къ столбамъ, возлѣ которыхъ чернѣли для чего-то вырытыя ямы. Къ столбу же привязали и Бондарева. Всѣ трое были въ однѣхъ рубашкахъ. По знаку исправника, къ нимъ подошли солдаты и стали медленно сверху поливать холодной водою, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока паціенты не впали въ безпамятство. Когда они очнулись, ихъ повели за село и начали сѣчь. Но они уже не кричали: кровь шла у нихъ изъ ртовъ и ушей... А Рогожинъ въ это время грозно покрикивалъ на нихъ и приговаривалъ: «отъ рукъ моихъ и въ гробъ пойдете».

Въ началѣ текущаго столѣтія въ Моршанскѣ проживалъ нѣкто Федюхинъ, копіистъ, получавшій жалованья по 50 копѣекъ въ мѣсяцъ. Замѣченный начальствомъ, онъ попалъ наконецъ въ земскіе засѣдатели и въ этой скромной должности съумѣлъ подъ старость составить себѣ значительное состояніе. Въ 1830 году губернское начальство потребовало отъ Моршанскихъ полицейскихъ властей статистическихъ свѣденій о разныхъ статьяхъ мѣстнаго сельско—хозяйственнаго производства, между прочимъ, и о пчеловодствѣ. Для собиранія этихъ свѣденій былъ командированъ въ уѣздъ Федюхинъ. Вотъ тутъ-то онъ и нажился. Пріѣзжаетъ онъ, напримѣръ, къ какому нибудь пасѣчнику на пчельникъ. Разумѣется, ему хотѣлось въ этомъ случаѣ *сорвать* и онъ это дѣлалъ такъ. Обращаясь къ пасѣчнику, онъ грозно приказывалъ ему выгонять изъ ульевъ пчелъ, но такъ, чтобы онѣ вылетали постепенно и непремѣнно по одной. А самъ вынималъ записную книжку, карандашъ и готовился записывать. Конечно, хозяинъ пчельника не могъ исполнить такого требованія Федюхина и, чтобы развязаться съ нимъ, давалъ ему взятку. А Федюхинъ, записавши въ книжку что ему хотѣлось или что говорилъ ему пасѣчникъ, отправлялся далѣе, въ слѣдующія пасѣки, чтобы собирать *новые статистическіе матеріалы.*

Когда этотъ Федюхинъ ѣздилъ на *мертвыя тѣла,* то обыкновенно входилъ въ сдѣлку съ врачемъ и бралъ взятки вотъ за что. Мертвое тѣло онъ приказывалъ нести въ избу къ какому нибудь богатому крестьянину, и когда тотъ откупался отъ этой непріятной исторіи, Федюхинъ поочередно точно также перебиралъ остальныхъ зажиточныхъ крестьянъ. Когда же оканчивалось анатомированіе тѣла, онъ обращался къ понятымъ съ приказаніемъ зашивать это тѣло и опять *собиралъ жатву.*

Состарѣвшись, Федюхинъ, по примѣру многихъ старыхъ грѣшниковъ, вдался въ ханжество. Часто ходилъ

онъ въ церковь и благотворилъ ей довольно значительными приношеніями. Федюхинъ легко и скоро помирился съ своею совѣстію и до того возмечталъ о своей праведности, что сталъ готовить себѣ *гробницу въ своей приходской церкви.* Видно, слишкомъ высоко цѣнилъ онъ рубли: для нихъ онъ всю жизнь кривилъ душою, или же думалъ купить милость у самого Бога, мѣряя небесное правосудіе на свой аршинъ.

Въ концѣ царствованія императора Павла въ нашей губерніи особенно увеличился классъ чиновниковъ-ябедниковъ. Дѣятельность ихъ стала общественнымъ зломъ, отъ котораго терпѣли и правительственныя мѣста и частныя лица.

Вотъ что писалъ объ этихъ чиновникахъ генералъ-прокурору Обольянинову Тамбовскій губернаторъ Бахметевъ (19 іюня 1800 года):

«Отставные приказные служители, составляя собою довольное число, занимаются только праздностію, которая естественнымъ слѣдствіемъ своимъ производитъ то, что они подущаютъ всѣхъ на просьбы, несоотвѣтственныя ни справедливости, ни закону, ниже порядку. Неограничиваясь писаніемъ просьбъ въ здѣшнія мѣста, они подвигаютъ тѣхъ, кои ими руководствуются, на посыланіе подобныхъ въ С.-Петербургъ и тѣмъ составляютъ одну ябеду. Сіи же люди, кои находятся въ Тамбовѣ, тѣмъ несноснѣе, что они поведенія нехорошаго и не имѣютъ уже способности къ статской службѣ».

Очевидно, Бахметевъ расчитывалъ на какія нибудь чрезвычайныя мѣры противъ Тамбовскихъ ябедниковъ и крючкодѣевъ; однако Петербургское начальство приказало ему только усилить административный надзоръ за ними.

Изъ Тамбовскихъ архивныхъ источниковъ видно, что въ концѣ прошлаго столѣтія въ грабительствахъ и дерзкихъ похожденіяхъ мелкихъ уѣздныхъ властей принимали слишкомъ открытое участіе и важные губернскіе сановники.

При Екатеринѣ II-й и Павлѣ I-мъ съ Тамбовскихъ крестьянъ собиралась, такъ называемая, хлѣбная подать. За Усманскихъ и Липецкихъ крестьянъ взялся ставить хлѣбъ Козловскій купецъ Месилинъ, полагая съ души по 60 копѣекъ. И когда онъ приводилъ уже къ концу свою операцію, на него нагрянули два стряпчихъ губернскій—Хвощинскій и Липецкій—Каверинъ, арестовали его, а подрядъ отдали другому купцу, который сталъ брать съ крестьянъ уже по 80 копѣекъ съ души... Все это дѣлалось по приказанію губернатора Неклюдова.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Намъ остается теперь, на основаніи Тамбовскихъ архивныхъ актовъ, познакомить читателей съ тѣми чиновниками, которые, оставивъ по разнымъ причинамъ службу, жили на счетъ общественной благотворительности. Вотъ случай въ этомъ именно родѣ.

22 августа 1822 года въ Кирсановъ привезли изъ Петербурга одного чиновника, по фамиліи Щелкунова, и сдали его подъ росписку городничему Рожанскому. Пріѣзжему было лѣтъ 60. Выслали его изъ столицы за безпокойный, надоѣдливый характеръ. Щелкуновъ былъ

человѣкъ бѣдный и вотъ онъ во имя своего *оберъ-офицерства* сталъ приставать къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, требуя съ нихъ денегъ. Съ своими просьбами, словесными и письменными, онъ обращался даже къ членамъ царской фамиліи и къ самому Императору Александру І-му и при томъ очень удачно. Въ 1818 году государь пожаловалъ ему черезъ князя Волконскаго 500 рублей. Это вскружило голову бѣдному Щелкунову и онъ сталъ чрезвычайно назойливъ по отношенію къ Петербургской аристократіи. За это его и выслали изъ столицы.

Въ Кирсановѣ Щелкунова помѣстили въ домѣ мѣщанина Ширяева и смотрѣли за нимъ очень строго. Мѣстные обыватели обязаны были подпискою не знакомиться и даже не разговаривать съ нимъ. Кромѣ того почтовому начальству было сообщено, чтобы отъ Щелкунова не принимать никакой корреспонденціи, *а паипаче прошеній и писемъ къ высокопоставленнымъ особамъ.*

Тогда Щелкуновъ съ своими прошеніями сталъ нападать на проѣзжавшихъ сановниковъ. У одного изъ нихъ, именно у А. Л. Нарышкина, онъ съумѣлъ выпросить 50 рублей. Эта значительная подачка дала ему возможность на нѣсколько времени зажить припѣваючи. Но Щелкунову, привыкшему писать прошенія, стало скучно въ Кирсановѣ и вотъ онъ сочинилъ и переслалъ губернатору Крюкову жалобу на городничаго Рожанскаго. Въ этомъ прошеніи Кирсановскій городничій обвинялся въ слѣдующихъ преступленіяхъ: «Рожанскій просилъ съ меня,—доносилъ Щелкуновъ,—25 рублей, какъ только узналъ, что А. Л. Нарышкинъ, по знакомству еще въ С.-Петербургѣ, подарилъ мнѣ 50 рублей, имущество мое распродалъ, а самого меня посадилъ въ холодную. Рвавши на мнѣ мундиръ, кричалъ—заморю тебя голодомъ до смерти! Все сіе Рожанскій чинилъ пьяный, имѣя въ комнатѣ большую бутыль вина, а малыхъ съ разнымъ виномъ до 50. Кромѣ

того онъ же Рожанскій бралъ у мужиковъ и купцовъ на базарѣ осетрину и иную рыбу, якобы для освидѣтельствованія, а на дѣлѣ вся сія рыба шла въ кухню и въ погребъ городничаго».

«Хожу я,—писалъ далѣе доносчикъ уже относительно горожанъ города Кирсанова,—въ храмъ Божій для пѣнія на клиросѣ; однако жители, пренебрегая меня, не зовутъ *обѣдать*. Вотъ жизнь около 60 лѣтъ прожившаго оберъ-офицера!».

Въ заключеніе, Щелкуновъ просилъ губернатора снестись съ Кирсановскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Хвощинскимъ и предложить ему подписку между дворянами Кирсановскаго уѣзда въ пользу его, просителя.

Результатомъ просительскихъ иск[illegible]ельствъ было то, что Щелкунова перевели въ городъ Борисоглѣбскъ, гдѣ онъ и умеръ 23 декабря 1824 года.

Въ массѣ мелкихъ Тамбовскихъ чиновниковъ изрѣдка встрѣчались, впрочемъ, и такіе люди, которые всецѣло предавались идеямъ служебной чести, но вслѣдствіе слабой научной подготовки и непрактичности, а также и вслѣдствіе полнаго своего нравственнаго одиночества, они оказывались только посмѣшищемъ для болѣе счастливыхъ въ практическомъ отношеніи своихъ собратьевъ.

Именно такимъ чиновникомъ былъ нѣкто Казанскій, служившій въ 30-хъ годахъ въ городѣ Борисоглѣбскѣ. Не жалѣя себя, постоянно говорилъ онъ всѣмъ объ отсутствіи правды на свѣтѣ и въ особенности въ чиновномъ мірѣ. Отъ словъ къ дѣлу Казанскій перешелъ по слѣдующему поводу. Борисоглѣбскій питейный откупъ настроилъ множество кабаковъ въ неуказанныхъ мѣстахъ и началъ систематически разорять все Борисоглѣбское крестьянство, раздавая водку въ долгъ иногда на сумму до 1000 рублей. А потомъ, при помощи задобренныхъ уѣздныхъ властей, откупъ взыскивалъ долги такъ, что

у крестьянъ ломали избы и забирали оттуда всю убогую рухлядь. Тогда Казанскій, во имя закона и правды, написалъ объ этомъ Тамбовскому губернатору, шефу жандармовъ, министру финансовъ и государынѣ императрицѣ.

«Августѣйшая монархиня, — писалъ онъ послѣдней, — всемилостивѣйшая государыня! Вотъ уже 4 мѣсяца, какъ я просилъ мѣстное начальство взойти въ изслѣдованіе злоупотребленій Борисоглѣбскаго откупа, отъ коего казенные крестьяне пришли въ крайнее разореніе. Однако, не видя никакого распоряженія, я нашелъ себя вынужденнымъ отнестись къ графу Бенкендорфу, но и здѣсь успѣлъ не болѣе. Я хотѣлъ просить августѣйшаго супруга вашего, нашего всемилостивѣйшаго государя Николая Павловича, но извѣстенъ будучи о милостяхъ, кои онъ изливаетъ на его сіятельство, я не осмѣлился повергнуть просьбу мою къ стопамъ его. Осмѣливаюсь умолять васъ, яко мать благоутробную и не лицепріятную: воззрите благосерднымъ окомъ на угнетенный народъ свой, гибнущій отъ злоупотребленія власти сильныхъ вельможъ, которые не только не хотятъ открыть существующее зло, но сверхъ того сами болѣе или менѣе увеличиваютъ оное и, забывъ долгъ присяги и христіанства, похищаютъ казну вашего величества. Для объясненія же подробно существующаго зла желаю быть предъ лицемъ вашего императорскаго величества».

Вступивши въ такую необыкновенную переписку, Казанскій, конечно, нажилъ себѣ массу непріятностей. *Неизвѣстные люди* однажды схватили его даже, положили въ телѣгу и привезли въ одинъ загородный кабакъ. Кабакъ потомъ заперли и вся питейная Борисоглѣбская администрація съ угрозами стала требовать у Казанскаго, чтобы онъ отказался отъ всѣхъ своихъ доносовъ и сдѣлалъ письменныя показанія въ смыслѣ благопріятномъ откупу... Вслѣдъ за тѣмъ Казанскаго отставили отъ службы. По распоряженію администраціи, его посадили

въ полицію и томили голодомъ и жаждою. Это продолжалось до извѣстнаго манифеста 1841 года.

Въ это же время на противоположной окраинѣ Тамбовской губерніи, именно въ Елатомскомъ уѣздѣ, появился другой чиновникъ—эксцентрикъ, по фамиліи Потаповичъ. Этого сочли душевно больнымъ и въ губернскомъ правленіи стали свидѣтельствовать его умственныя способности, но нашли ихъ въ совершенномъ порядкѣ. Между тѣмъ нѣкоторыя рѣчи Потаповича въ присутствіи губернскихъ властей отличались оригинальностію и рѣзкостію.

— Что вы писали въ Шацкій уѣздный судъ? спросили его.

— Я представлялъ суду, чтобы онъ нашелъ средства сдѣлать людей добросовѣстными.

— Не желаете ли вы служить? продолжали члены Тамбовскаго губернскаго правленія.

— Желаю.

— Гдѣ?

— Въ такомъ мѣстѣ, гдѣ болѣе благородства, ибо служа въ статской службѣ, я самъ себѣ дѣлалъ вопросъ, какая польза отъ этой службы, и не могъ рѣшить этого. Впрочемъ, я готовъ служить, но только съ благородными людьми, которые имѣютъ такія же правила, какъ и я *).

Считаемъ нужнымъ упомянуть еще объ одномъ замѣчательно честномъ чиновникѣ былыхъ временъ. Это былъ Спасскій городничій Станицинскій. Онъ отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ и въ особенности любилъ стоять за интересы инвалидныхъ и полицейскихъ солдатъ, положеніе которыхъ въ прежнія времена было въ высшей степени тягостное. Въ 1802 году Станицинскій настойчиво потребовалъ отъ Тамбовскаго губернатора Кошелева, чтобы онъ высылалъ Спасскимъ солдатамъ

*) Арх. Тамб. губ. правл. № 2,409-й.

ихъ жалованье сполна. «Солдатъ,—писалъ онъ,—всегда будетъ неисправенъ, если у него ружье безъ пороха, гербъ безъ сумы и тесакъ безъ портупеи».

За это письмо Станицинскій былъ отданъ подъ судъ, подобно извѣстному Флячко-Карпинскому, бывшему въ 1795 году Борисоглѣбскимъ городничимъ.

Флячко-Карпинскій былъ вполнѣ честнымъ служакою и въ интересахъ казны вступилъ въ борьбу съ самимъ губернаторомъ Неклюдовымъ, впослѣдствіи отданнымъ подъ судъ правительствующаго сената. Дѣло началось по слѣдующему поводу.

Неклюдовъ покровительствовалъ Борисоглѣбскому содержателю питейныхъ сборовъ Котельникову, довольно темному человѣку, и грозилъ за него городничему Флячко-Карпинскому, который не любилъ потакать сомнительнымъ людямъ. Тогда Карпинскій написалъ губернатору слѣдующее письмо.

«Александръ Македонскій, Ваше Превосходительство, всегда челобитчиковъ однимъ ухомъ слушалъ, оставляя другое для отвѣтчиковъ, но вы пожертвовали обоими для государственнаго вора Котельникова и тѣмъ самымъ нарушили свой долгъ оберегателя казенныхъ интересовъ. Счастіе Вашего Превосходительства и мое, что я не трусливъ, иначе въ угоду Вашу публично совершалось бы корчемство и интересу казенному наносился бы ущербъ. Сію истину примите, Ваше Превосходительство, благосклонно, тѣмъ паче, когда имѣю честь напомнить вамъ объ императорскомъ указѣ, данномъ генералъ-прокурору Самойлову 1794 года августа 22 дня. Если же моя неробкость не нравится вамъ и вы потребуете отъ меня, чтобы я былъ слѣпымъ, нѣмымъ, глухимъ и въ должности ничуть недѣйствующимъ, то извините, что меня одолѣлъ уже страхъ передъ закономъ. На случай же Вашего Превосходительства гоненій, буду утѣшаться словами одного философа: хотящему быть добрымъ человѣкомъ надобно имѣть или гораздо вѣр-

ныхъ друзей или же великихъ непріятелей. Соблюду и Эпиктово о терпѣніи нравоученіе, заключенное въ сихъ двухъ словахъ: сноси и воздержись, я снесу и воздержусь—дондеже преданъ буду уголовному суду, въ которомъ и надѣюсь оправдаться. Одинъ изъ премудрыхъ сказалъ: тотъ человѣкъ несовершенъ, кто напередъ видѣть не умѣетъ. И я, по силѣ понятія моего, со дня прибытія Вашего Превосходительства занявшись примѣчаніемъ разныхъ обстоятельствъ, положилъ за необходимость имѣть кромѣ полицейской собственную архиву. Оная въ критическое время совершенно мнѣ поможетъ избавиться отъ притѣсненій вашей распутной канцеляріи».

По поводу этого письма Флячко-Карпинскій принужденъ былъ выдти въ отставку и отданъ былъ подъ судъ уголовной палаты и тайной экспедиціи. Пришлось ему извѣдать не мало крупныхъ огорченій, сидѣлъ онъ не разъ въ казаматахъ, но въ 1804 году честный старикъ дождался своего торжества: императоръ Александръ I-й назначилъ ему пенсію въ 300 рублей и повелѣлъ выплатить ее Карпинскому со дня его отставки. А Неклюдовъ отставленъ былъ отъ всѣхъ должностей съ воспрещеніемъ участія его въ дворянскихъ выборахъ и въѣзда въ столицы... *).

Здѣсь мы оканчиваемъ свои наблюденія надъ прошлою жизнію Тамбовскаго чиновничества и переходимъ къ мѣстному крестьянству.

Тамбовское крестьянство сформировалось постепенно и его составили самые разнообразные элементы. До XVII столѣтія въ наши лѣсныя дебри и *дикія* поля шли вольные, *гулящіе* люди, которымъ на родныхъ пепелищахъ *нудно было отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени*, и шли они въ наши мѣста, избывая неволи и ища раздолья... Въ XVIII столѣтіи край нашъ началъ

*) Арх. губ. правл. № 1992-й.

переполняться невольными переселенцами, которыхъ тянули на новыя мѣста ихъ владѣльцы. Въ то же время вся наша Мещера успѣла уже обрусѣть. Часть мѣстной Мордвы постигла та же участь. Все тотъ же великороссійскій элементъ съумѣлъ ассимилировать и Малороссіянъ и многихъ Татаръ, издавна въ значительномъ количествѣ населявшихъ нашу сторону... Думаемъ, что разнообразный этнографическій составъ нашего крестьянства вліялъ не мало на извѣстный Тамбовскій религіозный мистицизмъ и раціонализмъ. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, мы сдѣлаемъ общій историческій обзоръ на тему о нашихъ крестьянахъ.

Крайне неприглядна была наша крестьянская жизнь. Для многихъ нашихъ крестьянъ самая смерть, этотъ всеобщій примиритель, нерѣдко являлась при особыхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Иной, напримѣръ, провалился въ колодезь и утонулъ тамъ, другого задавилъ возъ съ сѣномъ, третій погибъ подъ глыбою глины, которую копалъ онъ, или подъ деревомъ, неосторожно срубленнымъ; иного разорвали волки или медвѣдь задавилъ или быкъ забодалъ или конь убилъ копытомъ или свиньи съѣли; кого зацѣпило крыломъ мельницы—вѣтрянки, кто умеръ отъ излишняго употребленія горячаго вина или отъ неудачнаго оскопленія, кто безвременно легъ на кулачномъ бою....

Выражая темныя стороны нашего отжившаго крестьянства, мы прежде всего скажемъ о крестьянскихъ волостныхъ и вотчинныхъ начальникахъ.

Многіе Тамбовскіе крестьяне, попавши въ волостные или вотчинные начальники, сразу забывали про свое кровное и нравственное родство съ остальнымъ крестьянствомъ и дѣлались его бичами. Мы такъ думаемъ на основаніи множества добытыхъ нами архивныхъ фактовъ.

Въ 1802 году въ селѣ Сеславинѣ, Козловскаго уѣзда, волостнымъ головою былъ нѣкто Жмаевъ. «Содѣлавшись

властителемъ цѣлаго селенія,—жаловались на него Сеславинскіе однодворцы,—Жмаевъ дѣлалъ жителямъ разныя притѣсненія, принуждалъ работать на себя безъ всякой платы, общественныя земли самовластно отдавалъ разнымъ купцамъ или же запахивалъ самъ, сколько хотѣлъ. Кто же противился ему, тѣхъ бивалъ безъ милосердія, заковывалъ въ желѣза и содержалъ подъ карауломъ».

Между прочимъ голова Жмаевъ произвольно распоряжался рекрутскою очередью и по этому поводу бралъ съ однодворцевъ рублей по 200 и болѣе. Если же иногда ему нужны были лишнія деньги, то онъ безъ церемоніи собиралъ ихъ съ Сеславинскихъ обывателей, копѣекъ по 30 съ души. Нѣкоторые крестьяне не могли удовлетворить Жмаева деньгами и за это биты были имъ съ чрезвычайною жестокостію.

И въ своей семьѣ грозный Сеславинскій голова былъ суровымъ деспотомъ. Родного брата отдалъ онъ въ солдаты, а жену его согналъ со двора и пустилъ по міру.

Долго неистовствовалъ Жмаевъ, наконецъ попалъ подъ судъ. Когда ему объявили объ этомъ, онъ сказался больнымъ, такъ что его привезли въ Козловъ насильно. На всѣ вопросы во время судоговоренія Жмаевъ отвѣчалъ такъ: «я боленъ и отвѣчать не могу и ничего не помню». Очевидно, онъ расчитывалъ на извѣстный характеръ прежнихъ судебно-административныхъ порядковъ и отчасти не ошибся въ этомъ. Дѣло Жмаева окончилось для него довольно благополучно. Его отставили отъ должности и напутствовали въ село Сеславино 50 ударами батожьемъ *).

Одновременно съ Жмаевымъ въ Козловскомъ уѣздѣ свирѣпствовалъ сельскій засѣдатель Малышевъ. До какой степени онъ былъ лютъ относительно казенныхъ крестьянъ Козловскаго уѣзда, видно изъ слѣдующаго. Въ

*) Протоколъ Тамб. уголов. пал. отъ 14 окт. 1802 года.

теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1802 года съ однихъ крестьянъ села Хмѣлевого онъ выпилъ водки на 400 рублей и все это въ одномъ кабакѣ названнаго села *).

Такихъ лихихъ сельскихъ начальниковъ, какъ Жмаевъ и Малышевъ, въ началѣ настоящаго столѣтія было у насъ очень много. Передавать ихъ имена-значитъ вдаваться въ слишкомъ скучныя подробности. Поэтому мы переходимъ къ вотчинному начальству, краткое указаніе на которое уже сдѣлано нами въ предыдущей главѣ.

Въ 1805 году въ селѣ Конобеевѣ прикащикомъ былъ нѣкто Ароновъ, который въ отсутствіе помѣщика любилъ держать себя настоящимъ вельможнымъ бариномъ. Однажды онъ пришелъ въ церковь. Священникъ говорилъ въ это время проповѣдь. Тогда Ароновъ громко сказалъ ему: «будетъ тебѣ читать, замолчи!» Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, именно 26 марта, Конобеевскій прикащикъ опять былъ въ церкви и громогласно выбранилъ тамъ дьячка за неудовлетворительное пѣніе. А 27 марта Ароновъ послѣ обѣдни остановилъ народъ въ церкви и вслухъ прочиталъ священнику *предписаніе* объ удаленіи его изъ прихода. Молча слушалъ народъ грознаго прикащика и, конечно, не могъ подать помощи своему пастырю. Уже въ Тамбовѣ злополучный священникъ Алексѣй Сергіевъ нашелъ себѣ защитника въ лицѣ епископа Ѳеофила, который, какъ извѣстно, отличался строгостію къ духовенству, но въ то же время при случаѣ умѣлъ и заступиться за него **).

Еще лютѣе Аронова былъ нѣкто Кугушевъ, бурмистръ помѣщика Муханова въ селѣ Кочемировѣ, Темниковскаго уѣзда. Однажды онъ велѣлъ взять съ поля дьяконскаго сына, малолѣтняго Якова, на господскій дворъ и приказалъ сѣчь его плетьми. На крикъ ребенка прибѣжала его мать, а за нею и отецъ. Но суровый

*) Арх. Тамб. окруж. суда, № 224-й.

**) Арх. дух. конс. № 149-й.

барскій намѣстникъ нисколько не смутился этимъ и продолжалъ свое дѣло. Мало того, дьяконицу онъ тоже высѣкъ, а дьякону грозилъ смертію.... Это было въ 1812 году. *)

Подобныхъ фактовъ самодурства и лютости сельскихъ властей было у насъ слишкомъ много и они всѣмъ извѣстны. Поэтому мы ихъ оставляемъ и переходимъ къ дальнѣйшему изображенію нашей прошлой крестьянской жизни.

Въ прежнія времена у насъ никто не думалъ о просвѣщеніи крестьянства. Поэтому крестьяне наши были слишкомъ далеки отъ культурной жизни. Это выражалось, между прочимъ, въ огромномъ количествѣ крестьянскихъ преступленій. Въ архивныхъ документахъ Тамбовской уголовной палаты намъ постоянно встрѣчались дѣла то о *зарѣзаніи*, то объ отравленіи, удушеніи, то о грабежахъ, воровствѣ и потравахъ всякихъ, то о растлѣніи даже дочерей и внучекъ... Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Тамбовская губернія терпѣла страшныя пожарныя бѣдствія. Горѣли города и села, деревянные и крытые соломою; горѣли хлѣбные скирды и всякіе товарные склады; горѣли наконецъ домашнія животныя и даже люди, въ особенности дѣти. Словомъ, исконный нашъ врагъ-красный пѣтухъ гулялъ на всей своей волѣ... Разумѣется, были пожары и отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, но нерѣдко происходили они отъ поджоговъ. Многіе крестьяне мстили своимъ владѣльцамъ за поруганную честь женъ, сестеръ и дочерей; мстили также и за свои собственныя увѣчья, за разореніе бѣдныхъ домовъ своихъ и вообще за всякое *изнуреніе*.

Въ 1798 году крестьянка помѣщицы Дуловой Пелагея Иванова, бывшая подъ особенной барской опалой, оставила свою семью и убѣжала въ лѣсъ. Черезъ двѣ недѣли ее поймали и привели къ барынѣ. Нача-

*) Арх. губ. правл. № 384-й.

лось обычное сѣченіе. Иванову сѣкли лозами и били палками. По всему тѣлу ея, отъ шеи и до пятокъ, пошли сине-багровыя пятна. Бѣглая наконецъ умерла подъ палками. Когда узнали объ этомъ дворовые, то собрались въ людской избѣ и составили совѣтъ. «Ну, такъ и быть,—сказалъ въ это время дворникъ Алексѣй Федоровъ,—иду на пропалую; пусть другіе люди помолятся за меня Богу».

— Алексѣй,—сказала на это Федорову жена его,— что ты задумалъ, зачѣмъ идешь на пропалую?

— Не твое дѣло,—прервалъ ее Федоровъ,—иди, куда идешь.

Съ этими словами онъ взялъ кремень и трутъ и отправился къ барскому дому. Черезъ полчаса домъ Дуловой уже весь обнятъ былъ пламенемъ *).

Чаще всего поджоги въ Тамбовской губерніи совершались вслѣдствіе мелкихъ сосѣдскихъ ссоръ и семейныхъ недоразумѣній.

7-го мая 1799-го года въ селѣ Хоботцѣ, Козловскаго уѣзда, сгорѣло 27 дворовъ. Поджигателемъ былъ крестьянинъ Клычниковъ, извѣстный въ околодкѣ пьяница и буянъ.

— Зачѣмъ ты учинилъ поджогъ? спросили его члены Козловскаго земскаго суда.

— Былъ я голоденъ,—отвѣчалъ Клычниковъ,—и мнѣ не дали ѣсть; просилъ я у односельцевъ водки, тоже не дали; и вотъ я не пожалѣлъ и себя: и моя изба сгорѣла **).

Около того же времени однодворецъ стрѣлецкой слободы Никита Гололобовъ, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, сталъ очень внимательно и нѣжно обращаться съ своей невѣсткой Анной. Та отказывалась отъ старческихъ ласкъ. За это старикъ сталъ бить ее. Тогда она подожгла его домъ, а сама убѣжала къ отцу ***).

*) Арх. губ. правл. № 102-й и 249-й.
**) Арх. губ. правл. № 13-й.
***) Арх. губ. правл. № 191-й.

Въ селѣ Двурѣчкахъ, Липецкаго уѣзда, крестьянка Аграфена Пахомова была въ такомъ гоненіи отъ свекрови, что нерѣдко вынуждена была побираться и скрываться у сосѣдей. Суровая свекровь по три дня не давала ей ѣсть и приковывала на цѣпь къ печкѣ. Аграфена Пахомова пошла тогда къ приходскому священнику съ жалобою и получила отъ него такой отвѣтъ: «слушайся свекрови и не шляйся по дворамъ». На другой день послѣ этого въ Двурѣчкахъ былъ пожаръ. Первымъ загорѣлся тотъ самый домъ, въ которомъ жила Аграфена Пахомова...

Тамбовскіе поджигатели часто дѣлали свое дѣло съ замѣчательною дерзостію и даже предупреждали жителей о своихъ планахъ подметными записками. 15-го іюля 1800 года на Тамбовской сѣнной площади крестьянинъ Панковъ говорилъ: «вчерашняго дня господинъ губернаторъ Александръ Борисовичъ Палицынъ шелъ по каменному мосту и поднялъ записку, а въ той запискѣ было означено, что скоро городъ Тамбовъ будетъ зажженъ съ трехъ сторонъ и отъ такихъ словъ губернаторъ упалъ». И дѣйствительно, ночью съ 15-го на 16-е іюня въ Пушкарской части сдѣлался пожаръ: загорѣлась пустая и запечатанная баня. Къ счастію пошелъ дождь и пожаръ прекратился. На утро во второй части пожаръ вспыхнулъ разомъ въ двухъ мѣстахъ. Въ теченіе двухъ часовъ сгорѣло 113 домовъ и 1 человѣкъ. Черезъ день снова въ Тамбовѣ былъ пожаръ. Такимъ образомъ подметная записка, прочитанная губернаторомъ Палицынымъ, была не пустою шалостію, а дѣйствительною угрозою со стороны какихъ то злоумышленниковъ... Поджигателей не нашли.

Сколько именно было пожаровъ въ Тамбовской губерніи въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія и каковы были убытки отъ нихъ, этого, по отсутствію статистическихъ данныхъ въ Тамбовскихъ архивахъ, мы сказать не можемъ. Съ увѣренностію въ справедливости своихъ

словъ мы можемъ сказать только то, что ежегодные Тамбовскіе пожарные убытки всегда отличались громадностію. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Во время Тамбовскаго іюльскаго пожара 1800 года огонь охватилъ пространство въ двѣ квадратныя версты. Многіе жители остались тогда безъ крова и пищи. Пожаръ такъ былъ силенъ, что слабыя пожарныя команды оставили свое дѣло и были только зрителями ужасной катастрофы... Въ іюнѣ 1803 года въ Тамбовѣ было 6 пожаровъ. Горѣть начинало обыкновенно въ нежилыхъ строеніяхъ, поэтому губернаторъ Палицынъ, подозрѣвая поджоги, составилъ земскую стражу изъ 200 обывателей...

Постоянные мѣстные пожары вызвали даже Тамбовскихъ крестьянъ *на изобрѣтенія.* Въ концѣ прошлаго столѣтія крестьянинъ села Куриловки Побѣжимовъ представилъ губернскому начальству *прожектъ помела огнегасительнаго.*

«Огнегасительное помело,—писалъ Побѣжимовъ,—должно быть длинное и лѣтомъ обмакивать его въ воду, зимою—въ снѣгъ, осенью—въ грязь; имѣть оное въ каждомъ домѣ и дѣлать его преимущественно изъ стараго суконнаго платья».

Во время пожаровъ нашему разоренному крестьянству приходили иногда самыя странныя мысли. Убитые горемъ, крестьяне наши начинали дѣйствовать внѣ сферы здраваго смысла и вполнѣ подчинялись необузданной фантазіи: они винили въ своей бѣдѣ чиновниковъ и помѣщиковъ... То было время, когда между русскими людьми происходило какое-то странное недоразумѣніе.

Въ концѣ августа 1839-го года были большіе пожары въ смежныхъ уѣздахъ Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерній. Особенно сильный пожаръ случился въ селѣ Дворянщинѣ, Кирсановскаго уѣзда.

Не долго думая, погорѣльцы села Дворянщины заподозрѣли въ поджогѣ своихъ помѣщиковъ, Иванова и Гарденина. «Кому же,—говорили они,—придетъ на умъ

разорять насъ, кромѣ господъ. На то они и господа, чтобы намъ было худо».

Однажды, вскорѣ послѣ пожаровъ, за Дворянщиной собралась крестьянская толпа. Разговоры, конечно, были самые невеселые: кто считалъ свои убытки, кто соображалъ, куда дѣваться теперь съ ребятишками въ настоящую зиму, кто бранилъ лиходѣевъ—поджигателей, въ существованіи которыхъ, по обыкновенію, никто не сомнѣвался... Въ это время къ толпѣ подбѣжалъ крестьянинъ Малафей Романовъ, считавшійся въ своемъ селѣ однимъ изъ первыхъ богачей. Махая желѣзною лопатою, онъ съ крикомъ требовалъ отъ прочихъ крестьянъ, чтобы всѣхъ помѣщиковъ, какъ несомнѣнныхъ поджигателей, перебить, а ихъ дворню—повѣсить на ветлахъ и оставить тамъ на три дня, чтобы всѣмъ злодѣямъ это было въ наученье и страхъ.

Въ это время помѣщики Ивановъ и Гарденинъ, какъ видно, не слыхавшіе про крестьянскіе разговоры или не придававшіе имъ особеннаго значенія, шли вмѣстѣ по селу. У моста черезъ рѣку Малый Ломависъ ихъ увидалъ крестьянинъ Юдаевъ и закричалъ: держите ихъ! На крикъ Юдаева со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ и всею массою бросился въ погоню за Ивановымъ и Гарденинымъ. Иванову однако посчастливилось: получивши нѣсколько ударовъ и оставивши на мѣстѣ побоища фуражку, онъ успѣлъ вырваться и бѣжать домой. Гарденину же пришлось плохо. Крестьянинъ Латунцовъ ударилъ его цѣпомъ по головѣ и свалилъ въ воду. Это обстоятельство сразу образумило толпу. Многіе испугались и разбѣжались, а болѣе храбрые кинулись въ воду и вытащили оттуда Гарденина. Но все-таки на другой день крестьяне опять пошли на помѣщиковъ, хотя уже не съ прежнею рѣшительною цѣлію. Забравши Иванова и Гарденина, они посадили ихъ въ одну изъ уцѣлѣвшихъ избъ и поставили около *арестантовъ* караулъ, впредь до суда. Судъ, разумѣется, не замедлилъ. Начались обыч-

ныя при подобныхъ обстоятельствахъ экзекуціи. Нѣкоторые же крестьяне села Дворянщины нежданно-негаданно принуждены были переселиться въ Сибирь...

Около того же времени сгорѣло село Татарская Лака. Погорѣльцы подозрѣвали въ поджогѣ мелкопомѣстнаго Лакинскаго помѣщика Дуракова: взялъ де три тысячи рублей, чтобы пустить по міру все село... Подозрѣніе это было основано на томъ, что Дураковъ наканунѣ пожара бѣгалъ по задворкамъ съ горящею лучиною. Тогда рѣшено было идти *къ поджигателю* всѣмъ міромъ и судить его мірскимъ судомъ. Дуракова, тщетно объяснявшаго крестьянамъ всю нелѣпость ихъ подозрѣнія, избили, причемъ жена мѣстнаго священника проломила ему голову скалкой, потомъ связаннаго *поджигателя* клали на раскаленные угли и въ заключеніе бросили на улицу. И только черезъ нѣсколько часовъ послѣ этой свирѣпой экзекуціи, уже ночью, нашлись добрые люди, которые подтащили Дуракова, еле живаго, къ воротамъ одного уцѣлѣвшаго дома и положили тамъ на солому...

Крестьянскія враждебныя отношенія къ помѣщикамъ, которые почему-либо считались народными *ворогами*, иногда выражались самымъ оригинальнымъ образомъ.

Въ описываемое нами время много шуму надѣлало убійство помѣщика Радзевича, человѣка крайне жестокаго, который лѣтъ по 10 не допускалъ крестьянъ къ исповѣди и причастію и вогналъ ихъ въ совершенную нищету постоянною барщиною. Особенно не довольны были Радзевичемъ женщины, которыхъ высылали на работы даже и въ томъ случаѣ, если онѣ были беременны. Разъ, во время полевыхъ работъ, десятка четыре женщинъ сговорились убить Радзевича. Случайно бывшіе при этомъ разговорѣ крестьяне, родственники заговорщицъ, ободряли ихъ: «вы-бабы,—говорили они,— и съ васъ какъ съ гуся вода. Ничего вамъ не будетъ,

если и узнаютъ про ваше дѣло, въ солдаты васъ не отдадутъ.» Въ это время Радзевичъ на бѣговыхъ дрожкахъ подъѣхалъ къ разговаривавшимъ. Крестьяне отошли въ сторону, а женщины кинулись на Радзевича и убили его точно также, какъ въ свое время былъ убитъ сынъ Бориса Годунова... Послѣ этого тѣло Радзевича привязали къ дрожкамъ и погнали лошадь въ поле.

Современникомъ Радзевича былъ нѣкто Ахлебининъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для его характеристики. Между тѣмъ несомнѣнно, что онъ былъ выдающимся типомъ помѣщика—самодура. Въ 1812 году за его жестокости надъ крестьянами жаловалась на него правительству родная мать и только смутная пора спасла его отъ законнаго наказанія. Онъ былъ подъ судомъ *50 разъ*. Въ 1840 году былъ преданъ военному суду по высочайшему повелѣнію и все за жестокости. Нѣсколько разъ ему воспрещено было въѣзжать въ его деревни. Но онъ имѣлъ своего рода счастіе попадать подъ милостивые манифесты. И вотъ именно онъ-то *былъ наказанъ своимъ кучеромъ Рожновымъ*. Въ 1848 году Ахлебининъ ѣхалъ съ Рожновымъ въ Спасскъ. Дорогою кучеру пришла странная мысль высѣчь барина. Недолго думая, онъ нарочно уронилъ кнутъ и послалъ за нимъ лакея, а самъ сейчасъ же повалилъ Ахлебинина и высѣкъ его.

Мѣстныя хранилища архивныхъ документовъ весьма богаты указаніями и еще на одну темную сторону прошлаго крестьянскаго быта, именно на систематическіе разбои, которые, разумѣется, были несомнѣннымъ продуктомъ извѣстныхъ осложненныхъ неблагопріятныхъ бытовыхъ условій. Въ Липецкомъ и Лебедянскомъ уѣздахъ и доселѣ живо сохраняются имена разбойничьихъ атамановъ: Кунамы, Руса, Тяпки, Бая, Наяны, Тараса и Кудеяра. Въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ настоящаго наши уѣздныя власти чуть не ежедневно писали донесенія въ губернскій городъ примѣрно въ такомъ

родѣ: «въ нашихъ лѣсныхъ дачахъ ходятъ многіе невѣдомые люди съ ружьями и рогатинами и отбиваютъ у проходящихъ и проѣзжающихъ имущество и чинятъ смертныя убійства».

Случалось и такъ, что *разбойные люди* нападали на населенныя мѣста среди бѣлаго дня. Напримѣръ. 7-го декабря 1793 года разбойники на четырехъ парахъ подъѣхали къ Кадомскому питейному дому. «И тѣ воровскіе люди,—доносило на нихъ сельское начальство,—взошедъ съ усиліемъ въ питейный домъ, выпили полведра вина да съ собою взяли 3 ведра, и у нихъ начальнымъ человѣкомъ былъ одинъ церковникъ.»

Въ томъ же 1793 году въ Спасскомъ уѣздѣ разбойники даже предупреждали жителей о своихъ злодѣйствахъ и подкидывали къ помѣщикамъ угрожающія письма. Во главѣ ихъ находился атамамъ Яковъ Долининъ.

Воровскіе люди дошли до такой дерзости, что осмѣливались нападать на военныя команды и нерѣдко разбивали ихъ... Такъ, между прочимъ была разсѣяна команда Кабардинскаго полка съ сержантомъ Козминымъ.

Нѣкоторые Тамбовскіе разбойники спеціально занимались конокрадствомъ и съ этою цѣлію ѣздили изъ своихъ притоновъ за сотни верстъ. Въ 1801 году на этомъ поприщѣ въ особенности прославились два брата Василій и Варлаамъ Невѣровы, жившіе въ деревнѣ Мачилейкѣ. На Тамбовско-Пензенской границѣ, около села Татарской Лаки, еще и доселѣ есть урочище, называемое въ память братьевъ—разбойниковъ *Невѣровымъ мостомъ*.

Замѣчательно, что нашъ народъ особенно ненавидѣлъ именно конокрадовъ и часто съ величайшею суровостію расправлялся съ ними самосудомъ. Приведу одинъ такой примѣръ.

Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія *разбойный* промыселъ до того усилился въ Тамбовской губерніи,

что опасно было проѣзжать рѣшительно по всѣмъ большимъ Тамбовскимъ дорогамъ. Зажиточные люди стали ѣздить не иначе, какъ съ проводниками. Но и проводниковъ достать было трудно, какъ это видно изъ слѣдующаго факта.

1-го февраля 1781 года маіоръ Федерманъ просилъ себѣ проводниковъ въ селѣ Куликахъ и ему не дали ихъ, потому что *отъ разныхъ причинъ почти всѣ Куликовскіе жители разбѣжались*.

Съ цѣлію охраненія проѣзжихъ мѣстная администрація поставила было на главныхъ трактахъ вооруженные пикеты, но и это средство не помогло.

Въ 1793-мъ году Тамбовскій губернаторъ В. С. Звѣревъ писалъ намѣстническому правленію слѣдующее: «поколику грабительства и разбои и смертныя убійства уже довольно произведены, но таковые злодѣи и понынѣ не явны, то дабы злодѣйство сіе не могло распространиться, строжайше предписываю таковыхъ злодѣевъ вездѣ развѣдывать и поступать съ ними по всей строгости законовъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ вмѣнено было въ обязанность строго слѣдить за содержателями постоялыхъ дворовъ, такъ какъ многіе изъ нихъ заманивали къ себѣ проѣзжихъ и потомъ убивали ихъ.

Не смотря на всѣ административныя мѣры, разбойники не унимались. Въ *разбойныхъ* дѣлахъ приняли участіе даже привиллегированныя лица, напримѣръ Лебедянскій помѣщикъ Филинъ. Вотъ что повѣствуетъ о его подвигахъ протоколъ Тамбовской уголовной палаты, составленный въ мартѣ 1802-го года.

«Оный Филинъ, выѣхавши съ людьми своими, грабилъ и мучилъ разныхъ людей и былъ отъ него страхъ великій. Когда же въ имѣніе его явилась полиція для представленія преступника въ судъ, то Филинъ выгналъ оную и грозилъ ей ружейными выстрѣлами. Тогда губер-

наторъ А. Л. Львовъ вынужденъ былъ послать въ Лебедянскій уѣздъ воинскую команду» *).

Въ томъ же 1802-мъ году Темниковскій помѣщикъ Никифоровъ, поссорившись съ одною своею сосѣдкой, напалъ на нее *со многолюдствомъ и нарядным дѣломъ и, учиня великій шумъ, угрaживалъ всѣхъ побить до смерти* **).

Многимъ Тамбовскимъ крестьянамъ *разбойный* промыслъ представлялся до такой степени соблазнительнымъ, что нѣкоторые мирные деревенскіе обыватели совершенно внезапно рѣшались на такіе подвиги, которые были подъ стать только закоренѣлымъ разбойникамъ.

Лѣтомъ 1792-го года прапорщикъ Гавриловъ ѣхалъ изъ Усмани въ Воронежъ черезъ Усманскій черный лѣсъ. Въ это время въ лѣсу работали крестьяне и вдругъ имъ пришла мысль ограбить проѣзжаго, что они и сдѣлали немедленно...

Съ наступленіемъ XIX столѣтія Тамбовскія большія дороги постепенно стали дѣлаться болѣе безопасными. Обыватели городовъ и весей Тамбовскихъ почти перестали бояться нежданныхъ-непрошенныхъ гостей. Однако, полной безопасности отъ разбойничьихъ шаекъ долго еще не было. Даже въ 1838 году по Борисоглѣбскому уѣзду свободно разгуливала партія въ 40 человѣкъ подъ начальствомъ бѣжавшаго изъ Сибири каторжника Ивана Федотова. Главный притонъ Борисоглѣбской шайки былъ въ селѣ Русановѣ ***).

Развитію разбоевъ въ Тамбовской губерніи весьма много содѣйствовало обиліе бѣглыхъ, скрывшихся въ мѣстныхъ лѣсахъ. Изъ убогихъ деревень нашихъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, бѣжали взрослые, старики и дѣти—цѣлыми десятками семей. Они направ-

---

*) Протоколъ палаты, № 435-й.

**) Протоколъ палаты отъ 4-го ноября 1802 года.

***) Арх. губ. правл. № 9371-й.

лялись преимущественно въ Саратовскія и Астраханскія степи, въ Аккерманскій, Оренбургскій и Бузулуцкій уѣзды. Меньшинство же ихъ ютилось дома, напримѣръ въ Елатомскомъ лѣсу около села Новаго, близъ села Алгасова и въ лѣсныхъ окрестностяхъ Липецка, Моршанска и Тамбова.

Изъ переписки генералъ-прокурора Обольянинова съ Тамбовскимъ губернаторомъ Бахметевымъ видно, что бѣглыхъ ловили у насъ цѣлыми десятками и сотнями. Въ 1800-мъ году въ одномъ Тамбовѣ ихъ поймано 709 человѣкъ. Но общественное зло черезъ это не искоренялось, потому что въ губерніи было множество пристанодержателей. Такимъ образомъ Тамбовскій край не безъ основанія назывался прежде *воровскимъ краемъ*. Кличка эта упрочена была за нимъ въ XVI-мъ вѣкѣ и потеряла свой смыслъ уже въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія.

Всѣ эти, указанныя нами, черты Тамбовскаго крестьянскаго быта, разумѣется, были у нашихъ крестьянъ общими со всею Русью. Поэтому-то мы только намѣчали ихъ и воздерживались отъ подробнаго изложенія извѣстныхъ намъ фактовъ. Съ большею подробностію мы изложимъ за то мистико-религіозныя и вообще противоцерковныя движенія въ предѣлахъ нашего края. Мы думаемъ, что на этомъ поприщѣ Тамбовская губернія самая *интересная*. На этомъ основаніи мѣстному религіозному вопросу мы посвящаемъ особую главу.

V.

Противоцерковныя движенія въ Тамбовской губерніи.

Съ половины XVII вѣка Тамбовскій край начинаетъ обращать на себя правительственное и общественное вниманіе разнообразіемъ и силою мѣстнаго раскола и сектъ. Съ теченіемъ времени это мистико—раціоналистическое и обрядовое своеволіе религіозной мысли все развивалось и усиливалось и такимъ образомъ Тамбовская губернія въ настоящее время стала наконецъ такимъ краемъ, въ районѣ котораго по преимуществу выразилась рознь національно—религіознаго сознанія.

Край нашъ издавна изобилуетъ раскольниками обоихъ толковъ и особенно сектантами: молоканами, духоборцами, субботниками, шелапутами, хлыстами и скопцами. По мнѣнію изслѣдователей русской религіозно—отреченной жизни, въ Тамбовской губерніи сосредоточиваются скопческіе и хлыстовскіе капиталы. Слѣдовательно изученіе Тамбовскихъ противоцерковныхъ движеній составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашей церковно-исторической науки.

Въ Тамбовскомъ краѣ не одни крестьяне и имъ подобные простые люди увлекались борьбою противъ господствующей церкви. Въ концѣ XVII столѣтія во главѣ мѣстнаго противоцерковнаго движенія стояли первые Тамбовскіе епископы, Леонтій и Игнатій, оба фа-

натики старообрядства и послѣдователи извѣстнаго Таницкаго *). А въ началѣ XVIII столѣтія у насъ возможны были и такія явленія, какъ наприм. публичный, среди базарной площади, протестъ Трегуляевскаго монаха Самуила Выморкова противъ Петра I-го, какъ антихриста.

Широкое развитіе сектантства въ Тамбовской эпархіи свидѣтельствуетъ о томъ, что Тамбовское народонаселеніе всегда отличалось чуткостію къ религіознымъ вопросамъ, хотя понимало ихъ весьма узко и наивно. Поэтому-то наши крестьяне и крестьянки нерѣдко всю жизнь перекочевывали изъ монастыря въ монастырь, мѣряя всю русскую землю своими неутомимыми ногами. Въ особенности формально-аскетическая жизнь практиковалась Тамбовскими крестьянками, не малое число которыхъ составляло всегда особый классъ свободныхъ монахинь или черничекъ. Институтъ этихъ черничекъ, безъ всякаго сомнѣнія, служилъ сильнымъ прецедентомъ для ложнаго развитія религіозныхъ помысловъ Тамбовскаго народонаселенія, протестовавшаго противъ разныхъ несовершенствъ государственной, общественной и церковной жизни.

А что у Тамбовскихъ сектантовъ недовольство условіями жизни сильно и постоянно выражалось, на это есть масса документальныхъ доказательствъ. Въ поясненіе этой мысли приводимъ слѣдующій фактъ, одинъ изъ многихъ, ему подобныхъ.

Утромъ 16 апрѣля 1803 года къ квартирѣ Тамбовскаго губернатора Палицына подъѣхалъ крестьянинъ—духоборецъ Зотъ Мукосѣевъ.

— Дома ли губернаторъ? спросилъ онъ у часоваго солдата Князева.

---

*) Епископъ Леонтій былъ на Тамб. каѳедрѣ съ 1682 г. по 1684 г. Епископъ Игнатій—съ 1698 по 1699 годъ. Съ этого времени и до 1758 г. наша эпархія своего епископа не имѣла и управлялась Московскою Синодальною конторою.

— Ихъ превосходительства нѣтъ дома,—отвѣтилъ Князевъ.

— Такъ доложите обо мнѣ губернаторшѣ, продолжалъ Мукосѣевъ,—я привезъ гостинецъ.

Губернаторскій дворецкій Кузьминъ подошелъ было къ возу и хотѣлъ посмотрѣть, что тамъ за гостинецъ, но Мукосѣевъ отстранилъ его, распрегъ лошадь и верхомъ на ней уѣхалъ, а подводу оставилъ у губернаторскаго крыльца. Разумѣется, губернаторскіе дворовые поспѣшили раскрыть возъ и увидѣли тамъ мертвое тѣло, покрытое синебагровыми пятнами и рубцами. То было тѣло одного духоборца, засѣченнаго чинами земской полиціи.

Мукосѣева догнали, привели въ полицію и стали допрашивать. Вотъ что показалъ онъ на этомъ допросѣ.

«13-го апрѣля крестьянинъ Ермаковъ привелъ ко мнѣ родного брата моего Сергѣя, а за ними шло много людей. Братъ мой едва стоялъ на ногахъ и его держали подъ руки. Уложилъ я Сергѣя на полати и тутъ мнѣ сказали: твой братъ боленъ отъ наказанія, сдѣланнаго ему публично съ прочими нашего села духоборцами, а наказывалъ ихъ за вѣру засѣдатель фонъ-Меникъ. На другой день пошелъ я провѣдывать наказанныхъ, между прочимъ зашелъ къ Петру Дробышову, а онъ ужъ былъ мертвъ и при немъ сидѣлъ маленькій сынъ его и плакалъ. Тогда я взялъ мертвое тѣло Дробышова и поѣхалъ съ нимъ къ губернатору просить защиты».

По поводу этого дѣла губернаторъ Палицынъ вошелъ съ особымъ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

«Всему семейству моему,—писалъ онъ,—за небытностію моею въ домѣ причинено крайнее смятеніе, обида и великое оскорбленіе».

По обыкновенію стали производить послѣ всего этого слѣдствіе, во время котораго обнаружились такіе факты. Фонъ-Меникъ наказывалъ духоборцевъ нещадно.

Онъ принуждалъ духоборческихъ дѣвушекъ цѣловать его, а съ ихъ отцовъ и братьевъ производилъ большіе поборы, такъ что однихъ крестьянскихъ кушаковъ набралъ на 30 рублей. Но, не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ еще 100 рублей, *угрожая за недачу кнутомъ и ссылкою*. Это было въ селѣ Красной Дубровѣ. Краснодубровцы почему-то не могли выплатить фонъ-Менику требуемой суммы. Поэтому грозный засѣдатель Тамбовскаго земскаго суда началъ сѣчь всѣхъ духоборцевъ названнаго села. Сѣченіе производилось въ три плети и было на столько жестоко, что двое высѣченныхъ умерли на мѣстѣ.

Къ слѣдствію вызванъ былъ врачъ Друговъ. Ему поручено было осмотрѣть трупы засѣченныхъ и дать объ нихъ свое заключеніе. Заключеніе его выражено было въ слѣдующихъ словахъ: «наказаніе духоборцамъ дано соразмѣрное и умерли они вѣроятно отъ ядопринятія, отъ какого могли произойти и синебагровыя пятна и иные знаки на спинѣ и животѣ наказанныхъ».

Дѣло это кончилось тѣмъ, что многихъ Краснодубровскихъ духоборцевъ еще высѣкли плетьми и сослали въ Кольскій уѣздъ. Но мира въ Красной Дубровѣ все-таки не добились. «Вашего пѣнія и чтенія,—говорили чинамъ полиціи оставшіеся духоборцы,—мы ни за что слушать не будемъ» *).

Приступая теперь къ изображенію прошлыхъ фактовъ Тамбовской противоцерковной жизни, мы прежде всего обратимъ вниманіе читателей на тѣхъ мѣстныхъ религіозныхъ фанатиковъ и мистиковъ, которые, не уклоняясь отъ единства съ православною церковію, въ то же время отличались своею эксцентричностію, переходившею иногда въ совершенный и ловко расчитанный практицизмъ.

---

*) Слѣдственное дѣло о Краснодубровскихъ духоборцахъ хранится въ архивѣ Тамб. губ. правленія.

Въ концѣ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія въ селѣ Двурѣчкахъ, Липецкаго уѣзда, проявился нѣкто Агафонъ, старый и больной крестьянинъ. Въ народѣ ходила про него молва, что онъ *святой угодникъ Божій, совершающій великія чудеса,* и вотъ въ хату мнимаго чудотворца, въ сущности весьма ловкаго проходимца, повалили разные люди; мужья шли къ нему отъ женъ, жены отъ мужей, сыновья и дочери отъ отцовъ и матерей и всѣ они находили у старца Агафона вѣрный пріютъ и жили сообща. Особенно горячимъ приверженцемъ святоши оказался крестьянинъ Пронинъ, который по смерти своего патрона съумѣлъ нажить себѣ отъ *благочестивыхъ жертвователей* двухъ-этажный домъ съ многочисленными пристройками. Въ 60-хъ годахъ этотъ Пронинъ принялся даже хлопотать объ открытіи въ его собственномъ домѣ женской общины подъ управленіемъ *богоугодной дѣвицы Матрены, бывшей послушницы великаго угодника Агафона.* Въ такомъ смыслѣ поданы были прошенія эпархіальному архіерею и Московскому митрополиту. Въ нихъ ловкій и начитанный грамотѣй указывалъ между прочимъ на разныя пророчества Агафона. «Старецъ Агафонъ,—писалъ онъ,—передъ своею праведною кончиною изрекъ мнѣ: послѣ смерти моей черезъ годъ сосѣди хотя васъ и дерзнутъ, но за то Господь накажетъ ихъ пожаромъ»... На счастье Пронина въ тотъ годъ въ селѣ Двурѣчкахъ были пожары и ловкій преемникъ Агафона объявилъ это гнѣвомъ Божіимъ за то, что Двурѣченскіе обыватели мѣшали ему заводить общину. Кромѣ прошеній, Пронинъ составилъ *житіе угодника Божія Агафона* и отослалъ его къ Тамбовскому архіерею. Вотъ краткое извлеченіе наиболѣе существенныхъ чертъ изъ этого *житія.*

«Въ 18 верстахъ отъ города Липецка есть село Двурѣчки. Въ немъ-то 13 лѣтъ сряду подвизался во славу Божію и окончилъ тяжкое бремя сей временной жизни дивный угодникъ Божій, великій старецъ Агафонъ, богоугодная жизнь котораго за три года до его отшествія

ко Господу стала вѣдома мѣстнымъ и окольнымъ жителямъ. Старецъ сей многимъ предсказывалъ будущее и часто обличалъ даже и тайные помыслы. Когда я, Семенъ Пронинъ, въ первый разъ пришелъ къ отцу Агафону, онъ открылъ мнѣ всѣ мои тайные помыслы и взялъ меня къ себѣ въ послушники. Я вздумалъ было воспротивиться сему благословенію старца и за это подвергся нападенію силы вражьей, которая не давала мнѣ ни днемъ, ни ночью покоя. Послѣ того опять пошелъ я къ старцу и онъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ слѣдующими словами: вотъ, Сеня, ты не хотѣлъ ко мнѣ идти, такъ я повелѣлъ врагамъ пригнать тебя, вѣдь мнѣ старцу о имени Господа Іисуса враги и то повинуются. Тогда я остался у него и былъ при немъ до самой блаженной его кончины. И разные люди узнали про меня и идутъ ко мнѣ мужчины и женщины, которые изрѣдка и теперь чувствуютъ усладительное благоуханіе на мѣстѣ кончины старца. Старецъ Агафонъ при жизни своей между прочимъ сказалъ мнѣ: не забудь моего мѣста, живи на немъ, и если изъ тѣхъ лицъ, за кого я былъ распятъ и кровь и слезы пролилъ, оставятъ мое мѣсто, то ихъ накажетъ Господь тѣмъ, что нигдѣ не дастъ дыханія. И вотъ я, усердный Агафоновъ ученикъ, всѣ труды свои прилагаю, чтобъ устроить обитель».

Защищая свое дѣло передъ духовными властями, Пронинъ обнаружилъ большое знаніе текста священнаго писанія и этимъ знаніемъ довольно ловко умѣлъ пользоваться. «Зачѣмъ,—спрашивалъ онъ,—насъ преслѣдуютъ и ненавидятъ? Вѣдь любовь не ищетъ своихъ си, она долготерпитъ, милосердствуетъ, не безчинствуетъ, не раздражаетъ, не мыслитъ зла, все покрываетъ, всему вѣритъ. Въ этомъ заключается весь законъ и долгъ христіанина».

«Становой,—продолжаетъ далѣе Пронинъ,—разоряетъ нашу общину и всѣхъ насъ разгоняетъ, но онъ не зна-

етъ, что Господь въ святомъ евангеліи повелѣваетъ не только оставить свои домы, но даже и своихъ отцовъ, матерей, братьевъ и женъ».

Изложивши Тамбовскому архіерею *житіе св. Агафона*, Пронинъ убѣдительно звалъ его въ село Двурѣчки, гдѣ будто бы мощи угодника изливали *усладительное благоуханіе*. Конечно, эпархіальный архіерей на открытіе Двурѣченскихъ мощей не поѣхалъ. Тогда Пронинъ и его послѣдователи обошлись и безъ архіерея. Толпою отправились они на кладбище, вырыли изъ могилы замерзшій (дѣло было зимою) трупъ старца Агафона и съ торжествомъ понесли его въ свою такъ наз. обитель. Такъ какъ отъ мерзлаго тѣла не было запаха и въ комнатѣ, то это окончательно уже убѣдило Двурѣченскихъ фанатиковъ, что *отъ мощей идетъ благоуханіе*. Мѣстная полиція отнеслась однако къ этому благоуханію скептически, тѣло зарыла, а самозванныхъ канонизаторовъ арестовала. По этому поводу Пронинъ отнесся къ мѣстнымъ властямъ съ слѣдующею запискою, приводимою нами въ сокращеніи: «старецъ Агафонъ при жизни говорилъ не разъ: если тронутъ васъ—тронусь и я. И вотъ мы отрыли мощи и многіе чувствовали при перенесеніи ихъ благоуханіе. И еще говорилъ старецъ: придетъ время и всѣ отъ меня отрекутся, что и случилось при первоначальномъ открытіи мощей, ибо всѣ тогда отъ страха разбѣжались. На этотъ случай припоминаю изреченіе великаго старца: Сеня, что тебѣ скажу; въ одно время, какъ меня тащили, кто за ноги, кто за что, поглядѣли, а тамъ одинъ зипунъ, а я стою сзади ихъ и со смѣху никакъ не отдохну. Потомъ, когда разгоняли насъ, мнѣ пришло на мысль одно старческое слово: если потребуюсь, то тогда взыщите и будьте готовы, а я завсегда готовъ» *).

---

*) Подлинникъ любопытной записки Пронина хранится въ Тамб. губер. музеѣ.

Старецъ Агафонъ и ученикъ его Пронинъ, не смотря на ихъ несомнѣнный мистицизмъ, были, конечно, людьми себѣ на умѣ и подъ фирмою святошъ и чудотворцевъ ловко обдѣлывали свои мірскія дѣла. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ намъ представляется одна Тамбовская энтузіастка, священническая дочь Анна Егорова. Дѣло о ней производилось въ мѣстной духовной консисторіи въ 1842 году. Въ то время Аннѣ Егоровой было 24 года. По мнѣнію всѣхъ ея знакомыхъ, она была дѣвушка работящая, скромная, богомольная и разсудительная. Часто задумывалась она на тему о своей судьбѣ, о неисходномъ чевѣческомъ горѣ и о неразрѣшимыхъ тайнахъ жизни и смерти. Отзывчивое сердце подсказывало ей единственный путь къ разрѣшенію всѣхъ мучившихъ ее вопросовъ—путь вѣры, и вотъ Аннѣ Егоровой стали представляться видѣнія, реальность которыхъ признавалъ и отецъ ея, священникъ села Становаго, Козловскаго уѣзда. Богомольная дѣвушка чаще всего видѣла *Божію Матерь, молившуюся на воздусяхъ.* Наконецъ увидѣла она въ образѣ человѣческомъ и самого Спасителя. Между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Скоро ли я умру, Господи?

— Скоро, на пасху между утреней и обѣдней.

— Когда будетъ,—продолжала допрашивать Анна Егорова,—второе пришествіе Христово?

— Скоро гряду, отвѣчало видѣніе и скрылось.

Анна крѣпко заснула и на другой день ни съ кѣмъ не говорила ни слова. Но вечеромъ *Гласъ Христовъ* повелѣлъ ей разсказать о видѣніи.

На первой недѣлѣ великаго поста Анна пришла отъ вечерни и передъ сномъ стала молиться. Въ это время къ ней явился Ангелъ и сказалъ: «возстань, съ тобой будетъ великое искушеніе». Дѣвушка отъ страха присѣла на постель и вотъ, по словамъ ея, *враги* полѣзли въ дверь, сильно стуча и отдирая дверную рогожу. Анна позвала тогда отца, но и онъ услышалъ необычайный тсукъ и былъ *въ великомъ смущеніи.*

Въ день причастія чудо повторилось, но уже въ другой формѣ. Аннѣ Егоровой показалось, что всѣ образа—точно живые люди, а икона Спасителя плакала.

Слухъ объ этомъ дошелъ до эпархіальнаго архіерея. Дѣвушку вызвали для допросовъ въ консисторію, но отвѣты ея всѣхъ убѣдили въ томъ, что она *совершенно здорова. Подсудимую* препроводили затѣмъ во врачебную управу, но и медицинскіе чины ни чуть не усумнились въ нормальности ея положенія... *).

Надобно замѣтить, что практика прошлой Тамбовской жизни слишкомъ обильна фактами религіозныхъ увлеченій. Такъ, въ началѣ текущаго столѣтія въ Шацкомъ уѣздѣ, на хуторѣ у купца Аникѣева, проживалъ слѣпецъ Ефремъ съ послушникомъ Василіемъ. Въ комнатѣ у Ефрема былъ устроенъ иконостасъ, передъ которымъ *самозванный іерей,* въ присутствіи многочисленныхъ богомольцевъ, самочинно священнодѣйствовалъ... При этомъ были и проповѣди. Слѣпой старецъ особенно любилъ говорить на тему о второмъ Христовомъ пришествіи. «Ждите,—говорилъ онъ,—того часа, когда восплачется вся земля, море и аеръ, восплачутся и всѣ животныя со птицами, восплачутся горы и холмы и деревa польскія, восплачутся и оба свѣтила со звѣздами за родъ человѣческій». И слушала его неразумная толпа, тяжко вздыхая о грѣхахъ человѣческихъ и страшась суда Божія, грядущаго *въ той часъ*... Въ Шацкомъ и Спасскомъ уѣздахъ долго потомъ ждали свѣтопреставленія. На пасху 1848 года жители селъ Вечутки, Хомутовки и Киселевки—всю ночь съ понедѣльника на вторникъ не спали и все ждали архангельской трубы, пока отъ утомленія не заснули **).

Въ то же время въ Козловскомъ уѣздѣ въ селѣ Хмѣлевой слободѣ жилъ нѣкто Григорій Бекетовъ, котораго почитатели его обыкновенно называли отцомъ Григо-

*) Арх. дух. конс. № 124-й.
**) Арх. дух. конс. № 258-й.

ріемъ. Бекетовъ былъ тоже слѣпъ и это обстоятельство сдѣлало его религіознымъ мечтателемъ. Мало по малу слѣпецъ вообразилъ себя великимъ народнымъ учителемъ. Въ избѣ своей онъ началъ служить вечерни, утрени и обѣдни, при чемъ прислуживали ему келейницы, числомъ 15 дѣвицъ, отъ 15 до 30-лѣтняго возраста. Служилъ *отецъ Григорій* въ ризахъ и золотой шапочкѣ. Служба совершалась обыкновенно ночью, до благовѣста къ заутрени. Съ первымъ ударомъ приходскаго колокола все самочинное собраніе начинало пѣть врозь разныя канты. Потомъ пѣвцы ударяли себя кулаками въ груди и приговаривали: побѣдили, побѣдили! Церемонія оканчивалась *общимъ хохотомъ* и скромной трапезой.

Слѣпецъ Григорій *священствовалъ* 10 лѣтъ. Въ это время онъ обзавелся тремя просторными избами и обширнымъ садомъ и уже приступилъ было къ постройкѣ *своей* церкви. Слухи о его необыкновенныхъ подвигахъ дошли до Синода и вслѣдствіе этого дѣятельность его наконецъ прекратилась *).

Крайній религіозный мистицизмъ Тамбовскаго народонаселенія иногда выражался въ самыхъ странныхъ формахъ, напримѣръ—въ такъ наз. трушевѣріи или труховѣріи.

Въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ селѣ Верхней Мосоловкѣ, Усманскаго уѣзда, объявился одинъ мѣщанинъ Трофимъ Пановъ. Жилъ онъ въ домѣ помѣщика Аблова, *своего ближайшаго послѣдователя,* и вотъ именно его-то ученики назывались трушевѣрами.

Трушевѣры видимо исполняли православные обряды. Но ихъ выдавали слѣдующія обстоятельства: они часто и въ большомъ количествѣ собирались у Трофима Панова для моленій, другъ другу кланялись въ ноги, священниковъ называли бѣсами, женщинъ стригли въ кру-

*) Арх. дух. конс. № 2677-й.

жокъ, жили невѣнчанные, православныхъ при удобномъ случаѣ били, *изгоняя изъ нихъ нечестіе*. При этомъ иногда бывало, что сынъ—трушевѣръ поднималъ руки на родителей.

Однажды приходскій священникъ Лукинъ говорилъ въ церкви проповѣдь противъ трушевѣрія. Между слушателями стояли и приверженцы Трофима Панова, въ томъ числѣ Абловы—мужъ и жена. Не понравилась имъ проповѣдь и вотъ они публично стали бранить священника и грозили изорвать на немъ облаченіе. «Ты—разоритель, грабитель и служка»,—громко шумѣли Абловы на всю церковь. Это было 14-го іюля 1868 года. Именно по этому поводу и началось *дѣло* о трушевѣрахъ.

Слѣдствіемъ обнаружено было, что Трофимъ Пановъ называлъ себя богомъ, а учениковъ своихъ—полубогами. Вся трушевѣрская община отличалась воздержною жизнію, ненавистію къ существовавшимъ порядкамъ и экзальтированными обычаями во время моленій. Когда трушевѣры сходились вмѣстѣ, то они снимали съ себя верхнее платье и оставались въ однѣхъ рубахахъ. Съ этого момента они называли свои избы Сіонскими горницами, пѣли церковныя пѣсни и канты, били въ *ладоши* и притопывали ногами...

Слѣдователи узнали также и то, что Трофимъ Пановъ часто расхаживалъ по селу въ сопровожденіи своихъ учениковъ, при чемъ на шею надѣвалъ большой перламутровый крестъ на широкой шелковой лентѣ. А одежда его въ то время заключалась въ длинной красной рубахѣ, обшитой по подолу и по рукавамъ желтой тесьмою. Поясъ его былъ желѣзный въ сукнѣ.

Во время допроса Трофимъ сознался въ своихъ заблужденіяхъ и говорилъ такъ: «я браню начальниковъ за слабое исполненіе обязанностей и именую бѣсами всѣхъ враговъ своихъ. Учу же я отъ имени Божія и всѣ мы—блаженные и нищіе духомъ, а весь міръ погрязъ во грѣхѣ».

Самымъ усерднымъ ученикомъ Панова былъ крестьянинъ Иванъ Поповъ, который произнесъ передъ слѣдователями слѣдующія слова: «аще кто отвергнется отъ Трофима, отверженъ будетъ предъ отцомъ небеснымъ».

Когда въ домѣ Трофима Панова произвели обыскъ, то между прочимъ нашли рукопись его сочиненія подъ весьма страннымъ и нескладнымъ заглавіемъ: *святочестному и благочестиво живущему правосудію, нищетѣ духовной, сострадательной попечительности нѣжножалобное объявленіе на жизнь развратнаго міра нынѣшняго вѣка нечестивыхъ и беззаконныхъ людей.*

Въ самомъ текстѣ безсвязно изложены жалобы на то, что безчисленное множество христіанскихъ душъ запуталось въ сѣтяхъ вражіихъ, *въ шатаніяхъ и молвахъ.* «Люди,—говоритъ Трофимъ,—утопаютъ какъ въ морскихъ волнахъ и у язычниковъ было лучше нашего».

Затѣмъ слѣдуетъ печальное и лирическое въ народно-литературномъ стилѣ изображеніе дѣйствительности: правда въ тѣснотѣ, злочестивая ложь имѣетъ великое пространство, любовь злонравіемъ больна. Вѣра раздробляется, надежда на свою хитрость и любостяжаніе полагается. Покаяніе страдаетъ, грѣхъ нераскаяніемъ прикрылся, боголюбивое усердіе отъ нечестія, какъ пчела отъ дыма, не уклоняется и святая жизнь каменьями побивается. Здравое ученіе захворало, истина осиротѣла, правосудіе въ бѣгахъ, на судѣ крючкодѣйственная грабительница—корысть обрѣтается. Благодѣяніе подъ арестомъ, состраданіе въ острогѣ сидитъ и дщи Вавилонская ликуетъ. Стыдъ ослѣпъ, совѣсть съ ума сошла, справедливость обанкрутилась, честь въ отставку вышла, а законное супружество въ грязи лежитъ».

Съ особенною силою трушевѣрскій учитель возстаетъ противъ пѣсень, хороводовъ, качелей, карточной игры, псовой охоты, театровъ, сквернословія и модныхъ женскихъ нарядовъ. О послѣднихъ онъ выражается

такъ: «о, оружіе дьявола, бѣсово чудовище, невѣста князя тьмы, любовница сатаны, Пентефріева жена, Египетская бѣсноватая свинья, поклонница Венеры, неукротимый звѣрь, зѣвъ ада преисподняго!».

Не щадитъ Трофимъ Пановъ также и духовенства, о которомъ онъ говоритъ: «нечестія ревнители, благочестія гонители, ненавистники рода христіанскаго, предтечи злобы и ярости антихристовой, Анны и Каіафы, предатели Христа на мученіе и несмысленные пастыри!»

Рукопись заключается слѣдующими словами: «благодатію Божіею всѣ вы, чтущіе сіе, утвердитесь до скончанія вѣка. Аминь».

Очевидно, трушевѣріе не имѣло самостоятельнаго обрядоваго и догматическаго характера. Скорѣе—оно представляло собою рѣзкій и наивный протестъ, направленный противъ общественной безнравственности. Самыя сходки трушевѣровъ не заключали въ себѣ, строго говоря, ничего противоцерковнаго. Тамъ приверженцы Трофима Панова пѣли обыкновенно псалмы: благослови, душе моя, Господа... Блаженъ мужъ... На рѣкахъ Вавилонскихъ.., да изъ евангелія читали любимыя мѣста, чаще всего бесѣду Спасителя съ женою Самарянкою. Если же Трофимъ называлъ себя богомъ, то это слово онъ понималъ, конечно, въ нравственномъ смыслѣ. Это видно изъ слѣдующаго.

Трофима Панова отлучили отъ церкви, но онъ насильно врывался въ православные храмы и въ этомъ случаѣ оправдывалъ себя словами Спасителя: «приходящихъ ко мнѣ не изжену вонъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ упорный фанатикъ *благовременно и безвременно* убѣждалъ духовенство *возстать отъ сна*.

17 мая 1867 года священникъ Лукинъ, встрѣтившись съ Трофимомъ, дружески сказалъ ему: «преосвященный требуетъ отъ меня донесенія о тебѣ и я хочу доносить, что тебя исправилъ».

На это Трофимъ отвѣчалъ священнику: «чтожъ, батюшка, пиши на свою шею».

Между тѣмъ по селу онъ распространялъ такіе слухи: «меня гонятъ, но Господь наказываетъ гонителей Христа—кто отъ пьянства безъ покаянія умеръ, кто умеръ потопленіемъ водою, кого Господь огнемъ сжегъ, кого лишилъ чадъ, а кого оставилъ еще на покаяніе. Чудны дѣла Господа! А священникъ все-таки меня гонитъ и старается погубить овецъ своихъ. Настало время ужасное, храмъ Божій сдѣлался въ ловитву».

Однако, краснорѣчіе Трофима не спасло его. Вся Пашковская волость огромнымъ большинствомъ голосовъ порѣшила: труховѣровъ удалить изъ общества *).

Переходимъ теперь къ сектантству, которое представляетъ рѣзкую выдающуюся бытовую черту мѣстнаго края.

Секты развивались у насъ главнымъ образомъ среди помѣщичьихъ крестьянъ. Тяжелая крѣпостная обстановка невольно влекла изстрадавшееся крестьянство къ религіозной мистикѣ и фанатизму. Духовенство же своими дѣйствіями полицейскаго характера не только не умиряло наивную толпу, а еще болѣе волновало. Отсюда происходило взаимное раздраженіе, роль котораго въ исторіи развитія Тамбовскаго сектантства, по нашему мнѣнію, далеко не послѣдняя... При такихъ-то условіяхъ развивался мѣстный религіозно-критическій анализъ. Люди непросвѣтной глуши, не забытые только тѣми, кто нуждался въ ихъ скудныхъ достояніяхъ, Тамбовскіе крѣпостные и имъ подобные обыватели естественно искали отраду для своей горемычной жизни въ религіи и находили ее по своему. Самые бѣдные крестьяне переходили иногда въ извѣстную, подходящую къ ихъ міросозерцанію, секту изъ матеріальныхъ выгодъ, такъ какъ сектанты всегда были зажиточнѣе большинства православныхъ и щедро помогали своимъ единовѣрцамъ. Между тѣмъ крестьяне, болѣе чуткіе къ вопросамъ вѣры и

*) Арх. дух. конс. № 2149-й.

нравственности, могли увлекаться въ сектанствѣ тѣмъ, что почти всѣ его сторонники—люди воздержные, трезвые, тихіе, другъ другу всячески и отъ души помогающіе...

О степени распространенности въ Тамбовской губерніи сектъ судить слишкомъ трудно, потому что оффиціальныя статистическія данныя на этотъ предметъ слишкомъ подозрительны. Мѣстная консисторская статистика за всѣ годы съ начала XIX столѣтія показывала почти одну и ту же цифру: приблизительно 9000 сектантовъ. Это количество, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо ниже дѣйствительности и на это есть у насъ основательныя доказательства.

Еще въ 1830 году маіоръ Владимировъ писалъ всеподданнѣйшее письмо императору Николаю 1-му, въ которомъ съ увѣренностію доносилъ, что только въ трехъ уѣздахъ: Тамбовскомъ, Моршанскомъ и Шацкомъ-сектантовъ болѣе 70,000 человѣкъ. Припоминается намъ по этому поводу и наша бесѣда съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ молоканъ города Тамбова, который говорилъ, что *онъ отписной молоканъ и всѣ его знаютъ съ этой стороны, а то много у нихъ и соблюдающихъ наружно православные обряды ради мірской чести и всякихъ выгодъ и это, по молоканскому ученію, не грѣхъ.*

Въ 1839 году Тамбовскій епископъ Арсеній Москвинъ составлялъ списки главныхъ молоканскихъ наставниковъ. Мы думаемъ, что онъ узналъ не про всѣхъ, и однако въ его спискахъ стояла весьма почтенная цифра: 112 *).

О количествѣ сектантовъ Тамбовской эпархіи приблизительно можно судить также и по числу лицъ, не принимавшихъ св. причастія. По консисторскимъ даннымъ, въ 1830 году таковыхъ значилось 165,374 человѣка. Въ слѣдующемъ году это число возрасло до 172,978 человѣкъ. Въ 1832 году не было у исповѣди и св. причастія 129,390 человѣкъ, а въ 1833 году—174,685 человѣкъ. Справка эта подана была въ консисторію 13 августа 1840 года архиваріусомъ Иванскимъ.

*) Арх. дух. конс. № 287-й.

Секта субботниковъ или жидовствующихъ всегда считалась у насъ самою незначительною по количеству сектантовъ. Между тѣмъ въ 1864 году вотъ что писало о ней Разсказовское приходское духовенство: «субботниковъ у насъ около 1000 душъ и ждутъ они въ скоромъ времени Мессію, а для построенія Іерусалимскаго храма собираютъ большія деньги» *).

Впослѣдствіи, въ 1865 году, въ Разсказово пріѣхалъ одинъ еврей—аферистъ, объявилъ себя Іерусалимскимъ агентомъ, собралъ нѣсколько сотъ рублей и за тѣмъ неизвѣстно куда скрылся...

Особенную антипатію между многочисленными Тамбовскими ересями возбуждаетъ, конечно, скопчество, о которомъ мы сказали уже нѣсколько словъ въ концѣ первой главы. Намъ представляется особенно удивительнымъ то, какъ скоро и съ какимъ легкомысліемъ многіе Тамбовскіе крестьяне рѣшались на оскопленіе **).

25 декабря 1830 года крестьянинъ села Русскаго, Моршанскаго уѣзда, Семенъ Куликовъ пообѣдалъ вмѣстѣ съ семьею и вышелъ погулять. Черезъ нѣсколько часовъ, окровавленный и согнувшійся, онъ вернулся домой и при входѣ упалъ.

— Что это съ тобою, Семенъ? спросила его сноха Афросинья.

— Лошадь разбила меня и ушибла обѣ колѣнки.

Стали слѣдить за Куликовымъ и оказалось, что онъ оскопился.

Впослѣдствіи на судѣ Куликовъ показывалъ: «содержу я секту скопческую, но въ чемъ оная заключается—не знаю. Думаю только, что мясного мнѣ ѣсть нельзя. На праздникъ Рождества Христова мы обѣдали и вдругъ мнѣ пришла мысль: человѣкъ я бѣдный и жениться мнѣ

*) Арх. дух. конс. № 406-й.

**) Распространителемъ скопческой секты въ Тамб. и Морш. уѣздахъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія былъ самъ Кондратій Селивановъ съ учениками Ретинымъ, Поповымъ и дьякономъ Алексѣевымъ.

по бѣдности нельзя; такъ лучше, чѣмъ разжигаться, глядя на женскій полъ и грѣшить—отрѣжу я семенныя ядра».

Послѣ этихъ размышленій Куликовъ пошелъ въ клѣть, перевязалъ дѣтородныя части лычкомъ и простымъ ножемъ сразу отрѣзалъ ихъ. Не смотря на жгучую боль и сильное кровоизліяніе, Куликовъ имѣлъ на столько присутствія духа, что тщательно вытеръ снѣгомъ ножъ и пошелъ въ избу, но *у коника* упалъ на полъ. Въ это время и стала разспрашивать его сноха Афросинья *).

Въ томъ же 1830 году изъ Владикавказа вернулся на родину въ село Уварово, Борисоглѣбскаго уѣзда, отставной солдатъ Никулинъ. Одна нога у него была отнята, слѣдовательно къ сельскимъ работамъ онъ былъ неспособенъ. Никулинъ сдѣлался сельскимъ учителемъ. Разъ онъ задумался, сидя въ своей бѣдной и темной хатѣ. Тутъ пришли ему на умъ извѣстныя евангельскія слова: «скопцы сами себя исказиша царствія ради небеснаго», и онъ, не долго думая, оскопился бритвою. При этомъ Никулинъ утолялъ свою боль тою мыслію, что безъ умерщвленія плоти нельзя получить царствія Божія.

«Скоро раны мои,—говорилъ онъ потомъ судьямъ,—зажили и стали приходить ко мнѣ всякіе люди и я читалъ съ ними священное писаніе и пѣлъ псалмы и молитвы. Разъ пришли ко мнѣ три дѣвки и одинъ товарищъ мой оскопилъ ихъ, а къ порѣзаннымъ мѣстамъ приложилъ пластырь изъ воску и конопляннаго масла» *).

Нѣкоторые Тамбовскіе крестьяне до поступленія въ скопческую секту отличались чрезвычайною набожностію и готовы были идти въ монахи. Таковъ былъ крестьянинъ села Крюкова, Моршанскаго уѣзда, Артемъ Брюнинъ.

---

*) Арх. Тамб. окруж. суда, № 335-й.
**) ibid. № 337-й.

«Возымѣлъ я отвращеніе къ мясной пищѣ,—говорилъ онъ,—сталъ ѣсть постное и намѣревался вступить въ какой либо монастырь для всегдашняго моленія, но отецъ съ матерію въ монахи меня не пустили».

Томимый постояннымъ желаніемъ душевнаго спасенія и крайне нервный, Брюнинъ однажды пошелъ къ отцу на гумно. Въ это время встрѣтилъ его какой-то странникъ, повидимому монахъ, и упросилъ проводить его на большую дорогу. Брюнинъ пошелъ съ незнакомцемъ и сталъ жаловаться ему на свое горе.

Странникъ остановился.

«Если ты хочешь спасать себя,—съ важностію возвысилъ онъ голосъ,—то оскопись, умертви грѣшную плоть и это для души твоей будетъ очень хорошо».

Брюнинъ сразу согласился на оскопленіе. Тогда мнимый монахъ повелъ его къ одоньямъ, совершилъ надъ нимъ операцію и ушелъ неизвѣстно куда своей дорогой. Между тѣмъ скопецъ—неофитъ истекалъ кровью и лежалъ на гумнѣ безъ памяти. Утромъ кое-какъ дотащился онъ до дому, разсказалъ обо всемъ роднымъ и тѣ въ тотъ же день препроводили его въ Моршанскій земскій судъ. Это было въ іюнѣ 1837 года.

Странникъ, оскопившій Брюнина, не даромъ торопился уйти изъ Крюкова. Тамъ онъ успѣлъ оскопить еще 18 человѣкъ, кого въ открытомъ полѣ, кого на гумнѣ, кого на большой дорогѣ... Въ числѣ оскопленныхъ были и дѣти—мальчики и дѣвочки *).

Изъ Тамбовскихъ консисторскихъ документовъ видно, что въ первой половинѣ настоящаго столѣтія село Крюково было главнымъ разсадникомъ скопческой ереси. Главою Крюковскихъ скопцовъ былъ въ указанное нами время крестьянинъ Аристарховъ, у котораго найдены были самыя уважаемыя скопческія рукописи. Въ рукописяхъ заключались преимущественно аллегорическія

*) Протоколъ Тамб. угол. пал. отъ 28 іюня 1837 года.

молитвы, представлявшія скопцовъ пчелами, а ихъ радѣнія—пчелинымъ жужжаніемъ.

Наиболѣе сильное развитіе всѣхъ Тамбовскихъ ересей относится ко временамъ епископа Арсенія, когда мѣстные сектанты подверглись суровымъ и систематическимъ преслѣдованіямъ. Именно въ то время появились у насъ пылкіе и убѣжденные сектантскіе проповѣдники, явилась полная нравственная и экономическая солидарность всѣхъ членовъ извѣстной религіозной общины и даже—сектантская школа.

Глубокій интересъ по религіозно-мистической оригинальности представляетъ намъ секта хлыстовъ, иначе называемыхъ шелапутами, богомолами, истинными христіанами и Давыдовымъ согласіемъ. Къ окружавшей ихъ дѣйствительности хлысты относились съ полнымъ отрицаніемъ. Они говорили такъ: «весь міръ погрязъ въ ужасныхъ грѣхахъ», только и есть наше малое чистое стадо».

Одинъ изъ хлыстовъ, фельдфебель Тюкаловъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ своихъ православныхъ сотоварищей: «живу я грѣшный среди свиней и другихъ дикихъ звѣрей, не имѣющихъ боготканной одежды и небесной пищи. Угодничкы Божіи! Молитесь за насъ и омывайте насъ крещеніемъ чистой совѣсти. О горе! гонятъ на духа святаго, а въ насъ благодать» *).

Хлысты тщательно укрывали свое богослуженіе отъ православныхъ. Всѣ знали, что они вѣруютъ въ безпрерывное и періодическое возрожденіе Христа, какъ духа Божія, что у нихъ есть самозванныя богородицы, пророки, апостолы и архангелы и что они часто подвергаются самымъ сильнымъ нервнымъ экзальтаціямъ, принимаемымъ за наитіе св. духа. Но обрядовъ ихъ не знали и потому на этотъ предметъ возникали у насъ легенды.

---

*) Арх. дух. конс. № 7,669-й.

О хлыстовскихъ собраніяхъ у насъ говорили такъ: «соберутся хлысты въ какую нибудь просторную избу и бѣгаютъ кругомъ чана съ водою, приговаривая: хлыщу, хлыщу, Христа ищу. Тогда нѣкто выходилъ изъ чана и начиналось общее бѣснованіе».

Болѣе подробныя оффиціальныя свѣденія о богомольской сектѣ получились у насъ въ 1850 году по слѣдующему случаю.

Въ одномъ селѣ Борисоглѣбскаго уѣзда проживало многочисленное семейство купцовъ Аникѣевыхъ. Ихъ было три брата: двое женатыхъ и одинъ холостой. У одного изъ первыхъ вдругъ заболѣла жена и стала *кричать*. Какъ ни лѣчили больную, ничего не могли сдѣлать. Въ это время къ Аникѣевымъ пріѣхали по торговымъ дѣламъ крестьяне Тимофеевъ и Козьминъ. Оба они были хлысты. Случилось такъ, что они были свидѣтелями припадковъ Аникѣевой. Тогда Тимофеевъ сказалъ больной:

— Хочешь, я исцѣлю тебя ниспосланіемъ благодати Божіей?

Больная согласилась.

— Такъ пріѣзжай ко мнѣ подъ рождество. У тебя внутри бѣсы и ты постись, тогда бѣсы сами выдутъ.

Въ назначенный день семья Аникѣевыхъ поѣхала въ село Туголуково къ Тимофееву, въ просторной избѣ котораго собрано было многочисленное общество. Тутъ была вдова—крестьянка Астафьева съ цѣлой свитой черничекъ и странницъ. Все собраніе относилось къ ней съ величайшимъ почтеніемъ и именовало ее матушкой, чудотворкой и богородицей. Тутъ же былъ *настоятель* Перфилъ Катасоновъ, къ которому сама Астафьева обращалась, какъ къ набольшему.

Въ избѣ, по словамъ одного изъ Аникѣевыхъ, былъ настоящій рай. Пѣли разныя стихи и всѣ цѣловались безъ разбору и стыда. Перфилъ Катасоновъ подозвалъ къ себѣ пріѣзжихъ и громко произнесъ: «теперь всѣ ваши грѣхи я принялъ на себя. Да мяса, 'смотрите, не

ѣшьте, самъ Христосъ его не ѣлъ и въ пасху его не кладутъ, и въ храмахъ Божіихъ не ставятъ сальныхъ свѣчей, а постныя восковыя; да помните, что храмъ внутри васъ гораздо дороже всякаго храма».

Неожиданная проповѣдь закончилась слѣдующими словами: «богъ васъ прощаетъ и я, Перфилъ, прощаю».

На масляницу Аникѣевы поѣхали въ деревню Афанасьевку къ крестьянину Козьмину, котораго его единомышленники называли сердцевѣдцемъ. Перфилъ Катасоновъ былъ уже тамъ. Входя въ избу, всѣ подходили къ нему и цѣловали его руку и щеку, а онъ указывалъ входившимъ ихъ мѣста. Когда вошли въ собраніе Аникѣевы, имъ приказано было открыть рты и *настоятель* туда дышалъ. Такимъ образомъ приняты были въ богомольское общество новые члены. Послѣ этого всѣ стали пѣть канты на мотивы нищенскихъ пѣсенъ и бесѣдовать, величая другъ друга святыми, а съ наступленіемъ ночи богомолы легли спать, какъ попало. Въ ночной темнотѣ слышались то религіозныя канты, то молитвы, то сдержанный смѣхъ и фривольныя шутки...

Утромъ всѣ богомолы пошли къ Астафьевой и при входѣ кланялись ей въ ноги и цѣловали ее. Между тѣмъ Козьминъ началъ дѣлать изъ соломы кольца.

— На что это? спросили Аникѣевы.

— А это вѣнцы для получившихъ благодать.

Въ это время Катасоновъ вышелъ на средину избы, обнявшись съ *чудоторкою*, которая всѣхъ манила къ себѣ рукою. Катасоновъ посадилъ Астафьеву себѣ на плечо.

— Для чего это? стали спрашивать Аникѣевы.

— На нихъ сошла благодать, отвѣчали имъ.

Тогда всѣ стали на колѣни, кромѣ *настоятеля*, и начали каяться во грѣхахъ: «я—блудница, я—обманщица, говорили женщины». А я—клеветникъ, насильникъ, гордецъ» —перебивали мужчины.

Дѣйствіе закончилось *причастіемъ*. Богомолы ѣли кусочки чернаго хлѣба и запивали ихъ теплой водой. «Какъ вода сплываетъ,—приговаривали они,—такъ бы грѣхи сплывали, и тотъ хлѣбъ нашъ—слово Божіе, а вода—слеза народная».

Не смотря на то, что богомолы шли къ *причастію* весьма охотно, Катасоновъ вооружился кнутомъ и подгонялъ всѣхъ къ столу.

Подобныя собранія стали повторяться чаще и чаще. Аникѣевы горячо относились къ нимъ. Но одинъ изъ нихъ, младшій братъ Федоръ, понялъ наконецъ свою ошибку и донесъ обо всемъ духовному и свѣтскому начальству.

Началось слѣдствіе. Слѣдователь ассесоръ Матвѣевъ дознаоъ, что хлыстовщина обнаружилась у насъ еще въ 1761 году, а усиленное распространеніе ея началось въ началѣ текущаго столѣтія въ селѣ Перевозѣ, Кирсановскаго уѣзда.

Главнымъ распространителемъ богомольскаго ученія былъ у насъ крѣпостной крестьянинъ Абакумъ Копыловъ. Въ свое время онъ самъ разсказывалъ, что ему будто бы постоянно представлялись ангелы, которые сладкогласно пѣли и говорили ему, Абакуму: постись и молись! «И я,—прибавлялъ онъ,—ничего не ѣлъ 8 недѣль и стало мнѣ легко».

Абакумъ сталъ жить уединенно и изнурять себя постомъ. Сосѣди и домашніе постоянно видѣли его задумчивымъ и блѣднымъ. Онъ пересталъ ходить на барщину и молча переносилъ за это суровую барскую расправу. Крайній мистицизмъ Абакума Иванова породилъ наконецъ слѣдующую галлюцинацію: «однажды,—убѣжденно говорилъ онъ,—я постился 40 дней и вотъ явились ко мнѣ два ангела и понесли меня къ престолу Божію на седьмое небо. Въ трепетѣ сталъ я предъ владыкою и онъ повелѣлъ мнѣ читать божественныя книги и отыскивать въ нихъ средство, какъ людямъ спастись».

Эту рѣчь первый выслушалъ Перфилъ Катасоновъ— Абакумовъ работникъ.

Все общество Кирсановскихъ богомоловъ сразу увѣровало въ своего *великаго* учителя. Въ богомольскихъ хатахъ шли оживленные разговоры о томъ, какъ милостиво и любовно встрѣтилъ самъ Господь Богъ Абакума Ивановича. «Когда Абакумъ взятъ былъ на седьмое небо,—толковали крестьяне,—то по всему небу прогремѣлъ Божій гласъ: сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ... Тогда на богомольскихъ собраніяхъ стали будто бы совершаться чудеса: сіялъ ночью свѣтъ, свѣчи сами загорались и духъ пророческій овладѣвалъ многими. То было время, когда Тамбовскіе хлысты надѣялись на всероссійское распространеніе своей секты. «Наша вѣра,—говорили они,— во истину истинная и за нее умремъ мы. Темные крестьяне между прочимъ увѣрены были въ томъ, что у нихъ есть свой *патріархъ* въ Петербургѣ и что сила его у царя великая.

Ересь быстро стала распространяться въ селахъ: Уваровѣ, малой Грибановкѣ, Туголуковѣ, Афанасьевкѣ, Перевозѣ, Коптевѣ, Мосоловкѣ и Березовкѣ. Абакумъ Копыловъ и сынъ его Филиппъ громко проповѣдывали: «вѣруйте въ новаго Іисуса, обновляя плотское духовнымъ. Вѣруйте, что Христосъ былъ богочеловѣкъ, т. е. духъ Божій входилъ въ него, но это и теперь можетъ быть».

Во время богомольскихъ сборищъ пѣвались разныя канты, молитвы и стихи. Наиболѣе употребительные стихи и канты начинались такъ:

1) Идетъ мальчикъ по дорожкѣ,
Ко Христовой прямо ножкѣ...
2) Гдѣ ты, агница, сокрылась?
Что отъ Бога удалилась?
О душѣ твоей скорблю,
Потому что я люблю...

3) Безсмертный царь и обладатель,
Правитель неба й земли,
Всея вселенныя создатель!
Прими молитву, гласъ внемли...
4) Пробудись отъ сна, невѣста,
Се полуноща женихъ.
Яко тать грядетъ безвѣстно
Съ мертвыми судить живыхъ...
5) Потопъ страшный умножался,
Народъ видя испугался...
Гнѣвъ идетъ, гнѣвъ идетъ...

Что касается молитвъ, то главныя изъ нихъ запѣвались слѣдующимъ образомъ:

1) Господи Боже нашъ, введи меня раба въ духовный миръ...

2) Плачемся и ужасаемся, яко на всякій часъ помышляемъ: придутъ судьи Божьи дѣла судить...

3) Да восплачется мать сыра—земля передъ образомъ и престоломъ Господніимъ...

Слѣдствіе ассесора Матвѣева, при участіи духовныхъ депутатовъ и мірскихъ понятыхъ, между прочимъ выяснило, что нравственный бытъ хлыстовской секты отличался особеннымъ воздержаніемъ и сравнительною скромностію.

«По нашей вѣрѣ,—говорилъ крестьянинъ Николай Копыловъ,—не надо ѣсть мяса, курить табакъ, пить вино, ходить на игрища, ругаться скверными словами, употреблять картофель, лукъ и чеснокъ, ибо они у язычниковъ были замѣсто боговъ. Также не надо носить серегъ, ожерелій и колецъ. И близость имѣть съ женами тоже не надо. Лишнее мы приносимъ къ настоятелю и онъ помогаетъ бѣднымъ, и всѣ мы помогаемъ, но тайно.» *)

---

*) Въ основаніе чистоты между мужемъ и женой хлысты приводили слѣдующія слова Писанія: бракъ честенъ и ложе нескверно.

Первымъ извѣстнымъ *христомъ* въ Кирсановскомъ уѣздѣ былъ Абакумъ Копыловъ. Въ *богородицахъ* ходила у него Татьяна Черносвистова.

Вторыми *христомъ и богородицей* были Филиппъ Абакумовъ и Меланія Захарова.

Третьми—Николай и Анисья Копыловы. Въ это время въ Кирсановскомъ и Борисоглѣбскомъ уѣздахъ образовались три самостоятельныя хлыстовскія собранія съ особыми настоятелями и настоятельницами. Изрѣдка *три корабля* собирались вмѣстѣ. Догматическаго различія между ними не было. Была одна нравственная рознь, зависѣвшая отъ темпераментовъ ересеначальниковъ. Такъ, у Анисьи Копыловой собранія были чинныя, а у Перфила Катасонова *творили чудеса.* Тамъ мужчины и женщины раздѣвались до нага, подражая Адаму и Евѣ, неистово плясали, вслухъ исповѣдывались во грѣхахъ своихъ, громко вскрикивали и плакали и послѣ ложились въ повалку, *духовникъ съ духовницею.* То была несомнѣнная экзальтація, какъ слѣдствіе крайняго напряженія нервовъ... На судѣ хлысты такъ оправдывали свое поведеніе: «мы исполняемъ житіе св. пророка Давида—скачемъ, играемъ, пасху славимъ вѣчную.»

Темныхъ мистиковъ осудили весьма строго. 75 человѣкъ посадили въ остроги, гдѣ половина ихъ умерла отъ цынги. Потомъ еще забрали 410 человѣкъ и всѣхъ ихъ переселили въ Закавказскій край. Но оставалось еще много тайныхъ хлыстовъ, посѣщавшихъ православные храмы и принимавшихъ духовенство. Эти тщательно укрылись и ожесточились, выражая свои протесты одними храбрыми словами *).

Противоцерковная Тамбовская жизнь въ особенности выражалась въ слѣдующихъ уѣздахъ. Въ Спасскомъ и Темниковскомъ преобладалъ расколъ, въ Кирсановскомъ и Борисоглѣбскомъ — хлыстовство, въ Моршанскомъ уѣздѣ были скопцы, въ Козловскомъ и Тамбовскомъ— молокане и духоборцы.

---

*) Арх. дух. конс. Дѣло о хлыстахъ, томы 4-й и 7-й.

Послѣдніе, т. е. молокане и духоборцы, судя по консисторскимъ документамъ, отличались отъ другихъ сектантовъ крайнею злобою къ православію и духовенству. Появившись въ нашей губерніи еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, во времена знаменитыхъ Уклеина и Побирохина, они постоянно донимали эпархіальное и губернское начальства массою *дѣлъ*. Не входя въ подробное нравственно-догматическое изслѣдованіе молоканства и духоборчества, мы здѣсь укажемъ только на самыя рѣзкія проявленія этихъ родственныхъ сектъ.

Молоканскіе *пресвитеры* Кубышкинъ и Хомутковъ однажды говорили священнику Алмазову слѣдующія слова: «иконы ваши—идолы. Херувимы въ скиніи и Соломоновомъ храмѣ сдѣланы были для прельщенія Израильтянъ, ибо богъ хотѣлъ погубить ихъ».

«Смотрите,—хвалились передъ православными духоборческіе наставники,—мы трезвые, а вы всѣ пьяницы, плясуны, пѣсенники и грабители».

«Крещеніе, причащеніе и миропомазаніе, продолжали они,—мы понимаемъ духовно и состоятъ они въ наученіи слова Божія. Покаяніе наше тайное а бракъ у насъ по образу ветхозавѣтныхъ патріарховъ съ возложеніемъ рукъ и чтеніемъ псалмовъ. Священникъ у насъ одинъ Іисусъ Христосъ, мы же всѣ братья и равны между собою».

Слѣдующіе факты достаточно показываютъ степень молоканско-духоборческаго озлобленія противъ служителей господствующей церкви.

На пасху 1837 года священникъ села Падовъ Ястребовъ вышелъ изъ алтаря и сталъ христосоваться съ народомъ. Въ это время духоборецъ Трофимъ Иконниковъ заговорилъ на всю церковь: «вотъ, съ попомъ не цѣловались объ масляной, такъ надо подойти къ нему теперь да дернуть за бороду и сказать: вотъ тебѣ, ба-

тюшка, яйцо да и еще бы подошелъ и кулаками вотъ какъ надавалъ бы ему яицъ» *).

Съ особенною рѣзкостію молоканская вражда къ духовенству выражалась во время самыхъ большихъ праздниковъ, когда сельскіе причты имѣли неосторожность заходить съ образами и въ молоканскіе дома. Напримѣръ, причтъ села Пахатнаго угла пришелъ однажды съ молебномъ къ молокану Илясову. Хозяинъ въ это время лежалъ на лавкѣ и притворялся спящимъ. Тогда священникъ Крыловъ сталъ будить его, но Илясовъ быстро вскочилъ, толкнулъ священника въ грудь и изорвалъ на немъ эпитрахиль, потомъ бросилъ въ него нѣсколькими мѣдными монетами и приказывалъ поскорѣй уходитъ прочь и не *мозолить глазъ* **).

Въ 1838 году молоканство сильно распространилось въ селѣ Вяжли, Кирсановскаго уѣзда. Главный распространитель секты Панковъ на судѣ показывалъ слѣдующее: «я у своихъ попъ и на поповство поставилъ меня самъ Богъ, а всѣ православные—скопище нечестивыхъ и антихристы, церкви же ихъ конюшни».

Иные молокане сами стремились къ религіознымъ диспутамъ и съ этою цѣлію вторгались въ дома православныхъ священниковъ. Такъ, мѣщанинъ Петровъ пришелъ къ священнику села Шаморги Семенову и затѣялъ съ нимъ слѣдующую бесѣду: «Христово распятіе не можетъ себя спасти, положи его на полку и оно встать не можетъ, а когда встанетъ, то я буду въ него вѣровать; да и самый крестъ, который я на себѣ имѣлъ, по бытности моей въ лѣсу для рубки дровъ, нечаяннымъ образомъ зацѣпился за дерево и оторвался и съ того времени онаго на себѣ не имѣю».

Съ теченіемъ времени молоканская пропаганда въ Тамбовской губерніи все усиливалась. Въ 1839 году въ одномъ селѣ Грязнушѣ было 224 молоканскихъ прозелитовъ.

*) Арх. дух. конс. № 102-й.
**) ibid. № 77-й.

Главныхъ молоканскихъ наставниковъ ссылали въ Сибирь, Закавказье и на Молочныя воды, но связь ихъ съ единовѣрцами не прекращалась. Между ними шла дѣловая переписка.

Въ 1824 году Тамбовская полиція перехватила слѣдующее письмо мѣстнаго молокана Токарева, адресованное на имя Томскаго ссыльника Журавцова, бывшаго Тамбовскаго *пресвитера*.

«Благодѣтелю преображенія Господня Петру Михайловичу добраго здравія, счастливыхъ поведеній, благословенія Божія, мира Христова и святыни. Кланяемся до стопъ ногъ вашихъ и заочно цѣлуемъ богохвалящія уста. А у насъ учрежденъ великій разбой и просимъ васъ писаніемъ своимъ подать намъ руку помощи».

Рѣже всего въ Тамбовскихъ документахъ встрѣчаются указанія на старообрядцевъ. Тихо проживали они въ нашихъ сѣверныхъ уѣздахъ, имѣли свои часовни—тайныя и явныя, заманивали къ себѣ бѣглыхъ священниковъ и чрезъ это навлекали на себя скоропреходящій гнѣвъ духовной и свѣтской администраціи...

Въ Тамбовскихъ архивахъ мы встрѣтились только съ однимъ случаемъ рѣзкаго проявленія раскольничьей пропаганды.

Въ первый день Пасхи 1815 года въ Елатомскую Вознесенскую церковь пришелъ мѣщанинъ Макашинъ, сталъ на амвонѣ и обратился къ народу съ такими словами: «послушайте, православные! Богъ повелѣлъ всѣмъ людямъ креститься сложеніемъ трехъ перстовъ, великаго съ малыми». Весь народъ молча слушалъ неожиданнаго проповѣдника, который высоко надъ головою держалъ руку съ изображеніемъ старообрядческаго креста. «Но многіе изъ васъ,—продолжалъ Макашинъ—христіанской заповѣди не повинуются и я за ваши прегрѣшенія уже четыре года мучусь душою».

После этого Макашинъ сталъ на обычное свое мѣсто и въ Вознесенской церкви началась пасхальная заутреня *).

Всѣ эти противоцерковныя движенія несомнѣнно удостовѣряютъ насъ въ томъ, что Тамбовское крестьянство искони отличалось своеобразнымъ исканіемъ истинной вѣры и правды и вслѣдстіе этого, по своей умственно-нравственной отсталости и косности, уходило въ расколъ и ереси. Причинъ такого ненормальнаго явленія было слишкомъ много: и церковныхъ, и соціальныхъ, и экономическихъ. *Жатва у насъ была многая, а дѣлателей мало...* Эти дѣлатели въ большинствѣ случаевъ по отношенію къ искавшимъ свѣта и правды выражали не столько пастырскія, сколько полицейскія и узко—эгоистическія стремленія. Неудивительно поэтому, что миссіонерская дѣятельность мѣстнаго духовенства сводилась почти къ нулю. Результаты приходско—пастырскихъ увѣщаній въ консисторскихъ документахъ большею частію отмѣчены такъ: «за всѣми увѣщаніями и убѣжденіями къ обращенію въ православіе оные сектанты оказались упорными въ своихъ заблужденіяхъ».

Систематическія гоненія противъ мѣстнаго раскола и сектъ предприняты были извѣстнымъ епископомъ Арсеніемъ Москвинымъ. Ревностными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были губернаторы Гамалѣй и Корниловъ. По словамъ самого св. синода, Арсеній завалилъ всѣ Тамбовскія присутственныя мѣста сектантскими дѣлами и, разоряя иновѣрцевъ, билъ чуть ли не въ самую чувствительную сторону крестьянскаго быта. Грозный Тамбовскій епископъ настаивалъ даже на томъ, чтобы сектанты не смѣли ловить рыбы въ однѣхъ рѣкахъ съ православными и чтобы они обязательно и поголовно выдавали дѣтей своихъ для крещенія въ православную вѣру. Слѣдствія этихъ и подобныхъ имъ мѣръ, разумѣется,

*) Арх. дух. конс. № 402-й.

были совершенно противоположны ожиданіямъ эпархіальнаго начальства... Именно при Арсеніи въ Тамбовской губерніи былъ такой случай: въ молоканство сразу совратилось 649 человѣкъ.

Въ настоящее время общественные нравы перемѣнились и въ недалекомъ будущемъ наша религіозная рознь, вѣроятно, прекратится. Порукою въ этомъ намъ служитъ постепенно усиливающееся народное образованіе въ Тамбовской губерніи, а также и неудержимо нарождающійся новый строй русской государственной жизни...

Въ слѣдующей, уже начатой нами, книгѣ мы постараемся дополнить тѣ пробѣлы, которые, вслѣдствіе недостаточности мѣстнаго историческаго матеріала, невольно оказались въ первомъ нашемъ выпускѣ.

И. Дубасовъ.

